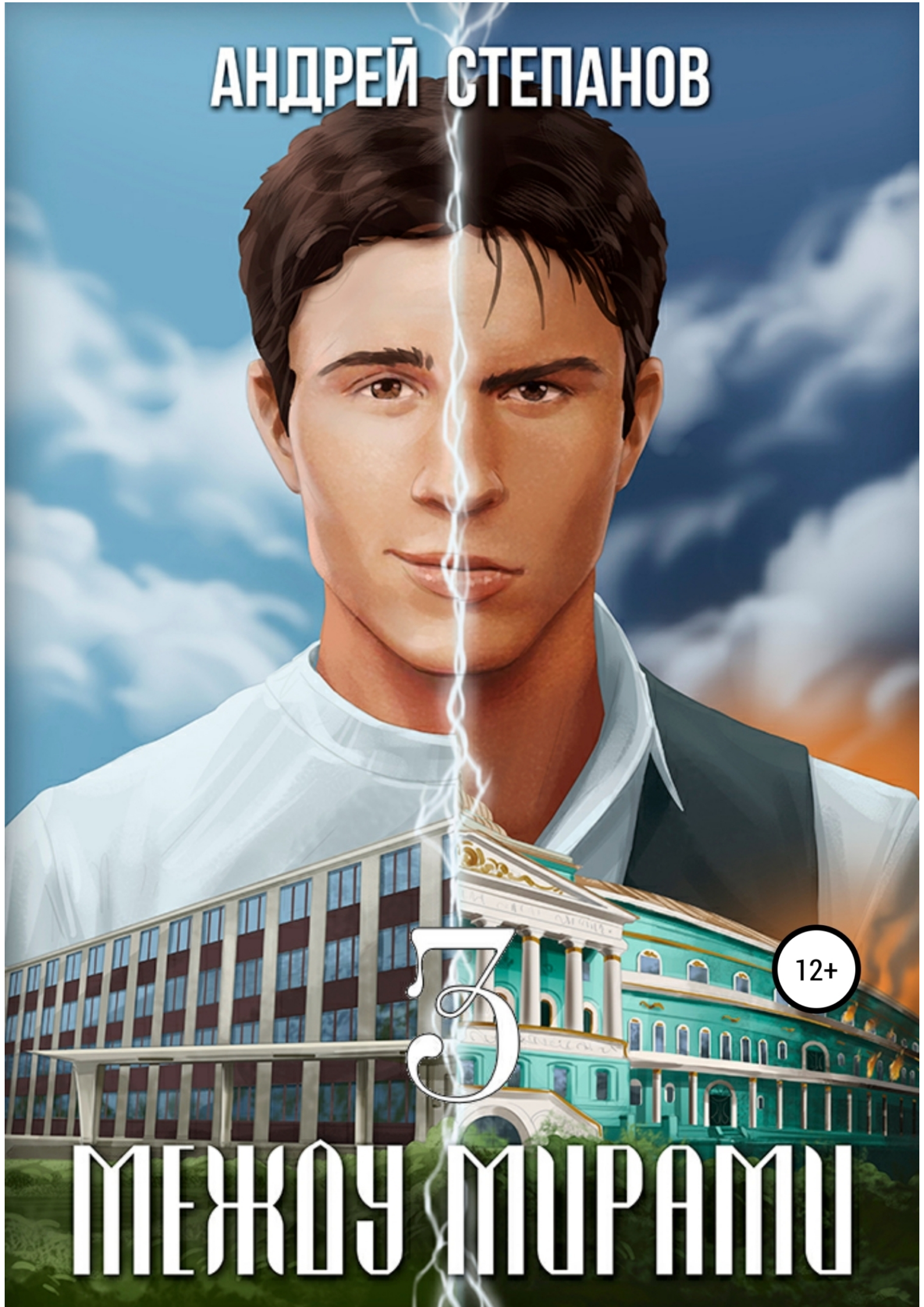

АНДРЕЙ СТЕПАНОВ

12+

Э

МЕЖДУ МИРАМИ

Андрей Степанов
Между мирами. Том 3

«Автор»

2022

Степанов А. В.

Между мирами. Том 3 / А. В. Степанов — «Автор», 2022

Влиятельные люди — как пауки. Плетут свою паутину и распространяют влияние. Но сеть запутана настолько тесно, что не всегда понятно — чья дернулась ниточка. А если не повезло оказаться в самом центре этих хитросплетений — что же тогда делать? Лучше всего — полагаться на друзей. Осталось лишь догадаться, кто есть друг, а кто — враг. Максим уже был в шаге от правды — и от смерти тоже. Ему пришлось бежать. Почти прояснившаяся ситуация стала еще более запутанной, если бы не внезапно подоспевшая помощь. Теперь Максиму предстоит самому примерить роль одного из винтиков сложной системы государства. Если он даст слабину — рискует потерять все, что заработал потом и кровью. Но если поддастся — навсегда упустит шанс найти злодея, который разыгрывает перед ним очередной коварный план. И все же что-то не так — в цепи событий не хватает связующего звена и ответа на главный вопрос: почему все это происходит?

Содержание

Паутина влияния	5
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Андрей Степанов

Между мирами. Том 3

Паутина влияния

Глава 1. Дитер болен

Если пройти по широким проспектам Дворцового района Владимира, можно встретить множество различных людей. И не надо говорить, что такого района в городе нет. Он отсутствует исключительно в привычном нам Владимире.

Тот город, который является столицей Империи, заслуженно получил соответствующий своему размеру и статусу Дворцовый район. Он же – Суздальский. Когда-то эти земли вообще были самостоятельным княжеством, но в этом мире так сложилось, что город, разросшийся до семи миллионов жителей, поглотил обширные территории.

Но главное – не сам город, а жители, которого его образуют. Без жителей нет города. Даже самого маленького. Они как кровяные тельца в организме поддерживают жизнь и делают ее лучше.

Дворцовый район – это хорошее место. И люди здесь пристойные, богатые и уважаемые. Куда ни ткни пальцем... Нет, это неприлично. Куда ни посмотри, увидишь либо дипломата, либо известную личность, например, балерину или певицу оперы, дворянина или промышленника.

Но, когда на дворе последняя неделя сентября, листва сброшена и недовольные дворники скребут мощные тротуары, украдкой сплевывая под стволы деревьев, люди и остаются последними брызгами краски на улицах.

Кто-то надевает темно-красный плащ или длинное пальто цвета пожухлой листвы, а если требуется что-то более строгое, то непременно атрибутом становится шарф – в крупную клетку или полоску, в двух или трех цветах. Но никто не выглядит одинаково.

Эти люди могут быть слишком заняты, чтобы притормозить на минутку и насладиться красотой вокруг, но никогда не забудут про свой внешний вид или про акт вежливости – поговорить со знакомым на улице. Не перекинуться парой слов на ходу или быстро пожать руку, но поговорить. И это все – несмотря на прохладную погоду.

А еще многие начинают использовать трости. Берут массивные или тонкие, полегче, с прямой или изогнутой витиеватой рукояткой. Со скрытым лезвием или тайником, а иногда даже с крохотной емкостью для алкоголя – надо же как-то согреться во время прогулок осенью.

Быть может, я бы никогда не узнал этих секретов, если бы не заменил первым делом собственную трость, которую мне предоставили, пока окончательно не пройдут последствия перелома.

Поэтому теперь стало на одного человека с тростью больше. В черном пальто с двойным рядом пуговиц и высоким воротником, и длинным шарфом на шее в дополнение. И еще я жил в арендованных апартаментах во Дворцовом районе где-то между Дипломатическим кварталом и непосредственно самим дворцом.

Хорошее место, особенно если учесть, что это не мой мир и я попал сюда совершенно случайно. Вернее, этому способствовала случайная встреча, а вот перебрался я сюда уже вполне осознанно.

Сколько всего успело случиться – не рассказать. Одно я знаю точно: в этом мире живет, пожалуй, лучшая девушка по обе стороны сам не знаю чего. Я до сих пор не выяснил, что

разделяет мой мир и этот, но в Ане я уверен на двести процентов. Именно она является той самой причиной, по которой я прибыл сюда и до сих пор здесь нахожусь.

Только вот шел я сейчас совсем не по Дворцовому району. Увидеть такого человека в порту тоже можно, но только в где-нибудь возле складов, оптовых торговых точек или других более-менее пристойных мест.

Я же направлялся к «Дохлому Удильщику». Этим заведением владел Дитер фон Кляйстер – один из удивительно практичных и честных людей. Нас с ним связывали кое-какие прошлые дела. Они позволили мне приобрести стартовый капитал для моей деятельности в этом мире.

Наверняка кто-нибудь да задастся вопросом – что я, человек из дорогого квартала, связанный с императорской семьей, делаю в Порту рядом с небольшой таверной со странным названием?

Меня уже многие называли шпионом. Я отчаянно отнекивался, потому что среди моих знакомых таких людей предостаточно. Например, Павел Трубецкой. Но я не такой, как он.

У Павла роль очень простая – присматривать за дочерью императора. Логичнее было бы назвать этого человека телохранителем. Но он посвящен в некоторые государственные секреты, а в последнее время его работа и вовсе сводилась к поиску предателей. Повторюсь – я не такой.

На пути к «Дохлому Удильщику» я зашел в кофейню погреться. В таверне Дитера кормят просто отлично, поэтому не было никакого смысла есть в дороге. А вот выпить горячий кофе – другое дело.

Уютно обставленное заведение с теплым светом желтоватых настенных светильников и заставленное небольшими круглыми столиками заполняли люди самого разного вида. Это в Дворцовом районе редко встретишь привычные недорогие костюмы и пальто. Тут люди попроще.

Мой маршрут пролегал через жилые кварталы, Парковый район и другие, где жили учителя и рабочие, а иногда и небольшие начальники, где на первых этажах почти что каждого здания можно было найти пекарню или аптеку, парикмахерскую или пошивочную.

Повесив пальто на вешалку рядом с собой, я дождался кофе. Почему я с не совсем здоровой ногой выбрал именно такой путь? На самом деле я проехал почти три четверти расстояния на конном экипаже.

Передвигаться по Владимиру на массивных автомобилях тоже можно, но далеко не везде – даже в сентябре на улицах не протолкнуться, а магистрали имеют еще очень и очень ограниченное распространение.

После того, как я сошел с экипажа, я планировал пройти пешком. Оставалось где-то два с небольшим километра, но сил я не рассчитал. А ехать на экипаже напрямую никак не хотелось – слишком уж подозрительно выглядят такие перемещения.

Недорогой и вкусный кофе. Одно из многочисленных преимуществ сильной державы. Звучит смешно, но Империя стала новым плавильным котлом для множества наций, став самой сильной не только на континенте, но и в мире.

А поставки кофе из Индии были вообще одним из стратегических договоров – во всяком случае, так писалось в книге по современной истории, которую я читал еще лежа со сломанной ногой.

Мир этот вообще очень сильно отличается от нашего. Я допил кофе, накинул пальто с высоким воротником и вышел на улицу. Оставалось еще совсем немного.

Вскоре пестрая толпа сменилась однообразием портовым рабочим в одинаковых униформах, а затем на глаза показалась и вывеска. Я вошел внутрь и тут же спросил Дитера у подлетевшего ко мне официанта.

Поскольку я не был частым гостем здесь, то не удивился тому, что он меня не узнал. Зато меня узнал Карл – помощник Дитера. Он часто сидел внутри, заменяя шефа.

– Здравствуй, Максим, – несмотря на то, что он тоже был потомственным немцем, как и сам Дитер, от классического акцента он практически избавился. Похвастаться чистотой речи, как сам ростовщик, он не мог, но говорил более чем сносно. – Шеф сейчас принять не может. Немного приболел.

– Дитер болен? – едва не фыркнул я, настолько несерьезно звучала эта фраза. Существовал ли такой персонаж в этом мире, как и эпоха диско – я не знал. Не до того было.

– Не то чтобы болен, – тут же поправился Карл. – Нездоровится ему, скажем так.

– Давай без загадок, – я оперся на трость. – Видишь ли, если ему нехорошо так же, как и мне, то нам точно нужно с ним поговорить. Срок подходит. Я же по делам.

– По делам, хм... – Карл задумался. Несмотря на массивный и грозный вид тупым он не казался, да и не был. Иначе бы ростовщик его не держал при себе. Парню не хватало такта и терпения, чтобы разумно выбивать долги для начальства, но для всего остального он годился. – Хорошо, я провожу.

– Звучит так, точно на него напали.

– Именно, – недовольно буркнул Карл. – Он сам расскажет, если захочет, у меня не спрашивай. Не велено распространяться.

– По крайней мере, он может говорить?

– Да-да, – кивнул здоровяк и сперва постучал, а потом открыл дверь в кабинет Дитера. – Заходи.

Глава 2. Не было печали

– Фройнде! – прохрипел Дитер, поднимая на меня глаза. – Давно тебя не видел. И... – взгляд его упал на мою трость, – кажется, не мне одному «повезло». Можешь идти вниз, Карл, спасибо.

Здоровяк кивнул и захлопнул за собой дверь. Дитер выглядел вполне обычно. Его выдавал лишь голос, точно простуженный.

– Карл сказал, что с тобой что-то случилось, – я опустился на стул напротив, приставил к нему трость, сложил руки на коленях. В кабинете было на удивление прохладно, так что снимать пальто желания не возникло.

– Угу, – ростовщик снова погрузился в бумаги. – Большая неприятность случилась, и я чрезвычайно рад, что ты пришел.

– Не очень заметно, – я наклонился, чтобы рассмотреть его лицо: – радости не видно.

– Скажи мне, Максим, – Дитер с усилием выпрямился и часто, но мелко задышал, – тебе доводилось когда-нибудь сталкиваться со взрывчаткой?

– Я думаю, что мне очень повезло не сталкиваться с ней вообще, иначе бы я сейчас не сидел перед тобой.

– Оно и видно, – он приложил ладонь к ребрам, – бестолково это. Легкая контузия, сказали мне врачи. Только вот дышать нормально до сих пор не могу, – он бросил на стол ручку и выдохнул: – Прости мою бестактность. Я правда рад тебя видеть, мой друг, но мое состояние меня раздражает. С чем пожаловал?

– Срок подходит, – напомнил я.

– Знаю, в банк пора. А ты что, уже все потратил?? – вдруг осенило его.

– Не все, но мне так кажется, что мои ресурсы стали таять неоправданно быстро.

– Настолько быстро? – недоверчиво уставился на меня немец. – Не может быть.

– Жизнь меняется.

– О, так ты нашел ее! Я же читал газеты, но там... – он на секунду замолк, – это же ты на той фотографии в театре, верно?

– Верно, – улыбнулся я. – В этом у меня все-таки успех. Но, пожалуйста, не говори никому. Ситуация сейчас слишком сложная для того, чтобы демонстрировать меня миру.

– Все-таки не все ладно?

– Как видишь, – я указал на трость. – Теперь я временно как ты.

– Не надо, как я, – замотал головой ростовщик. – Шутишь? Я такого врагу не пожелаю. Но я вижу, что у тебя все еще какие-то тайны и секреты. Значит, Третье отделение тебя скрутило окончательно?

– Вот как раз с ним у меня и есть очень сложная ситуация, Дитер. Кто-то из него мне помогает. Другие – мешают. Я до сих пор не знаю, кому можно верить. А Трубецкого так и вовсе искать надо, но только вот мое состояние не позволяет.

– Ты пришел за помощью?

– Нет, ты и так много для меня сделал, а я достаточно с тобой расплатился, чтобы я мог прийти и проведать тебя, как друга.

– Алан за решеткой, – как бы между делом заметил ростовщик.

– Знаю. Его освобождение тоже стоит в списке моих ближайших свершений.

– Ого! – немец присвистнул. – Ты сильно изменился за те несколько недель, что я тебя здесь не видел. Может быть, тебя и вовсе подменили?

– Тише, тише, господин ростовщик, – рассмеялся я. – Все же я прекрасно помню, как Карлу наkostenял какой-то портовый грузчик или морячок.

– Похоже, что с памятью у тебя все в порядке. А с ногой?

– Поскользнулся, упал. Очнулся – гипс! – процитировал я и тут же объяснился: – Нашелся один типус, который решил, что надо меня сперва покалечить, а потом убить.

– Но ты ему показал, где раки зимуют?

– Нет, это сделал брат императора с его личной охраной.

– От тебя любая новость – как песня, – повеселел ростовщик. – То Третье, то императорская фамилия прозвучит.

– Как Элен? – прервал его я.

– Лечится, – коротко ответил Дитер. – Уже скоро все. Курс закончится дней через пять, и ее выпишут.

– Планирует скучать по сигаретам?

– Надеюсь, что да. Но, мне кажется, я это вряд ли узнаю – не так уж она и заинтересована в моей персоне, как оказалось.

– Все наладится, вот увидишь, – утешил я его. – Но ты так и не рассказал о том, что произошло с тобой. Контузия от чего?

– А ты разве не читаешь газет?

– Нет, я не привык к этому и до сих пор никак не привыкну. Больше как-то по книгам.

– Тоже полезно, между прочим, особенно, если читать правильные газеты. Мне пришлось расстаться, и очень быстро, с новеньким «беором». В смысле, автомобилем, – объяснил он мне. – Хороший, мощный. В меру быстрый.

– Разбил? – не утерпел я.

– Если бы! Я же говорю тебе – у меня контузия. Это значит, что ее взорвали.

– Добро пожаловать в клуб, – кивнул я. – Мне хотя бы повезло не покалечиться настолько.

– Не перебивай, сперва моя история. А то мне уже любопытно узнать все и сразу.

– Все, я слушаю.

– Взорвали его прямо перед моим носом. А я же специально для такой малышки нанял водителя!

Называть автомобиль «малышкой» в нашем мире было куда привычнее. Четыре с половиной метра длины, полтора – высоты. Вот тебе и малышка, компактный автомобиль. Даже кроссовер в такие габариты укладывался.

Для Империи ширина машины в два-два с небольшим метра по корпусу была оптимальной. То же касалось и остальных размеров – все они заметно превосходили то, к чему я привык. Но я тактично промолчал.

– В итоге от водителя – фарш, пару пешеходов поблизости посекло осколками, а меня пришибло к стене.

– Так зато жив остался.

– Не то чтобы это уж очень радовало. Это был вроде бы как сигнал мне.

– Кто-то хочет, чтобы ты свернул свою деятельность? – спросил я.

– Похоже. Я даже думал отыскать тебя и передать все наши средства на хранение тебе, но...

– Мой дом сейчас не в том состоянии, чтобы хранить там деньги, – заметил я. – Но я могу поговорить с людьми и решить этот вопрос без лишних бумажек.

– Уверен?

– На девяносто девять процентов. Но сперва у меня в планах Трубецкой. Раз уж в банк мы соберемся не раньше, чем через пять дней, я потрачу их с большей пользой, если доберусь до этого несчастного шпиона.

– Это так важно?

– Очень. Он пытался раскрыть единственный след. Я постараюсь отыскать Павла. Потом вытащить Алана. И у нас появится подходящий ресурс для помощи.

– Звучит, как очень хороший план. Но ты собираешься все это делать в одиночку?

– Нет. Я разберусь. Все же барон в этом мире что-то значит.

– Смотри не загордись, – усмехнулся ростовщик, а потом схватился за ребра. – Охо-хо... когда же это уже закончится.

В дверь постучали. Условный сигнал Карла, который поднялся наверх и принес письмо.

– Что это? – Дитер осторожно осмотрел желтый конверт, не прикасаясь к нему руками.

– Мальчишка принес, посыльный.

– Почему не задержал?

– Он кинул письмо на стойку и убежал со всех ног, – Карл выглядел озадаченным. – Но он не из почтовой службы.

– Так, ясно. Давай сюда, – фон Кляйстер схватил конверт.

Посмотрел на свет, пытаясь определить содержимое. Потом протер бумагу пальцами, провел конвертом по грани столешницы, скрутив при этом конверт сперва в одну, а затем в другую сторону.

Наконец, когда он убедился, что внутри только лишь бумага и ничего больше, он осторожно, ножом вскрыл конверт и вытряхнул на стол плотный белый лист. Когда он прочитал, что там было, то стал бледнее этого самого листа и протянул его мне.

– «Тебе повезло», – прочитал я наклеенные на газетные буквы, – «значит, судьба дала тебе шанс рассказать все самому». Что это за бред?

– Дальше читай.

– «У тебя есть то, что должно быть моим. Чужие долги забирать нехорошо. Даю тебе срок до послезавтра – встретимся в «Румяном кролике»...». Да кто ж такие названия придумывает! – воскликнул я и продолжил читать. – «... в полдень». Не было печали! Что это за псих?

– Думаешь, я знаю? Я догадываюсь лишь, что речь идет о вполне известных мне и тебе долгах Апраксина, деньги которого мы присвоили. А теперь кто-то намерен их вернуть. Вероятно, с процентами!

Я с отвращением положил лист на стол. Мало мне проблем – так еще какая-то сволочь решила, что Дитер должен ему денег. Доберутся до меня или нет, сказать сложно. Я посмотрел на свои руки.

И близко не похожи на холеные лапки графов и князей. То есть, принцев. Нехорошая история с поведением князя Николая лет так сто с небольшим назад привела к избавлению от княжеских титулов в императорской семье. Но дворянство между собой все равно именовало некоторых представителей древних родов князьями.

– Мне кажется, ты уже достаточно запачкался в этой истории, – заметил ростовщик. – Если бы я просил тебя о помощи, то сразу, едва ты переступил порог.

– Ты забываешь, что деньги мы поделили на троих, – напомнил я.

– Не тыкай в мою память, я все прекрасно помню! – воскликнул Дитер и снова схватил лист.

– Ты должен был обратиться в полицию. Коняев помогает?

– Коняев умыл руки, – фон Кляйстер цокнул языком. – Сказал, что это дело явно политическое, потому что в наше время простые люди бомбы не закладывают.

– Тут он неправ, конечно, – протянул я. – В наше время политические дела решаются с расстояния.

– О чем ты? А, понял. Да... Видишь же, фройнде, у тебя самого полно проблем.

– Просто они пока не добрались до Элен. И до меня. Но как они узнали, что разговаривать надо с тобой? – я сам поразмыслил над этим вопросом и предположил: – разве что только эти люди нашли Апраксина? Или это он сам, просто ловко скрывается.

– Думаешь? Пропал, о нем неделями ни слуху, ни духу... Хм, все может быть.

– Опять же ты мог бы напрямь Коняева, – намекнул я.

– Да напряжен он уже сверх меры, лопнет скоро от денег, что я в него вливаю, – рассердился Дитер. – Только сделать ничего не может. Что касается Элен, так до нее точно не добрались, я разговаривал с ней не так давно.

– Вероятно, мне все-таки стоит предложить тебе свою помощь?

– Нет, нет и нет. Это огромная куча денег и все же она не стоит человеческой жизни. Твоей жизни тем более.

– Зато другие жизни, очевидно, стоят меньше? То, что случилось на сгоревшем складе, унесло жизни скольких? Пяти?

– Мой – один, – уточнил Дитер. – На остальных мне плевать. Апраксин их привел, значит, он и ответственный за их жизни.

– Разумно. Но спустить это на тормозах все равно нельзя, – принялся рассуждать я. – Коняев же что-то все равно сделал?

– Да практически ничего, по сути, – разве руками Дитер. – Его сыскные только облазили все, что осталось от автомобиля, забрали этот хлам себе и поставили в гараж.

– Ты их явно переоцениваешь. Финансово, в том числе, – заметил я.

– Обычно они оставляют машины под открытым небом. Как и экипажи, если в них вдруг произошло убийство.

– Достойный бонус, – саркастически ответил я. – Но сейчас у меня в голове каша, потому что дел становится невпроворот. Мне катастрофически не хватает мобильных.

– Поясни человеку, далекому от технологий, – что это?

– Беспроводной радиотелефон, – я попытался впихнуть максимум смысла с меньшее количество слов и теперь смотрел на ростовщика с мыслью, не переборщил ли я.

– Полезная была бы штука, – кивнул Дитер. – Наверняка у армейских что-то такое есть.

– Почти уверен, что есть, но радиус охвата у них мал, а у нас это весь мир.

– Ого! Послушай, Максим. У тебя и правда много дел. Я встречу с тем, кто отправил мне это сообщение, – он потряс бумагой, а потом убрал ее в ящик стола. – Встречусь сам. Карл мне поможет, и еще несколько человек в случае чего соберем.

– Если у меня выдастся время, я помогу.

– В «Румяного кролика» не приходи.

– Не приду, ладно. Уговорил. Не с моей ногой в такие авантюры ввязываться. Но насчет взорванной машины я тебе помогу. У меня есть знакомый химик, она может помочь.

Немец побарабанил по столу, глядя в окно:

– На это я согласен, – затем взял трубку и заказал обед с первого этажа.

Я облегченно вздохнул. Чашки кофе за полдня было маловато.

Глава 3. Сомнительные связи

Сытный и плотный обед оказался как раз кстати. За едой разговор пошел легче, и я поведал Дитеру свою историю, опуская некоторые спорные моменты. Немец качал головой, слушая о моих приключениях.

– Пожалуй, мне бы тоже не помешали такие хорошие знакомства. Никогда не думал, что они могут пригодиться. Я рассчитывал на Коняева, эту ленивую скотину.

– С деньгами мы разберемся, как я и говорил. У банков всегда есть схемы, как избежать лишних трат.

– Есть, конечно! – воскликнул Дитер и накинулся на горячее.

Мы сошлись на том, что я заберу деньги, разберусь с банком и раскидаю их потом между нами тремя. Я понимал, что без помощи влиятельных людей мне это не повернуть. Поэтому пришлось в свой план внести некоторые корректировки.

Прежде всего, вернуться к себе домой с целым чемоданом денег. Причем сделать это незаметно и аккуратно настолько, чтобы ни у кого не возникло вопросов.

Только я не сомневался, что они непременно появятся, но не стал загружать этим ростовщика. Я поблагодарил его за обед и на заранее вызванном экипаже отправился домой.

Осторожность заставляла постоянно смотреть по сторонам. Особенно с учетом средств, которые были у меня с собой.

Ведь кто-то же подослал мальчишку. Значит, знали, где искать Дитера. И, вероятно, следили за ним. Все же, когда деньги были уложены не в сумку, комканые и мятые, а в прямоугольный чемодан, они занимали заметно меньший объем.

Это вызвало бы не так много подозрений у тех, кто следил за «Дохлым Удильщиком». Словом, я старался изо всех сил привлечь минимум внимания. И благополучно добрался до своего дома. Вернее, не своего – арендованного

Хороший трехэтажный особняк стоил дорого, но это была необходимость. Об укрытии знали немногие, хотя находилось оно на самом виду. И такой вариант все равно оставался лучшим в сравнении с поместьем где-то под Ковровом.

Кстати, за время моего вынужденного безделья я дозвонился до своего управляющего. Оказалось, что сделать это очень непросто – ведь я лишь знал, что он живет в деревне рядом с моим коттеджем.

После долгих поисков телефонных номеров, когда я сперва пытался найти деревенского старосту, а выяснил лишь номер для самой деревни, мне долго не верили до тех пор, пока не заговорил трактирщик. Его я убедил быстро, он нашел моего управляющего, там и поговорили.

Предстоял большой ремонт – дело шло к зиме и строительство нового здания решили отложить до лучших времен. Именно по этой причине мне удобнее было снимать жилье в столице.

Правда, выбирал его женский пол. Аня, которая побывала здесь всего несколько дней, оценила простор и большую ванну. Викторию, непосредственного начальника Павла Трубецкого из Третьего отделения, соблазнила близость ко дворцу и возможность спрятаться под носом у потенциального врага.

Лично я бы выбрал что-то поменьше трехэтажного дома, но моего мнения никто не спрашивал. Зато здесь – лучшее укрытие для оставшихся миллионов.

Я еще раз проверил, что за мной никто не следит, и вошел. Сразу же из проема, ведущего в просторную гостиную, выглянула Виктория:

– Вернулся, наконец!

– Ты приходишь сюда, пока меня нет? – удивился я и вместе с чемоданом денег прошел внутрь. – Я не в обиде, это все же твоя работа – присматривать за мной. К тому же, у меня есть для тебя дело. Точнее, просьба.

Я сел на диван, который мне долгое время служил больничной койкой. Виктория села напротив. Я заметил, что она теперь могла ходить нормально, и в душе ей завидовал – мне с тростью предстояло ковылять еще неделю, если не больше. Пока врач не позволит нормальную нагрузку.

– Просьба? – прищурилась она. – Это связано с твоей поездкой в Портовый квартал?

– Я... – хотелось соврать, но своим лучше говорить правду. – Да. Именно с этим. Возникла небольшая трудность и мне нужно знать, есть ли способ как-либо повлиять на банк.

– Ты взял кредит? – с легкой усмешкой спросила женщина.

– Нет, мне наоборот надо положить наличность на счет в банке, чтобы проще было расплачиваться. Но у меня здесь, – я положил на стол чемодан и открыл его – денег на троих. Номера счетов есть.

– В чем сложность?

– Тут больше десяти миллионов, которые надо разделить на три равных части так, чтобы не спрашивали, откуда эти деньги взялись.

– Ты же понимаешь, что твои сомнительные связи теперь стали еще более сомнительными?

– Понимаю, – охотно кивнул я.

– Какая точная сумма?

– Без понятия. Изначально было двадцать, часть вложили сразу, что-то было потрачено, но здесь явно осталось больше половины.

– Я могу сказать честно? – лицо ее на миг стало непроницаемым.

– Да, конечно, – тут же ответил я.

– Каждый человек в Империи возненавидел бы тебя за это. И мне тоже хочется, но я сдерживаюсь лишь потому, что ты прикладываешь хоть какие-то усилия для спасения страны. Пусть сейчас это и не так очевидно.

– Вот прям каждый? – недоверчиво переспросил я.

– Тебе перечислить всех поименно? Знаешь, сколько получаю я за то, что рискую шеей?

– Нет, но мне любопытно узнать, сколько.

– Три тысячи.

– Вроде бы неплохо. Есть же командировочные и представительские расходы?

– Есть, – Виктория посмотрела на чемодан с пяти тысячными ассигнациями. – Но я здраво отношусь к этому. Далекое не у каждого графа есть столько денег. Тем более у барона. Про обычных людей я и вовсе молчу, – она взяла паузу и продолжила с новыми силами: – А те, у кого подобные деньги имеются, получили их в наследство, либо украли. Заработать двадцать миллионов можно лишь за целую жизнь!

– Я бы хотел сказать, что «нужно сбросить рамки и шире смотреть на мир вокруг!» – пробасил я, изображая современных коучей, но тут же произнес: – Скажу проще – да, я их украл. Но! – я остановил Викторию, которая наверняка хотела мне прочитать нотацию, – это было запланировано самим владельцем этих денег в мошеннических целях. Граф Апраксин. Большого я не скажу.

– Я слышала про «Кутеец», но не думала, что ты принял в этом деле такое активное участие.

– Лишь случайный свидетель. Ничего более. А потом удачно сошлись карты. Давай проще – могу я сделать так, как запланировал, или нет?

– Переводы от государства не требуют объяснений. Проведем это через Казначейство и все, – Виктория пожала плечами. – Дальше ты волен хоть все свои деньги отдать кому угодно.

– Отлично, – я захлопнул чемодан и подвинул ближе к ней. – Как только будет время.

– Не сегодня, – она покачала головой. – Но сделаю, – ее пальцы медленно обхватили чемодан.

– Я доверяю тебе. К тому же император сказал, что ты сможешь вытащить Алана из тюрьмы.

– Какого Алана?

– Алана Быкова, его посадили по какому-то политическому обвинению... но это же неважно! Он был со мной. Меня отправили в мой мир, когда я вытаскивал Аню, а его посадили! Но этот человек мне нужен.

– А что же Алексей Николаевич?

– Он сказал, что если отпустит его сам, то создаст ненужный прецедент. Поэтому надо устроить побег.

Виктория потерла висок, положив чемодан себе на колени. Она высоко подняла брови, и я никак не мог понять – она удивлена, веселится или все-таки не сдержится после моих нескромных просьб.

– Я знаю, что у тебя полно других дел, и я слишком тебя напрягаю, но с деньгами я скорее помогаю другу. И Быков тоже из-за меня пострадал.

– Ты про Анну Алексеevну не забывай. Иначе она почувствует себя брошенной, – намекнула Виктория.

– Завтра вечером у нас с ней очередной «выход в люди». Я ее уже предупредил.

– Хорошо, – она немного успокоилась. – Поскольку делами ты меня завалил по самое не балуйся, постарайся за следующие двадцать четыре часа никуда не связываться, договорились?

– Конечно! – с готовностью закивал я.

Не мог же я ей сказать, что как только она уйдет, я отправлюсь на поиски Павла. Пора бы уже что-то и самому сделать!

Глава 4. Снова промзоны

Виктория вышла с чемоданом. Я проводил ее до тех пор, пока она не скрылась из виду, и только тогда отлип от окна.

Отчего-то стало спокойнее. Не так много людей было в моем окружении, которым я доверял. И Виктория, хотя она лишь недавно вошла в их число, все же заслуживала моего доверия. Я так считал и гнал прочь мысли о том, что она может слиться с миллионами.

Может быть, я был слишком доверчив, или все совсем наоборот, и мне стоило доверять людям рядом со мной больше. Все же я не посвятил ее в свои ближайшие планы.

Но, если бы я ей сказал, что отправляюсь за северо-запад, в жилой массив неподалеку от Ставровской промышленной зоны, она точно попыталась меня остановить. А так у меня есть шанс напасть на след шпиона.

Я разжился мелочью, помня о том, что проезд в метро стоит какие-то пустяковые две копейки и тут же подумал о том, насколько дорого стоит проезд на экипажах. Перед выходом из дома глянул на себя в зеркало – не буду ли я бельмом на глазу в рабочем районе?

Натянул черные кожаные перчатки, сунул во внутренний карман пальто «стрельца» – небольшой малокалиберный пистолет. Мне до жути хотелось снова использовать подаренный братом императора «туляк» – выкупленный и переработанный «кольт» – но оружие имело приличный вес и было заметно даже под пальто.

«Стрелец» же напоминал «вальтер», только был чуть тоньше и короче, и, к тому же, смотрелся более «прямоугольным». Как любой небольшой пистолет, он предполагал использование на короткой дистанции. С ним я чувствовал себя в большей безопасности – если кому-то не

понравится мой внешний вид и меня захотят ограбить, то подобный аргумент в руке сильно меняет ситуацию. В мою пользу, конечно же.

Я прошелся по улице, не очень спеша, так как не планировал страдать от болей в ноге, когда доберусь до места. Спуск в метро располагался примерно в полукилометре от дворца.

Не так давно Трубецкой рассказывал мне о том, что проход под дворцом построен с учетом безопасности. Минимум подвижных и электрифицированных элементов. Похоже, что и основной вход в метро тоже отвечал каким-то требованиям. Ведь при необходимости можно было защитить дворец еще на подступах.

Я спустился вниз по широкой лестнице, дошел до касс. Невзрачного вида мужчина в кепке, как у клерка, посмотрел исподлобья, когда я протянул ему двухрублевую бумажку, попросив взамен несколько жетонов.

– Может, вы хотели абонемент? – он постучал пальцем по табличке. Я опустил глаза и прочитал: «месяц за два рубля»:

– Именно, – и забрал протянутую мне магнитную карту. Пригодится еще.

В этом мир Империи забавным образом отличался от нас. Они не придумали Интернет и спутники, не отправили в космос ни одной станции и даже не построили вышек сотовой связи. Но при этом отлично жили, снабдили жителей крупных городов копеечной энергией и относительно недорогим транспортом.

Если я правильно помнил, рабочий в порту получал две сотни в месяц. Из них два рубля от мог отдать за проезд в метро. В мой первый год обучения в университете я мог бы отдать половину стипендии за проездной в автобусе. Вот уж действительно разница.

Забравшись в вагон, я вернулся к размышлениям об оружии. Ядерного здесь тоже не было. Да и кому его придумывать? Европейские нации здесь делились на две категории. Первая была поглощена Империей. Как ощущали себя люди, которые там жили, я не знал. И даже не интересовался. Более того, надеялся, что туда никогда не попаду.

Вторая категория – это те, кто остался сам по себе. В основном это были страны Западной Европы, поджатые восточным соседом. Политика меня не интересовала, но все же в учебнике истории, который я читал, пока лежал со сломанной ногой, было несколько моментов, которые меня зацепили.

Например, постоянные стычки за пограничные территории. Мелкие бои, вылазки. Никаким Евросоюзом здесь и не пахло. Что уж говорить о бюджетах на науку. То же самое касалось и заокеанских «партнеров», как у нас любили их называть.

Там было еще проще: Великая война закончилась больше ста лет назад благодаря массированным ударам императорской армии по врагу. И пока из-за океана смотрели на происходящее и пытались этому помешать, Империя дошла почти что до Берлина и там взяла передышку, повторив подвиги великих из восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Тихая и спокойная Империя стала пристанищем лучших умов, за исключением тех уникумов, которые предпочли перебраться через Атлантику. Но так как у нас здесь не было равных нам врагов, никто и не думал о стратегически новых типах вооружения.

Я осмотрелся вокруг себя – люди тихо переговаривались между собой, а почти бесшумный скоростной подземный поезд всего за четыре минуты довез меня практически от самого Суздаля до рабочего поселка Ставрово – если ориентироваться в нашем мире.

Покинув поезд, я посмотрел ему вдаль. Технологии на благо людей. Кто-то вышел следом за мной, уткнувшись в книгу. Еще двое остановились поговорить. Судя по обрывкам фраз, обсуждали какие-то рабоче-производственные вопросы.

Ни один из них не был похож на голодного или изможденного крестьянина. Аккуратные люди с адекватной речью. Я оперся на трость, проверил пистолет во внутреннем кармане пальто и направился наверх.

Строить иллюзии, что все вокруг именно так хорошо, нет смысла. Я пока еще видел слишком мало, чтобы романтизировать Империю, как идеальное место для всех и каждого. Но все же увидел достаточно, чтобы счесть ее более достойным домом. Но кто знает, как бы я думал, не владей я тем чемоданом денег?

Постепенно переступая с одной ступеньки на другую, делая передышки, потому что именно подъем причинял мне наибольшие неудобства, я выбрался в сквер. Уже пожелтевший и облысевший с момента моего последнего появления. Инженер за чертежной доской стоял на своем месте, слегка присыпанный листьями.

Я вспомнил, как мы шли с Павлом к Ульяне, девушке-химику, и выбрал направление. На улицах было совсем немногочленно, чему я радовался – меньше людей обратит на меня внимание.

Дунул холодный осенний ветер. Жилые кварталы здесь строились на открытом месте и, похоже, о защите от ветра никто не заботился. Порыв сорвал оставшиеся листья и бросил их на меня. Я прикрыл лицо рукой и за шелестом листвы услышал, как на втором этаже громко хлопает форточка.

Отошел чуть в сторону, чтобы убедиться, что я правильно смотрю – да, это точно было окно ее небольшой двухкомнатной квартирki. Вряд ли она любит прохладу или здесь топят настолько хорошо, что можно выпускать тепло на улицу.

Пришлось поспешить вокруг дома, чтобы зайти в подъезд. Толстая деревянная дверь оказалась приоткрытой. На скамейке рядом усталый работяга в штанах на подтяжках дымил папироской.

– Вы к кому? – спросил он лениво, при этом широко раскрывая рот.

– К другу, – отозвался я, ухватился за ручку двери и задумался – может, расспросить его обо всем здесь, на месте? Но решил подняться наверх.

И снова лестница. Деревянная, с заметно стертymi посередине ступенями, скрипучая и кое-где разошедшаяся, она все же была достаточно просторной, чтобы я без ужимок поднялся на второй этаж. Квартира же оказалась отпертой, поэтому я без проблем вошел внутрь.

– Ульяна? – я с порога осмотрел первую комнату и двинул к лаборатории. – Ты здесь?

Беспорядок такой же, как и во время моего первого визита сюда. Пепельница пуста, лежит на подлокотнике. Подушки раскиданы по маленькому диванчику. И холодно.

Я поспешил закрыть форточку, чтобы не было сквозняка, а потом прикрыл дверь. В большой комнате ничего не указывало на погром или похищение, но я все же взвел курок у «стрельца», держа руку за пазухой.

В маленькой комнате, которая служила Ульяне лабораторией, тоже все было чисто. Ни осколков стекла, ни новых пятен на полу от пролитых кислой и щелочей. А если и были какие-то посторонние запахи, то через открытую форточку при таком ветре выдуло бы все вмиг, не то что за дни.

Зато ветер очищал промзону от дыма, унося вдаль угольную пыль и прочие химикаты. Холодно вот только. И тут меня осенило: холодильник с телом!

Я нащупал рукоять и вытянул ящик. Пустой. Либо Павел пришел и втихую забрал тело, либо с ними разобрались здесь. Никаких следов. Я уже собрался пойти вниз, спросить у парня с папироской, что здесь произошло, но в большой комнате скрипнула половица.

У окна стояли двое, а солнце светило так, что я не мог разглядеть их лиц. Кто бы их не послал, он точно знал, что в одиночку отправлять не стоит даже самого опытного подчиненного.

– А тела-то и нет, – развязно выдал один из них. – Опоздали вы.

С ближайшего завода раздался громкий гудок. Что-то сверкнуло в руке одного из незваных гостей, и я инстинктивно выхватил пистолет, тут же изо всех сил нажав на спусковой крючок.

Глава 5. Случайный свидетель

Если бы он держал в руках «коротыш», шансы на выживание у меня были бы минимальными – скорострельный пистолетик способен высадить пяток пуль за секунду. И это весь его боекомплект.

Чем были вооружены мои противники, я и разглядеть не успел. Меня только блеск и привлек, заставил действовать. Поэтому прежде, чем они успели что-то сделать, я уже трижды нажал на курок.

Не целясь. От бедра. Именно так, как делать не надо. Но в тесной комнатухе три на три метра промахнуться довольно сложно.

Тот, что стоял ближе всего ко мне, рухнул почти сразу же, толкнув второго. Он пошатнулся, махнул рукой и вонзил небольшой метательный ножик в дощатый пол прямо у меня перед ногами.

Первый уже не мог и рукой пошевелить, тогда как второй после броска завалился набок, уперся ладонью в стену, потом попробовал подняться – что в тесноте квартирки оказалось не так просто сделать, и попытался выскользнуть в комнату побольше, а дальше – к двери.

Я в два шага добрался до проема и, снова почти не целясь, выстрелил ему в спину. Только единожды – второго выстрела не понадобилось. У беглеца подкосились ноги, и он упал лицом вниз в метре от двери. Я бы его даже и беглецом не назвал – слишком он медленно двигался.

Раз медленно – значит был в этой квартире в первый или второй раз, логически рассудил я и мысленно начертил путь до двери. Значит, это не они побывали здесь до меня. Но точно должны что-то знать.

Несколько секунд я смотрел на лежащего ничком парня, затем развернулся и окинул взглядом свою первую жертву. Тот полусидел, упираясь спиной в стену. Глаза он широко раскрыл от удивления.

Я подтолкнул его тростью, и он завалился набок. Под правой ладонью у него я обнаружил такой же метательный нож. Грубая деревянная рукоятка, короткое обоюдоострое лезвие. Ничего особенного.

Кидать ножи я все равно не умел, поэтому решил не брать его. Только перевернул на всякий случай – некоторые любят оставлять метки. Но на ноже не было никаких опознавательных знаков.

На руке тоже – чистая ладонь без колец и перстней. Вряд ли бы я нашел какой-то след, попытайся я его раздеть, а потом ограничился всего лишь осмотром содержимого карманов.

Нападавший носил кожанку в светло-коричневом цвете без меха, на молнии. И карманы его были пусты – разве что связка ключей. Хоть что-то.

– Ого! – услышал я и тут же обернулся: похоже, что парень, который спокойно покурил папироску, решил подняться сюда и заметил меня: – Ой, – только и успел добавить он.

– Стоять, полиция! – рявкнул я, выдав первое, что пришло в голову, и штаны на подтяжках тут же замерли рядом с телом второго нападавшего. – Сядь на диван, живо!

Сидя на корточках многого не увидишь, поэтому я поспешил подняться, сунул пистолет в карман пальто и подхватил поудобнее трость – если работяга тоже окажется из этих, мне проще будет садануть его тростью. Тот еще дохляк оказался.

Когда я шел мимо, то не обратил внимания, а сейчас его конституция бросалась в глаза – узкие плечи и максимум шестьдесят килограммов веса. Руку из-под пальто я тоже вытащил, уже без опаски.

– А вы не из полиции! – пискнул работяга и шмыгнул носом.

Я уставился на него, пытаюсь понять, кто вообще сидит передо мной на диване. В голове начали толкаться вопросы:

– Откуда я – тебе знать не следует, – попытался я выпутаться. – Сколько тебе лет?

– Шестнадцать! – бодро ответил парнишка. – Но, если вы не из полиции, я вам отвечать не обязан.

– Давай по-честному, – предложил я, подтянул к себе стул и сел, продолжая держать трость в руке. – Я не из полиции, а тебе не шестнадцать лет. То, что ты куришь, мне по барабану – я не буду искать твою мамку и сдавать тебя ей. Но мне важно знать – не видел ли ты чего подозрительного здесь в последние пару недель?

– Вы – частный сыщик? – восторженно воскликнул парнишка.

– Пусть будет так, – кивнул я, мысленно состарившись лет на двадцать минимум.

– А эти двое, они... хотели вас убить?

– Так, мелкий, – не сдержался я. – Ты же хотел мне что-то рассказать, а не вопросы задавать не по делу, правда?

– Да я ведь их вроде как и не видел раньше, – пацан уставился в спину лежавшего.

– Ты и второго отсюда видишь?

– Нет.

– Так сходи и посмотри, может узнаешь!

Паренек встал, обошел меня, а я сел так, чтобы видеть и его, и входную дверь. Мало ли, кто еще решит заглянуть к нам на огонек. Мелкий трупов совершенно не боялся, присел на корточке рядом, посмотрел в лицо, потом потрогал за куртку и вернулся на диван.

– Лицо незнакомое, и в таких куртках у нас не ходят, – заключил пацан. – Не из местных.

– Так ты здесь живешь? – поинтересовался я.

– Да, этажом выше. И мамки у меня нет. Так что вы бы если и захотели, все равно пожаловаться некому.

– Отец?

– Сирота я. Только старший брат. Ему семнадцать. Он тоже на заводе работает.

– А ты разве не там сегодня должен быть?

– Не моя смена. Я не прогульщик, вы не подумайте! – он постучал пятками невысоких сапог по полу. – А давайте этого перевернем. Вдруг я его знаю в лицо?

– И как же я сам до этого не додумался, – проворчал я и попытался одной рукой перевернуть тело на спину.

«Тело», стоило мне его положить на бок, дернулось, поджало ногу и отвесило мне хорошего пинка, вдарив по ребрам. Да так, что я плюхнулся на пятую точку.

– Он убегает! – крикнул пацан и нырнул за диван.

Но ранение не давало беглецу нормально двигаться – а я даже не представлял, куда я ему попал. На ноги он встать так и не смог, но пытался найти точку опоры, чтобы подняться, а в итоге лишь терял время.

– А я его знаю! – мелкий снова подал голос, на секунду выглянув из-за дивана. – Он...

– Заткнись, сопляк! – рявкнул бандюган, который, так и не встав с колен, продолжил свое перемещение к выходу.

Я уже был на ногах. Перелом начал доставлять малоприятные ощущения, но я все равно заставил себя подняться – чтобы не падать в глазах малознакомого паренька.

– Знаешь, где он живет? – спросил я, целясь в тот раз тщательнее.

– Да! – раздался голос из-за дивана. – Знаю. Точно знаю!

Бандит замер на месте:

– Сдаюсь. В руки правосудия сдаюсь! – залепетал он, повернув голову набок.

Начни он плести что другое, я бы не придал значения. Но слишком уж сладко он запел.

– Сиди на месте, мелкий, – прикрикнул я на пацана, который уже показался из-за дивана. – Не высовывайся, кому говорю, он...

Бандит, как кошка, рванул с места, готовясь в один прыжок преодолеть всю большую комнату целиком. Я догадывался, что он избрал целью мелкого, поэтому был готов к его маневру. И все же решил прицелиться.

После выстрела траектория его полета не изменилась, но по тому, как его тело мешком вдарилось в диван, едва не придавив им мелкого, я понял, что попал. Безымянный злодей сполз на пол и затих – из дырочки над ухом, прямо в начисто выбритом виске, струилась кровь. Она стекала по его черепу, капала на пол и просачивалась между досками.

– Теперь можешь вылезать.

– Ого! – парнишка был не испуган – скорее, в восторге. – Как вы его!

– Ты точно знаешь, где он живет?

– Точно-точно, – заверили меня. – Тут недалеко, через пару дворов. Я у них даже бывал. С братом, – добавил он, словно опасаясь, что за такие проделки его точно отругает незнакомый сыщик, который и не сыщик вовсе.

Я перезарядил пистолет, проверил патронник и убрал оружие в карман. Если после первой пальбы сюда никто не сбежался, то и после второй тоже вряд ли найдутся еще уши.

– Как думаешь, от его квартиры? – я вытащил связку ключей, которую добыл у другого нападавшего.

– Пойдет, – закивал парнишка.

– Тогда идем, – я выпроводил его наружу и поплотнее прикрыл дверь за собой.

Глава 6. Дворы

– Как тебя зовут? – спросил я, как только мы вышли на улицу.

Погода начала портиться – ветер усиливался, нанесло тучи. Я поднял воротник, а паренек подобрал со скамейки свой кепарик и натянул его по самые уши.

– Егорка. Так брат меня называет. А на заводе я Георгий Вениаминович, – с гордостью представился он.

– Значит, ты серьезный человек, – усмехнулся я. – Куда нам идти?

– Во-о-он туда, – он указал по диагонали через двор.

Я осмотрелся, чтобы запомнить путь и не заплутать на обратной дороге. Бревенчатые дома строились без особых изысков, ломаных контуров или обшивки. Но добротные сбитые из толстых сосновых стволов прямоугольники все равно не были похожи один на другой.

Где-то стояли наличники, как на старых деревенских домах. Где-то были выкрашены торцы бревен. Синие, желтые, красные вертикальные полосы мелькали то тут, то там. Но этой тройкой цветовая гамма все равно не ограничивалась.

И чем больше я смотрел, тем лучше понимал, что даже такой простой квартал сооружен таким образом, что заблудиться в нем довольно сложно. И хотя квартиры здесь маленькие, а дома снаружи выглядят очень просто, есть какое-то неуловимое очарование классического рабочего района.

– Тут не очень далеко, два двора и все, идем, – поторопил меня Егор.

Между домами не росли деревья, но пространство было ухоженным и чистым. Все прибрано. Немного пустынно, но наверняка людям, которые проводят много времени на заводах, не очень есть дело до происходящего вокруг.

– Скажи, сколько ты работаешь? – спросил я. – В смысле, сколько часов в день?

– Двенадцать часов. Но это потому что я еще слишком мал для нормального рабочего дня.

– Многовато труда, ты не находишь?

– Так это одна смена всего лишь. И кто постарше, работают четырнадцать часов.

– Мне говорили совсем другое, – заметил я. – Что работа здесь у вас в радость.

– Не то чтобы в радость, конечно, – зашебетал парнишка. – Понимаете, все зависит от бригадира. Вот у нас человек хороший. А бывают такие, кто все на простых работах валит и с

них спрашивают потом. У нас на заводе шесть бригад всего. И один такой... – он посмотрел на меня, словно спрашивая разрешения выругаться. Я махнул рукой: – такой ублюдок! Управы на него нет.

– Давай ближе к делу.

– А, так вот, бригады работают посменно. Сейчас работы много, поэтому отдыхает сегодня только одна. А обычно три работают, три отдыхают. День через день, по очереди. Понимаете?

– Хм, – не сдержался я. – Действительно не так плохо, как я думал.

– Это у вас, сыщиков, ни минуты покоя, да? – полюбопытствовал парнишка.

– Нам не надо стоять у станков. Это проще.

– Кому как, – философски заключил паренек.

– Знаешь, – мне пришла в голову провокационная мыслишка, – я много где бывал и видел в одном месте, что люди работают по восемь часов в день. А некоторые – по пять. Но ежедневно.

– Быть не может. Это же... бестолково так, – Егор не сразу нашелся с ответом, но по его реакции я понял, что он и сам не очень одобряет это.

– Почему же бестолково?

– Как бы вам объяснить? Вот смотрите: есть же режим питания. Завтрак, обед, полдник и ужин. Так?

– У кого как, – ответил я ему в тон и в этот раз не соврал. При моих «активностях» о регулярном питании можно было смело забыть.

– Нет, это неправильно. Организм человека...

И он принялся рассказывать мне вещи, которые если в наших школах к его возрасту и рассказывают, то не вбивают настолько, чтобы у четырнадцатилетнего парня они засели в голове. Про ценность еды, правильность подбора продуктов, вред избыточности – не сладкого, а вообще. Я хотел задать ему еще вопрос, но заслушался настолько, что попросту забыл, что хотел уточнить.

– А когда человек забывает вовремя поесть – это сильный вред организму. Сильнее, чем от табака, – и он снова затянулся. – Но в день можно три вот таких, – он показал мне помятую папироску. – Больше нельзя.

– Ты говорил, что по двенадцать часов работать лучше, чем по пять, – напомнил я.

– А, точно! На работе кормят завтраком сразу по приходу. Время обеда – точное. У нас оно рассчитано от количества проведенных операций. Чтобы никогда не было такого, чтобы мы заготовку бросили. То же и с полдником – наш доктор на заводе напоминает, что...

И последовал еще один пространный рассказ о пользе перекуса. Пока парнишка болтал, мы пересекли первый двор. Не слишком быстро, потому что моя нога разболелась от продолжительной ходьбы и суеты на квартире Ульяны.

Я рассматривал дома, пытаюсь найти что-нибудь подозрительное.

– Понимаете, я бы ни за что не променял свой распорядок. Где это видано, на пять часов ходить на работу?

– А кроме еды, что здесь плохого? – я начал его подзадоривать

– Как чего? Нет, да вы себе не представляете, что такое – работать на заводе!

– Наверно, нет. У вас там все так хорошо разговаривают? Просто в том месте, где работают по восемь часов, матерятся при случае и без.

– Вообще-то у нас, – паренек задумался на пару секунд: – культура речи, вот. И за этим следят. Даже то слово, которым я назвал бригадира – его и то упоминать нельзя. Кроме, разве что, особых случаев. Когда ногу придавишь или молотком, там, по пальцу... – Егорка покраснел. Похоже, что он все же употреблял «нехорошие» слова. Меня же это забавляло. – Но хотя в таких случаях и разрешается, но в церкви все равно потом совестно.

Вот про это я и сам забыл – здесь же религию от государства не отделяли, и она продолжала выполнять свой функционал ограничений. В данном случае, вполне себе правильных. Я не стал вдаваться в подробности – чего еще, паренек подумает, что я и вовсе не здешний.

– Я все еще хочу услышать, как у вас работается, – напомнил я Егору, когда тот притих, мыслями обратившись к чему-то вечному.

– Про пять часов – это пустое. Нужно прийти, добраться до своего места и подготовить инструмент – никогда в ночь инструмент не остается вне ящиков. Заготовки и детали, настрой на работу – бригады как говорят: все плохое оставляйте дома.

– Верно говорят, – поддакнул я.

– Так и получается, что если так ходить, то надо три дня, чтобы сделать то, что можно и за один? И смысл в этой беготне?

– Не знаю, – я пожал плечами. – Говорят, так проще живется.

– Проще, ха! Мне что же, самому еще еду готовить, если я полдник и ужин на заводе пропускать буду?

– Похоже, что да, тебе удобнее работать так, – пришлось мне согласиться с парнишкой.

– К тому же мы не постоянно в трудах. Пара минут перекур – в моем режиме совсем незаметно. Всегда нагнать можно. А ежели от ваших пяти часов остается почти четыре, так тут каждая минута на счету!

– Все, Егор, убедил, – я окончательно сдался. – А многим ли так нравится работать?

– Да никто и не жалуется. Все вроде довольны. Не нужно ездить, не нужно готовить. Если люди семейные, то через завод пайки дают иногда. Словом, очень даже неплохо.

– А завод чей?

– Ох, завалили меня вопросами, господин сыщик, – вздохнул парнишка.

– Я для себя спрашиваю, ты не думай. У меня здесь другие дела.

– Так государственный. Царю-императору, как же еще.

– Ладно, похоже, утомил я тебя.

– Утомили, – парнишка улыбнулся. – Да мы уж почти пришли. Вон там, дом с синими торцами.

– Вижу, – откликнулся я, увидев следующий двор и единственное здание в два этажа, которое имело вертикальные синие полосы. – Очень надеюсь, что его квартира не на втором этаже.

– На втором!

Я тихо выругался. Нога ныла, а тут еще подъем по лестнице. Не самое приятное дополнение к моей затянувшейся прогулке.

Второй двор был более живой – похоже, что здесь отдыхала другая смена. Мужчины беседовали, мальчишки, сильно младше Егора, пинали мяч в углу двора. Несколько женщин сидели на скамейке.

Все были одеты просто – какие-то теплые кофты, иногда вязаные жилеты сверху. Взрослые мужчины – в черных кепках, женщины с непокрытой головой либо в неярких, но цветных платках.

Завидев меня, они прекращали свое занятие и смотрели в мою сторону, отчего мне становилось неуютно. Как будто каждый из них не любопытство свое удовлетворял, но пытался мне сделать больно взглядом.

– Все смотрят, – негромко шепнул я парнишке.

– Просто вы отличаетесь, – объяснил он мне. – Такие, как вы, к нам редко заходят.

И он нырнул в подъезд, приглашая меня пройти следом за ним.

Глава 7. Вопросы совести

– Ты сказал, что раньше бывал здесь с братом, – вспомнил я, когда мы поднимались по лестнице. – А что здесь такое? Что за клуб по интересам?

– Разговаривают. Играют в карты. Что-то обсуждают, – парнишка повел плечами. – Не знаю, я не очень вслушиваюсь в их разговоры. Да и заходил я сюда всего дважды.

– Понимаю, – кивнул я. – Старший брат здесь свой интерес имеет.

– Угу.

Возникло неприятное ощущение, что я иду в логово заговорщиков. Вопрос лишь в том, знает об этом парнишка или нет. Если знает, то он просто ведет меня в ловушку, потому что понимает, что к чему. Если не знает, то у нас обоих есть хорошие шансы выбраться живыми, наткнись мы на гостей.

– Вот эта дверь, – Егор указал на чистое, но потертое от времени полотно.

Я достал связку ключей, подобрал наиболее подходящий по форме, вставил, повернул. Почувствовал себя настоящим взломщиком. И при этом, когда парнишка вперед меня рванул внутрь, тут же нащупал под пальто рукоятку пистолета, а только потом вошел.

– Егорка? – услышал я из дальней комнаты, и поспешил внутрь. – Что ты тут забыл?

– Да я вот, Володь... – паренек начал говорить и затих, когда я появился в дверях, – не один.

За круглым столиком сидели трое. У каждого в руках по несколько карт, больше половины колоды лежало в центре стола. Больше на его поверхности я ничего не заметил, поэтому обратил внимание на сидящих.

По левую руку сидел молодой парень, очень похожий на моего проводника: густые брови, широкое лицо. Отличала их только легкая небритость старшего брата. Двое других больше походили на тех, кто напал на меня в квартире Ульяны.

Эти выглядели, как типичные работяги, только с куда более жесткими лицами. По крайней мере вдвое старше Владимира, с глубокими морщинами, колючим взглядом. Если бы не это, я с удовольствием представил того, что сидел справа пекарем – мясистый нос и широкие скулы способствовали переносу образа. А другого, посередине, наверняка каким-нибудь клерком – вероятно из-за того, что он щурился, глядя на меня. Явно не хватало очков.

Еще я заметил, что вокруг стола стоит пять стульев. Два из них могла занимать та парочка, чьи тела остывали в соседнем дворе. На их местах не лежало ничего, и я решил, что в квартире они не появлялись уже несколько часов.

– Здрасьте, – процедил я сквозь зубы. Дружелюбием здесь не пахло, и я не собирался заводить друзей среди сидящих за столом. – Разрешите?

– Пожалуйста, – Володя указал на стул подальше от себя.

Я развернул его так, чтобы спинка как можно больше закрывала мой правый бок от возможных поползновений со стороны «пекаря» – тот и так неотрывно следил за мной.

Ситуация в случае худшего развития событий складывалась бы фатально для братьев – вытащив пистолет, я бы не смог прицелиться во взрослых мужиков и быстрее бы уложил двух других. Или мог бы использовать их в качестве заложников, но до этого пока далеко – я лишь прикидывал, во что может вылиться мой визит.

– Чем обязаны вашему появлению? – спросил старший брат. – И кто вы, собственно?

– Я Максим Абрамов, если вам это о чем-то говорит.

– Абрамов? Из дворян? – просипел клеркоподобный мужик.

– Да. Что-то не так?

– Уходите отсюда. Мы здесь таких не принимаем, – произнес он, не меняя голоса.

– Погоди, Игнат, – Володя слегка свел брови. – Давай хотя бы спросим, чего он хочет.

Но сперва ответь – откуда у тебя ключи?

– Одолжил у одного из ваших, – ответил я, наблюдая, как парень завел младшего брата за спину. – Но я не намерен создавать вам проблем, чем бы вы здесь ни занимались.

– А его втянул уже в свои дела? – Володя указал на пацана.

– Он опознал хозяина квартиры и только. Я его ни во что не втягивал. К тому же, он здесь уже бывал.

– Так, – он громко хлопнул ладонью по столу, но я даже не вздрогнул. Лишь покрепче стиснул трость. – Раз опознал – значит я верно полагаю, что...

– Верно, – кивнул я.

– Твоих рук дело.

– Я мог бы сказать, что нет, но разве ты мне поверишь?

– Разумно, – согласился он. – Тогда мне нет резона оставлять тебя в живых.

– Я ищу девушку, – громко сказал я, едва он закончил. – И мне плевать на то, чем вы тут занимаетесь. Девушку и мужчину. Последний раз они были в той квартире, за которой присматривали двое ваших товарищей.

Володя шумно вздохнул. «Клерк» почти перегнулся через стол:

– Чего ты медлишь? Или внезапно тебя замучила совесть? Еще скажи, что ты веришь этому дворянскому выродку!

– Тише, – успокоил его Володя. – Он все равно не получит то, за чем он пришел. Но если человек проявляет вежливость, проявим и мы. Нечасто же такое происходит со стороны... кто ты? Граф, барон?

– Это не имеет значения. Что у вас тут за классовые теории? Все далеко в прошлом!

– Нет, не в прошлом! – теперь подключился и «пекарь». – И не надейся! Мы сделаем так, чтобы все были по-настоящему равными.

– По-моему, вы даже не представляете, в какие проблемы это все выльется, – произнес я. – На мой вопрос никто так и не дал ответа. Девушка и мужчина.

– Благородную харю мы оставили на путях. Дня три назад.

Я ощутил неприятный холодок. Если Павла разрезал поезд из-за этих выродков...

– А что насчет девушки?

– А вот девушка, – лицо «пекаря» расплылось в ехидной улыбке, – думает над своим поведением. Или уже не думает.

– Конкретнее.

– Зачем тебе? Думаешь, что сможешь ее спасти, франт?

Я посмотрел на Володю. Тот с неприятной улыбкой следил за нашим спором. Я пытался угадать, насколько он благоразумен, особенно в присутствии младшего брата.

– И чего ты на меня смотришь? – спросил он. – В этом деле я не участвовал. Но все равно бы не сказал тебе ничего конкретного. Даже если бы знал. Это не в моих интересах.

– Почему же? Ладно, благородная харя вам идейный враг, как и я. Допустим. А девушка – она же своя.

– Не своя она ни разу! – просипел «клерк». – Она с этим путалась! И все химичила постоянно.

– Да ты просто злишься, что она тебе не дала! – фыркнул «пекарь» и вытер нос, а после загоготал.

– Я теряю время. И терпение тоже. Последний раз спрашиваю, где я могу найти Ульяну.

– Имя, значит, ее тоже знаешь? – снова выдал мужик, щурясь. – Может, она и с тобой тоже путалась?? Шлюха!

Угораздило же меня попасть в такую неприятную компанию. Если схватиться сейчас за оружие, то я окажусь беззащитным перед мужиками справа. И неизвестно, что еще выкинет Володя. Но тут заговорил его младший брат, который с не меньшим отвращением смотрел на происходящее:

– Он просто ищет девушку, что жила под нами, – громко шепнул он, – Обычный сыщик.

– Сыщик?! – взвыл «клерк». – Продажная шкура! – и вскочил из-за стола.

Настало время действовать. Я чуть подкинул трость, ухватил ее обеими руками и с размаху ткнул набалдашником в лицо пекарю. Комнатка была тесной, и «клерк» никак бы не смог до меня добраться, не протиснувшись мимо Володи, либо вскрикнувшего от боли «пекаря». А лезть на стол он не рискнул.

Я же мгновенно отошел на шаг назад, переложил трость в левую руку и выхватил пистолет. В руке у Володи я заметил такой же:

– Сядь! – прикрикнул он на «клерка», который буйствовал в своем углу, пытаясь выбраться. – И ты тоже! Сел, быстро! – теперь и «пекарь», прикрыв ладонью кровоточащую рану под глазом, тоже сел на место.

Я, не выпрямляя руки, целился исключительно в Володю. Его младший брат стоял рядом, с ужасом глядя на все происходящее.

– Господин сыщик, послушайте...

– Заткнись, Егор. Не лезь в не в свое дело! – крикнул Володя, даже не посмотрев в его сторону. – Ты привел к нам человека, который представляет угрозу. И даже не представляешь, какую!

– Так стреляй, – сказал я. – А потом будешь объяснять ему, почему тебя не мучает совесть.

– Вопросы моей совести тебя тоже не касаются.

– И все же ты не стреляешь, значит, что-то тебя останавливает, – у меня на языке вертелось слово «революционер», но подначивать человека, который в тебя целится – не лучшее решение.

– Егор, выйди, – приказал он. – Сейчас же выйди!

– Нет, – мелкий обошел брата и с силой оттолкнул его руку. – Он застрелил человека, который набросился на меня!

– Я потом тебе все объясню, – колебания Володи заняли считанные секунды. Он положил руку брату на плечо и отодвинул его в сторону. Пистолет при этом не сменил положения, даже когда Егор стоял между нами. – Выйди, прошу тебя! И громко хлопни дверью, чтобы я слышал! Ты не должен видеть этого.

– Это так мило, – не удержался я.

Володя лишь сверкнул глазами. Младший брат, опустив голову, подошел ко мне. Чтобы пропустить его, мне понадобилось сделать еще один шаг назад, оказавшись в соседней комнате.

Не поднимая глаз, парнишка зашагал к двери. Я же смотрел на его брата, а он продолжал целиться в меня. Мы оба ждали, когда хлопнет дверь. Не мог же я стать такой беспринципной сволочью, чтобы застрелить старшего в их неполной семье. Хотя он напрашивался изо всех сил.

– Егор! – крикнул он, когда прошло уже в два раза больше времени, чем требуется четырнадцатилетнему парню, чтобы преодолеть небольшой коридор и выйти на лестничную клетку, хлопнув дверью. – Егор, ты еще здесь?

– Здесь, – ответил голос, явно не принадлежавший парнишке. – Нажми на курок, и я сверну ему шею.

Глава 8. Как воздух

Павел появился в поле моего зрения так же внезапно, как зазвучал и его голос. Неожиданные «восстания из мертвых» меня радовали – особенно потому, что все это происходило именно в тот момент, когда я действительно нуждался в этом человеке.

Он держал Егора одной рукой за шею, а другой – за лоб. Парнишка висел почти безвольно, боясь пошевелиться.

– Ага, вот и пистолет мой. Привет, Максим, – шпион сперва посмотрел на Володю, а потом и на меня. – Застрели его и покончим с этим.

Егор замычал, не в силах открыть рот – мешались пальцы Трубецкого, стиснутые на шее парнишки. Шпион же, не отрываясь, смотрел на Володю. Двое его сообщников даже не показывались.

Получилось так, что нас разделяла арка между двумя помещениями. Никто не мог ни войти, ни выйти. Патовая ситуация.

– Дай сказать мелкому, – попросил я, надеясь хоть как-то разрешить проблему. Чем дольше мы тянем, тем хуже ситуация.

Шпион недовольно покосился, но чуть ослабил хватку, предупредив при этом Володю:

– Только шевельнись!

То не опустил оружия и продолжил сидеть неподвижно. Егор пискнул:

– Господин сыщик! Мой брат... он же...

– Так ты его младший? – чуть наклонился шпион, перебив парнишку. – Отлично! Сдавай оружие. Сейчас же!

– Нет, не трогайте его, – взмолился Егор и к нему присоединился я:

– Нам надо договориться, – сказал я Павлу.

– О, договориться? Надо же! А до моего появления ты до чего-нибудь договорился? Эти ублюдки куда-то дели Ульяну, а я так и не успел...

– Закопали мы твою шлюху! – крикнул, судя по голосу, «клерк». И он начинал меня раздражать, но на пути к нему сидел Володя, не желавший сдвигаться в сторону.

Судя по тому, как напрягся Павел, всей этой компании он не желал ничего, кроме смерти. Парнишка же явно хотел спасти брата, и я поначалу решил выступить в роли переговорщика, держа Володю под прицелом.

– Есть предложение разойтись миром, – четко произнес я, понимая, что после всего произошедшего никакого мира и быть не может. – Сдавайте оружие, говорите, где девушка, и уходите. Вместе с Егором.

– Видали! – снова раздался крик из-за стены. – Молодой, а из ума выжил!

– Это предложение исключительно для тебя, – произнес я, глядя на Володю. – Только для тебя и твоего брата. Этим двоим еще предстоит провести с нами некоторое время. Либо ты можешь сам рассказать нам все. Кто вас нанял? Зачем все это понадобилось? Только не надо мне про уничтожение дворянства. Дело совершенно не в этом.

– Раз ты такой умный и так много знаешь, – процедил он сквозь зубы. – Зачем тебе нужны от меня какие-то ответы? Стреляй! Давай! – он вдруг отпустил рукоятку и пистолет повис на его указательном пальце стволом вниз. – Безоружного! Все вы так любите делать? Давай! – его голос становился все громче. Я вовремя уловил предупреждающий взгляд Павла.

Володя взял оружие за ствол, показывая, что он не собирается стрелять, и протянул руку вперед. Вероятно, он смог бы обмануть меня, сделай он подобное без предварительной подготовки: он постоянно посматривал на своих сообщников.

Далее события развивались стремительно: «пекарь» схватил пистолет и не целясь выстрелил в сторону Павла. Шпион мотнулся, оступился и начал падать.

Я держал оружие в правой руке – мне пришлось переложить его в левую, прежде чем я сделал несколько выстрелов в сторону «пекаря». И вроде бы попал, судя по крикам и стонам, но Володя ринулся с места, бросился на меня и сбил меня с ног, придавив руку к груди.

В таком положении можно было сколько угодно нажимать на курок, и все без толку. А развернуть запястье мне не давала хватка парня. Он как клешней вцепился в левое запястье. Другой рукой я старался не позволить ему меня придушить.

Но, надо признать, заводской работяга имел большую силу, чем я, поэтому его пальцы постепенно приближались к моей шее. Трость я отбросил еще в тот момент, когда менял руку на оружию, поэтому не мог ничем воздействовать на врага.

Пока силы не иссякли, я решил использовать его же собственное усилие против него самого и ослабил сопротивление так внезапно, что Володя просел. Но среагировали мы на это одновременно – он поднялся обратно как раз в тот момент, когда я выстрелил, выпустив в стену последний патрон.

Парень услышал характерный звук, и на лице его проявилось торжествующее выражение: – Теперь ты не уйдешь!

За его спиной слышался не шорох, а настоящий грохот. Мне показалось, что это шумит Павел – вряд ли бы сторонники Володи решили поднимать такой шум, пытаясь добраться до меня.

Это внушало надежду, что потрепанный шпион, справившись с двумя взрослыми мужиками, придет на помощь и мне тоже. Если меня к этому моменту не задушат.

Меня учили драться на ринге. Все-таки, бокс – это больше драка в вертикальном, а не горизонтальном положении. А в моей ситуации с ноющей, срастающейся костью, прижатой левой рукой и почти обездвиженной правой, помощь требовалась как можно скорее.

– Вот твое место! – прошипел Володя, дотянувшись до моей шеи одной рукой, надавливая под язык. – Пора, твое время прошло!

Кое-как я выдернул левую руку и с силой ткнул пальцем ему в глаз. Парень громко ойкнул, но не ослабил хватки. Только вот теперь у меня было две свободных руки. Правой я саданул ему по уху, вложив в удар всю силу, а потом приложился еще разок, для верности.

Давление на шею уменьшилось, и я смог вдохнуть, с усилием протолкнув воздух до того, как мою шею снова сдавили еще раз. Никак он не хотел отцепляться!

Теперь он другой ладонью уперся в правое запястье. Я прищурился и вдавил ноготь большого пальца свободной руки ему в самую глотку так, что на миг даже показалось, что я проткнул ему кожу. Но мне только показалось.

Позади него тоже шла драка – кто-то настолько сильно махал кулаками, что я услышал даже треск древесины. Охи, ахи, рычание и прочие невнятные звуки тоже дополняли ситуацию.

Тем, кто мог дышать и говорить, я сейчас отчаянно завидовал, потому что мне воздуха не хватало совсем. Попытка поджать колено повыше тоже не удалась, потому что парень навалился на меня всем весом. Ударить или ткнуть его мне теперь не хватало сил. И мои движения лишь вызывали все большее торжество на его лице.

В какой-то миг, когда все окружавшее меня вдруг начало плыть, его глаза округлились, а давление на мою шею внезапно прекратилось. Володя открыл рот – воротник его рубашки вдавил теперь его кадык почти с той же силой, с которой он душил меня сам.

Когда тело его почти оторвалось от меня, я заметил рядом Павла – с парой внушительных кровоточащих ссадин на лице, но живого и в остальном почти невредимого. Он отволок Володю до проема между комнатами.

Я глубоко вдохнул и закашлялся. Между оглушающими меня самого приступами кашля, я услышал, как Володя со всей мочи зовет младшего брата. Пришлось подняться, чтобы оценить ситуацию.

Выглядело все более чем трагично: старший брат с лицом, залитым кровью из раскроенного лба, тянулся к младшему, что с закрытыми глазами прислонился спиной к стене. Лишь присмотревшись получше после того, как мне удалось наполнить легкие кислородом, я заметил кровавое пятно поперек подтяжек Егора.

Воздух все еще с трудом проходил через сдавленную глотку. Я наклонился и поднял трость, одновременно посмотрев на две пары ног – в соседней комнате неподвижно лежали еще и «пекарь» с «клерком». Потом я поднял пистолет, а Павел подошел к Володе, взял его за воротник и приставил к челюсти отобранное оружие:

– Где девушка? – шпион тряхнул парня, приложив того затылком о стену. – Где она?! – крикнул он так, что звякнули стекла.

– М-мы... ее... – начал мямлить Володя.

– Говори же, тварь! – щелкнул взведенный курок, а старший брат содрогнулся:

– Позади завода... в шлаке... она в ящике... – речь его стала нечленораздельной, он не отводил глаз от погибшего брата.

– Если ты соврал мне! – Трубецкой буквально вдавил парня в стену. – Я вырежу всю твою семью!

– Не соврал, – выдавил из себя парень, а когда шпион разжал ладонь, он медленно сполз по стене и потянулся к брату.

– Оставь его, – негромко сказал я. – Их всего двое.

– Вот пусть и догоняет, – резко ответил Павел и всадил пулю тому в череп, чуть повыше лба. – А мы нужны Ульяне. Как воздух нужны!

Глава 9. Шлаковое поле

До самого выхода из дома я не мог вымолвить ни слова. А все лишь потому, что был ошарашен тем, как Павел расправился со всеми, кто находился в комнате. И только спустя некоторое время, когда мы оказались на улице и продрались через зевак, собравшихся широким полукругом во дворе, я произнес одно-единственное слово:

– Зачем?

– Что – зачем? – Трубецкой все еще тяжело дышал, а я наконец-то смог его нормально рассмотреть. – Зачем убил?

Небритый, лохматый, грязный – это самое простое, что о нем можно сказать. Ободранные ладони были покрыты струпьями – некоторым ранам на вид как раз несколько дней, как и говорил Володя.

– Ты его не убил, а попросту казнил! – сказал я, когда убедился, что мы отошли достаточно далеко от толпы и нас никто не слышит.

– Ты совсем не понимаешь? Или тебе близость принцессы голову вскружила? – шпион ускорился. Шагал он в сторону дымящихся труб. – Не подумал бы, что я должен объяснять тебе такие простые вещи.

– Да нет же, я понимаю твое отношение к нему. Ведь это они тебя оставили на рельсах? Они так говорили.

– Я и говорю, ты ничего не понял. И вообще, как ты туда попал? Что ТЫ здесь забыл?

– Работаю, – ответил я.

– Что?! – Трубецкой развернулся и в ярости схватил меня за воротник пальто, едва не оторвав его. – Какая к черту работа? Я тебя совершенно не понимаю. Твоя единственная задача – быть с Аней. Все. Я тебе доверяю, она тебе доверяет. Просто присматривать за ней тебе уже не нутру?

– Тише, – я посмотрел на перекошенное от злости лицо шпиона. – И отпусти меня. Не думаю, что ты заявился в эту квартиру одновременно со мной по чистой случайности. И если бы не я, то никогда бы не видеть тебе ответов.

– Ответов?! – Павел едва сдерживал себя. Рука, стиснувшая ворот пальто, подрагивала. – Ответы такие, что никому не понравятся. Ни мне, ни тебе, ни императору. Ни миллионам человек. Разве ты не слышал, о чем говорили эти трое? Как именно они говорили?

Он разжал пальцы и зашагал дальше, заставив мне тоже сорваться с места.

– Слышал, конечно! – ответил я. Извинений я так и не услышал. – Классовая дележка и ненависть какая-то. Парнишка среди них был самым разумным.

– Это последний?

– Нет, самый младший, – уточнил я мрачно. – Его застрелил подручный брата?

– Да. Не стоит жалеть об этом. Если тратить время зря, ситуация выйдет из-под контроля очень быстро! А теперь ответь, какого черта ты забыл здесь?

– Ты пропал. Виктория сказала, что не может тебя найти, и я решил отправиться сюда, чтобы хоть как-то помочь вам всем. Аня сейчас во дворце под присмотром семьи. Проверяется все.

– А ты решил, что тебе маловато приключений? Что с твоей ногой? И почему принцесса снова во дворце, а не в твоём поместье?!

– Ногу мне сломал один тип. Ты же многое пропустил...

Я быстро пересказал ему события последних дней, начиная от нападения на поместье и закончив решением отправиться на помощь.

– Как я и говорил. Всего две вещи. Ты ничего не понимаешь. И ситуация действительно выходит из-под контроля.

– Еще ко мне заходил какой-то тип, – вспомнил я. – Но у него была какая-то штука для искажения голоса.

– Знаю такие, только мы ими пользуемся, – ответил Павел.

– И он сказал, что у них теперь новый план. Но вот в чем дело, после него не осталось никаких следов.

– Тоже может быть. Если это действительно один из наших.

– А если это был тот самый? Ваш таинственный руководитель?

– Чтобы он сам к тебе пришел? Не смейся.

– Но Алекс, тот бритоголовый, который руководил нападением на поместье, сказал, что я знаю вашего главного.

– Он мог соврать. Как минимум мог соврать. А, может быть, и вовсе нарочно сказал тебе это, чтобы ты начал подозревать кого-нибудь из своих, – Павел слегка успокоился, да и быстрый темп не позволял ему кипятиться, так что он распределил усилия и принялся рассуждать. – Сам подумай, кого бы ты мог подозревать, зная, что это кто-то из твоих знакомых? Скорее всего, меня. Или Викторию. Или даже кого-то из императорской фамилии. Это даже не звучало бы странно, сочти ты брата императора за руководителя Третьего отделения.

– Пожалуй, – согласился я, едва успевая за шпионом. – Это и правда может показаться логичным. Не мог бы ты идти чуточку медленнее? Я не могу так быстро!

И правда, тростью в таком темпе я колотил в тротуар с удивительной силой и частотой. Хорошо, что мощение было относительно ровным – поскользнулся трость на каком-нибудь выступе и я тут же приму горизонтальное положение. Излишне резко.

– У нас на счет каждая минута. Ты думаешь, ей там хорошо шлаком дышать?

– Что за шлак?

– Отходы металлургических производств. Помимо опасной пыли, которая оседает в легких, он еще бывает очень горячим.

– Так ее же закопали в этом шлаке! Да еще несколько дней назад!

– Она не задохнется, я уверен. Не было у них такого плана, иначе бы нас просто застрелили в каком-нибудь овраге и оставили там подыхать, либо вообще зарезали. Черт... – Павел дернулся в деревянные ворота, сбитые из двойного ряда досок. – Заперто! – Он изо всех сил принялся барабанить по доскам так, что тяжелые ворота заходили ходуном.

– Что ж вы так лупите! – окрикнули нас изнутри. – Не здесь вход! Дальше идите!

Я думал, что шпион просто оторвет доску от забора и пролезет внутрь, но он уже пришел в себя, собрался и отправился дальше – в сотне метров виднелась калитка, ниже на полметра, чем остальной забор.

Завод, на который мы пришли, имел немаленькую территорию. Да и сам он возвышался машиной из красного кирпича, увенчанный сводом труб, откуда тянулся густой дым. И близко не походило на наши металлокаркасные стройки. Основательно и внушительно.

Павел забарабанил в калитку, отвлекая меня от зрелища.

– Да иду я, иду, – изнутри пронзительно скрипнул засов, калитка приоткрылась и показалось усталое лицо сторожа. – Вам чего?

– Имеются сведения о том, что у вас на территории завода превышены нормы! – выдал шпион.

– Нормы чего? – усталое лицо моментально вытянулось. – Ничего не знаю, уходите прочь! – и сторож начал закрывать дверь, но я сунул в щель трость:

– Извините, но мы вынуждены настаивать, – я отжал калитку и протиснулся внутрь – все же в этот момент я выглядел более внушительно, чем Трубецкой. – Если пожелаете, можете позвать заводское начальство и кого-нибудь из бригадиров.

Теперь сторож перепугался не на шутку. За спиной у него висел короткий карабин, но он и не подумал снимать его. Представительный вид решал некоторые проблемы. За мной протиснулся и Павел, закрыв задвижку и показав тем самым, что нас всего двое.

Лица почти официального вида заставили сторожа действовать. Пока он шел к себе в будку дозвониться до руководства, я спросил, где у них лежат отходы. Получив более-менее внятное объяснение, мы поспешили к яме.

Завод гудел и грохотал, вонял и у меня появилось неприятное ощущение, что мы вряд ли сможем кого-нибудь найти живым в этой куче мусора. Шлаковое поле оказалось приличных размеров – по меньшей мере, двести, а то и триста метров по большей стороне.

Когда мы встали на его краю, мимо проехал небольшой погрузчик, на пару кубов, не больше – и свалил еще партию. Из заводских помещений к нам выбежали несколько человек:

– Кто вы такие и что вы здесь делаете? Какие нормы, какое превышение? – седоусый начальник обратился ко мне и мне же пришлось решать, как нам выпутаться из сказанного Павлом:

– У вас на заводе работает Владимир?

– Причем здесь он? И вообще, который? У меня их с десяток!

– Молодой. У него младший брат, – уточнил я.

– Да, есть такой, но сейчас не его смена и... да что вам здесь нужно?

– Он похитил девушку и спрятал ее несколько дней назад где-то в этом шлаке, – я обвел рукой поле.

– Не может быть, – вступил в разговор бригадир. – В шлаке? Спрятать?

– У вас есть ящики, которые можно безопасно закопать? Которые не сгорят от температуры шлака?

Полный погрузчик снова проехал мимо нас – в этот раз шлак даже дымился.

– Есть, но, – начальник замялся и в раздумьях принялся расправлять усы. – Температура такая, что сидеть в ящике человек долго не сможет! Эй! – он громко свистнул, вложив два пальца в рот и тормознул погрузчик: – Видел что-нибудь странное за последнюю неделю?

– Нет, – водитель стер пот с лица и положил руки на руль.

– Может, кто-то брал твою технику? Что-то закапывал в шлаке? Так, – он резко повернулся к бригадиру, – проверьте ящики, все ли на месте!

– Не видел, – снова покачал головой водитель. – Ничего необычного.

– Володю видел? Или друзей с его бригады? Что-то странное делали?

– Хм, – водитель насупился и уставился в руль. Я тут же подошел ближе:

– Даже если он просил тебя ничего не говорить, твое обещание уже ничего не значит для него.

– Как, разве он...? – глаза чумазого водителя раскрылись так широко, что стали видны белки глаз. – Но ведь...

– Никаких «но», – я полностью перенял главенствующую роль, так как Павла здесь всерьез не воспринимали. Он это отлично понимал и потому не пытался встрять в беседу: – речь идет о жизни человека.

– Господи, – пробормотал седоусый начальник, – хоть бы вы ошиблись. А вот и бригадир! Говори же, что, что??

– Нет ящика, – коротко ответил мужичок. – Когда забирали – никто не видел.

– Давай, на тебя вся надежда, – обратился я к водителю. – Если ты только видел и не участвовал, тебе ничего не будет, спишем на обман.

– Да я же... вот... – запричитал водитель и снова растер грязь и пот по лицу.

– Ясно все, мразь, – Павел едва не сбил меня с ног и уже полез в кабину, но я схватил его за плечо и ценой немалых усилий остановил.

– Спокойнее. И так все понятно. Откапывать будешь, – я дождался, когда водитель боязливо кивнет, и только потом отпустил Павла.

– Что ты делаешь? – прорычал он.

– Нет, что делаешь ты?? – почувствовав власть над ситуацией, я не желал больше, чтобы его порывы мешали делу. – Просто возьми себя в руки, – негромко добавил я и хлопнул его по плечу. – Сейчас разберемся. А потом поговорим.

– У вас все в порядке, господа? – в поле зрения возник седоусый. – Мы готовы работать.

– Приступайте как можно быстрее.

– А потом нам с вами тоже надо будет поговорить, – выдохнул Павел.

– Конечно-конечно!

К шлаковому полю уже спешила целая бригада рабочих с совковыми лопатами и кирками. Они вошли друг за другой, почти строем. Впереди был водитель погрузчика.

Когда мы подошли к ним, он указал на небольшое углубление. Не больше метра глубиной и двух метров радиусом:

– Ящик здесь.

– Копай! – я старался не кричать, но все равно получилось очень громко.

Вся бригада послушно принялась разгрести шлак. Поверху спекшийся он разбивали кирками и тут же отгребали в сторону. Через полметра дело пошло лучше, а вскоре и вовсе послышался металлический стук.

Я вытянулся посмотреть, что они нашли, но седоусый начальник меня остановил:

– Погодите, там же контейнер на восемь кубов!

– Мне говорили, что это ящик.

– Нет, что вы, – он наморщил лоб. – Вас явно ввели в заблуждение. И я вам больше скажу – мы его не сможем быстро вытащить отсюда. Придется разгрести все в радиусе десяти метров, это работа до ночи, а предприятие стоит!

– Вы же не хотите, чтобы вас привлекли по самой неприятной для вас статье? – злобно проговорил Павел, подойдя к седоусому начальнику в вплотную.

– Простите, – тот наклонился, чтобы видеть меня, – кто он?

– Мой друг, – ответил я. – И человек, который способен вам прописать эту самую неприятную статью. Об остальном поговорим позже и без лишних ушей.

– Да, но как же...

– Если быстрее будет пропилить отверстие – пилите. Но чтобы человек внутри ящика не пострадал.

Пришлось звать вторую бригаду. Услышав про «неприятную статью», начальник стал еще более сговорчивым и на шлаковом поле развернулась кипучая деятельность.

Я ожидал, что принесут что-то наподобие болгарки, ручного инструмента. Но для того, чтобы распилить стальной ящик ничего подходящего не нашлось.

– Как, черт возьми, они его туда сунули! – бесился Павел.

– Я расскажу! – оживился начальник, но поняв, что вопрос был риторическим, тут же сник.

Из цехов размотали огромный удлинитель толщиной едва ли не с руку. Катущку с ним выкатывали три человека. А тот самый погрузчик тянул за собой приличных размеров сабельный станок с отполированным пыльным полотном, словно демонстрируя всю мощь имперской промышленности.

Мне не хватало разве что встать с открытым ртом, потому что ничего подобного я в жизни не видел. Но раз уж меня принимали за человека благородного и знающего, пришлось соответствовать и наблюдать за происходящим, сжав губы.

Чтобы расположить станок, как требуется, две бригады почти полчаса раскидывали шлак в разные стороны – полированное полотно никак не желало наклоняться нужным образом.

Яма за время работы увеличилась по меньшей мере вчетверо. Две бригады не выполняли свои производственные задачи, но мне было плевать – сейчас предстояло завершить дело куда более важное, чем производство труб. Павел же и вовсе едва сдерживался, чтобы самому не взяться за лопату.

Никто из рабочих не спорил – первое же дельное предложение было принято единогласно. Они трудились без оглядки на нас. Пилу поставили с краю ящика, предположив, что шанс провала в двадцать пять процентов невелик.

Когда, наконец, станок запустили, он взвыл, как ведьма-банши. Полотно с огромной скоростью начало двигаться, отбрасывая в стороны падающий из-за вибрации шлак.

Наискосок отпиленный угол с раскрасневшимися от нагрева краями рабочие тут же отбросили в сторону, отпрыгивая от тяжелого куска металла.

– Девушка! – тут же послышались крики на разные голоса. – Тут девушка! Рыжая! Веревки тащите! Или лестницу!

Павел бросился к ящику быстрее меня и спрыгнул вниз. Я доковылял туда как к тому моменту, когда он, глядя снизу вверх, выискивал меня, чтобы сказать:

– Жива!

Глава 10. Революционеры и рабочие

– Быстрее! Быстрее несите ее в медкабинет! – не кричал, а буквально вопил седоусый начальник трубного завода, когда Павел и пара работяг вытащили Ульяну из металлического ящика.

Девушка выглядела изможденной и, кажется, была без сознания. Шпион обнаружил внутри пару стеклянных бутылок с водой, остатки какой-то еды. Она пахла весьма неприятно, да и девушка, которая провела в замкнутом пространстве несколько дней, тоже попахивала.

– И вымойте ее! – продолжал раздавать указания седоусый начальник. – Я полагаю, что вы поддерживаете? – он обратился ко мне, и я, чтобы не уронить его авторитет, кивнул рабочим, которые помогли Павлу.

Делегация с рыжей девушкой на руках отправилась приводить ее в чувство. Основная масса работяг осталась на шлаковом поле, раздумывая, не проще ли засыпать разрезанный контейнер совсем, чем пытаться его вытащить.

Начальник проводил меня в свой кабинет высоко над цехом – как будто третий или четвертый этаж. Подобных ему я уже повидал достаточно в этом мире и многие из них были совершенно одинаковыми по типу. Классическое исполнение, стол, пара стульев, если позволяли размеры – диван.

Украшенные картинами или их копиями стены – вот, пожалуй, и все. Еще в его кабинете было два окна. Одно выходило на улицу, а другое показывало картину на производстве. Оба были толстые, с двойными стеклами, так что внутри помещения почти не слышался шум ни с улицы, ни из цеха.

– Боже мой, боже мой! – запричитал седоусый сразу же, как только мы вошли в кабинет. – Такой кошмар, такой ужас! – и сразу же потянулся к шкафу.

Он вытащил и поставил на свой стол графин с кроваво-коричневой жидкостью, поблескивающей в свете ярких ламп, а также батарею небольших стопок. Сперва плеснул себе, забыв о всех правилах приличия, наполнил стопку доверху и тут же влил в себя.

Вздрыгнул, передернул плечами, затем промакнул усы платком, который, встряхнув, вытащил из кармана, оперся на стол обеими руками и повернулся в мою сторону:

– Ой, что же это вы, садитесь-садитесь, прошу вас! Желаете? – он указал на стопки на своем столе.

– Нет, спасибо, – я отрицательно помотал головой и сел на упругий высокий диван, сжав набалдашник трости в руке. Его приглашение было как раз вовремя, потому что боль в ноге усилилась до нестерпимого желания наглотаться обезболивающего.

– Какие, однако, нервы! – с восхищением произнес седоусый. – Но, простите, мы до сих пор не знакомы. Я – Виктор Александрович Наумов, – он протянул мне руку. Я представился в ответ и седоусый удовлетворенно кивнул. – И все же – какой кошмар! Закопать человека живьем в шлак! Да еще в металлическом ящике!

– У меня есть несколько вопросов к вам, Виктор Александрович, – произнес я, старательно обдумав весь список того, что хотел бы узнать. – Потому что ситуация действительно щекотливая и мой друг, сказав о неприятной для вас статье, не врал.

– Вы что, угрожаете мне? – Наумов сел за стол, опрокинул еще одну стопку для успокоения нервов и прищурился, глядя на меня. – Если это безосновательно, то наш разговор более не имеет смысла! Я не сделал ничего в отношении этой девушки и потому прошу прекратить делать подобные намеки!

– О, – только и ответил я. Правда, все то, что успел наговорить Наумов, меня скорее позабавило. – Нет, что вы, речь не о девушке совсем. Я знаю, что вы ничего ей не сделали. Абсолютно в этом уверен.

– Да? – его лицо вытянулось. – Тогда в чем же состоит суть вашего обвинения, позвольте спросить?

– Не спешите, пока что обвинений никаких не было. И не будет. Но, впрочем, это зависит от того, что вы расскажете мне про того самого Володю.

– У меня есть его адрес – он в архиве этажом ниже в его личном деле, – он потянулся к телефону и уже снял трубку, однако не стал набирать номер, а лишь посмотрел на меня: – будем звонить?

– Мне не нужен его адрес, – отмахнулся я, а начальник, тут же положив трубку обратно на аппарат, потянулся к графину и налил себе третью стопку: – Может, хватит уже?

– Это от нервов, – он опрокинул еще пятьдесят грамм и громко поставил пустую стопку обратно на стол. – Почему не нужен? Как не нужен? Разве мы не собираемся искать злодея?

– Злодей мертв, – я хотел сохранить это в тайне, но Наумов не оставил мне выбора, и пришлось высказать все раньше. – Как и его младший брат, к сожалению. И еще двое. Если они тоже с вашего завода, то вы заметите, кого не хватает.

– О боже! – снова запричитал Наумов и собрался наливать себе четвертую, но промахнулся мимо графина. И пока он хватал пальцами воздух, я успел встать и забрать графин со стола. – Что вы делаете?

– Я хочу услышать нормальные, трезвые ответы, а потом можете упиваться, сколько влезет, – сердито ответил я. – Нет! – пришлось прикрикнуть, потому что Наумов потянулся за графином аж через стол. – В вашем возрасте много пить вредно, – добавил я.

И сел с графином обратно на диван под жалобным взглядом пятидесятилетнего начальника завода. На самом деле, его возраст определить было, как всегда для меня, проблематично. Но я сошелся сам с собой во мнении, что ему около полтинника.

– Хорошо! Ладно! – воскликнул он. – Задавайте ваши вопросы. Вы, кстати, из какого участка?

– Я не из участка и я не полицейский, – проговорил я сурово. – Но для вашей же безопасности будет лучше не знать, чьи интересы я представляю.

Ох уж эти киношные штампы. Но Наумов оказался впечатлен и только сцепил пальцы покрепче после моих слов. Новых вопросов он уже не задавал. Мне даже стало интересно, какие еще есть орудия в арсенале императорской шпионской сети, что они даже своим неявным упоминанием заставляют людей замолчать. Вот это влияние!

– Что ж, нет так нет, – Наумов икнул и развел руками. – Тогда спрашивайте все, что вы хотели узнать – расскажу, как на духу.

– Хорошо. Начнем. Что вы можете сказать про Егора, его брата?

– О! Паренек крайне трудолюбивый и сообразительный, очень хороший работник. Очень его жаль. Всегда делал все по правилам, по инструкции. Не опаздывал никогда. Словом, ничего дурного о нем вам сообщить не могу. Надеюсь, о нем вы и не желали услышать ничего плохого?

– Нет, – ответил я, а Наумов с явным облегчением вздохнул. – Но мне показалось, что его старший брат – полная его противоположность. И его идеи показались мне слишком радикальными. Он ведь не из тех, кто хочет все отнять и поделить?

– Совершенно не понимаю, о чем вы говорите, – удивился начальник завода.

– Да что вы! – я настолько вошел в роль сыщика, что мне даже стало нравиться то, как я запугиваю Виктора Александровича. И неважно, что тот, кому эту роль нужно было исполнять на самом деле, сейчас находился парой этажей ниже. Сейчас я главный.

– Готов поклясться здоровьем жены и детей! – Наумов приложил руку к сердцу и даже привстал, но три стопки коньяка, выпитые почти что залпом, заставили его пошатнуться, и он тут же сел обратно.

– Не надо клясть, сядьте, я вам верю, – пришлось сделать недовольное лицо, хотя я понимал, что обычно заводскому начальству совсем не до простых работяг. – Тогда, быть может, вы сможете привести мне его бригадира?

– Бригадира? А, да, конечно, сейчас же, сию минуту!

Он схватил телефон дрожащей рукой. Я молча наблюдал, как он пытается отыскать бригадира.

На столе у него стояло два телефона. Я предположил, что это внутренняя линия и одно устройство, которое связывает завод с общей телефонной сетью. Интересное решение, но экономичное и определенно продуманное.

После пятого звонка Наумов повесил трубку и закрыл глаза:

– Денис сейчас придет, – произнес он с облегчением.

Через несколько минут раздался громкий топот по металлической лестнице снаружи, послышался стук в дверь, и после выверенной трехсекундной паузы в кабинет вошел бригадир. Светлое, гладко выбритое лицо раскраснелось, но не от подъема по лестнице, а от работы с горячим металлом.

– Денис Макаров, – представился он, склонив голову. Но сделал это лишь после того, как Наумов указал на меня раскрытой ладонью. Вероятно, простой жест здесь тоже что-то обозначал.

– Сядь, – попросил я и бригадир, оглянувшись на начальство, опустился на стул рядом с рабочим столом Наумова, и тут же уставился на меня. – Ты знаешь, зачем мы тебя вызвали?

– Если это про девушку из ящика, то я ничего не знаю. С шлаком я дела не имею, только за продукцией слежу, и чтобы рабочие не отлынивали, – проговорил он мягко и ровно. Испуга в его голосе я не заметил.

– Вряд ли ты причастен к заточению этой несчастной. Но ты хорошо знаешь своих рабочих. Кто из них мог бы такое сделать?

– Нет, что вы, мои люди на такое не способны.

– Ты их всех знаешь настолько хорошо? – продолжил я. – Сколько людей под твоим началом?

Дверь почти неслышно раскрылась и вошел Павел. Он тоже сперва посмотрел на меня. До меня дошло, что в руке я держу графин с коньяком, и я тут же поставил его на пол, а потом сказал:

– Ты вовремя. Как Ульяна?

– Истощена. Об остальном позже.

– Главное, что жива, – сказал я и подвинулся, позволяя ему сесть рядом. – Это Денис. И он как раз собирался нам рассказать кое-что о своих подчиненных.

– Да нечего мне о них говорить!

– Не надо повышать голос, – вкрадчиво проговорил я, словив еще один удивленный взгляд от Трубецкого. – Начнем с того, что на последний вопрос ты не ответил. Твоя бригада включает в себя...?

– Двадцать четыре человека.

– Замечательно, и ты знаешь всех и каждого?

– Да, по именам я знаю всех.

– Можешь назвать адреса по памяти?

– Зачем это вам нужно? – насторожился Денис.

– Максим, что ты делаешь? – тут же шепнул мне в ухо Трубецкой, но я предпочел его проигнорировать.

– Просто скажи, да или нет.

– Не все, но многие.

– Если ты не знаешь, где живут твои подчиненные, как ты можешь утверждать, что ты знаешь о них все?

– Максим Бернардыч, – вступился за сотрудника Наумов. – Вы хоть скажите ему, в чем дело, Денис может и не знает, о чем речь, а вы ему такой допрос устроили.

– Хорошо, – смягчился я. – Тогда вопрос в лоб: зачем твой Володя закопал в шлаке ящик с этой девушкой? Когда он это сделал и как? Ведь явно не один.

– Володя? – бригадир посмотрел на Наумова в поисках поддержки, но тот лишь кивком подтвердил мои слова.

– У меня есть основания подозревать человека в порочащих связях...

– Если ты его покрываешь, то ты виновен не меньше, чем он сам! – перебил меня Трубецкой.

– Порочащие? О чем вы?

– О его увлечениях, – продолжил Павел. – В его квартире санкционирован обыск и если там найдут хотя бы намек на его антигосударственную деятельность...

– Боже упаси, – перекрестился Наумов. – Денис, неужели у нас на заводе было такое?

– Ничего подобного не знаю.

– Может, нам и у тебя обыск провести? – прищурился Трубецкой.

– Так! Успокоились! – выкрикнул я. – Предлагаю решение проще. То, что Владимир принимал участие в похищении девушки и сокрытии тела – факт. Поддержка антигосударственных, – тут я посмотрел на Павла, чтобы убедиться, что я использовал правильный термин, – взглядов – тоже факт. Тебе нет смысла его покрывать, потому что он мертв. И если ты что-то знаешь, то существенно облегчишь себе жизнь. За то, что ты был знаком с таким человеком, тебе ничего не будет. Правда ведь?

– Правда, – мрачно произнес шпион. – Но врать не советую. Если я выясню, что ты соврал – загремишь по полной.

Макаров замялся. С одной стороны, я действительно сделал ему отличное предложение – он может все рассказать и избежать ответственности с нашей стороны.

– Хорошо, я расскажу, что знаю, – наконец-то решился он. – Но вряд ли сообщу много полезного. Да, Володя хотел втянуть меня в свой клуб по интересам.

– Сколько их было? – перебил его шпион.

– Не знаю. Я слышал о троих.

– А я знаю, что было минимум пятеро, – добавил я без нажима. – Главное слово тут «было», поэтому тебе повезло, что ты не поддался.

– Да я и не хотел, – начал оправдываться бригадир.

– Не хотел, не хотел, – поддержал его Наумов. – Я на управленческие должности кого попало не беру.

– Не мешайте, – остановил я это словоизвержение.

– Хорошо, – кротко ответил начальник и с грустью уставился на пустую стопку.

– С чего он вообще влез в это? Его младший брат был донельзя доволен своей работой.

– Я без понятия, с чего ему это вдруг взбрыкнуло. Младший у него в тыщу раз умнее и все отлично понимает: как мы работаем, как функционирует завод. У него все шансы стать бригадиром, когда ему шестнадцать стукнет.

– Не стукнет, – всхлипнул Наумов.

– Боже, Макс, отдай ему бутылку, пусть он замолчит! – рассердился Трубецкой, не выдержал и сам поставил графин на стол.

– Что? И он тоже?

– Подельники Владимира его застрелили, – ответит я.

– Дьявольщина. Нет, вы не думайте. Я не с ними и не поддерживал их. Слишком они резво за дело взялись.

– Когда взялись? С чьей подачи? Может, видел кого или они имена называли?

– Пару месяцев как, – ответил Денис. – Но я не думал, что это все настолько серьезно. Понимаете, парню еще семнадцать лет. Молод, кровь кипит, хочется мир менять, чтобы он вокруг его персоны крутился.

– Тебя мы не обвиняем, – вставил я.

– Как сказать, – добавил Трубецкой еще мрачнее. – Он не сообщил. Это бездействие. А бездействие при преступлении – попустительство, что считается как соучастие.

– Но я... – Макаров широко раскрыл глаза от ужаса.

– Нормально все, – успокоил я его и повернулся к Трубецкому: – Не запугивай свидетеля!

– Ах, простите, господин барон. Вернее, господин сыщик! Ты сейчас вообще в другом месте должен быть, а не заниматься моей работой!

– Я вернусь, как только закончу здесь, – произнес я негромко. Даже Наумов наострил уши. – И мы уже решили все обсудить позже. Не истери!

– Простите, но я не знаю ничьих имен. При мне, когда я отказался с ними сотрудничать, ничего подобного не обсуждали, всегда держались обособленно. Думаю, что и другие рабочие вам тоже ничего не скажут.

Я прикинул, что он, вероятнее всего, прав. Никто из заговорщиков не трещит на каждом углу о своих планах и тем более контактах.

– Тут мы ничего не добьемся, – решил я. – Можешь идти. Проблем у тебя не будет.

– Обещаете? – Макаров настороженно посмотрел на шпиона.

– Даю слово. С нашей стороны тебе ничего не грозит. С его, – я указал на Наумова, который успел опрокинуть еще пару рюмок и теперь сидел, чуть скосив глаза, – тоже. Иди.

– Спасибо, – выдохнул Макаров и почти бегом бросился к двери.

– Теперь с тобой... – Трубецкой повернулся ко мне, но я перебил его:

– Со мной потом! Если ты опять пропадешь, – я решил, что говорю слишком громко, но за несколько минут Наумов упился так, что готов был захрапеть на собственном рабочем столе. Теперь его уши нам не угрожали. – Если ты опять пропадешь, да еще с единственным

нормальным следом, о котором знаешь только ты – что мне прикажешь делать? Сдать тебя Виктории? Сказать, что ты тут вертишься и крутишься между задачами от начальства, от нее и своими собственными делами, пока я мечусь между квартирой Ульяны с какими-то хмырями и комнатой с заговорщиками?

– Не смей со мной так разговаривать! – он вскочил с дивана и направился к столу Наумова. – Ты не вправо!

– Да что ты, – усмехнулся я. – Ты пропадаешь в неподходящее время. Мне говорят, что ты весь в делах, но при этом тебя нет больше недели и ты не даешь о себе знать. Может, мне стоит предположить, что ты на самом деле глава Третьего отделения? И просто пытаешься меня запутать, как и всех остальных, а сам строишь козни. Остальные факты под эту теорию подогнать очень легко.

– Что за чушь ты несешь, Макс?! – он замер с поднятой трубкой.

– Это не чушь. Просто я только что взглянул на нашу ситуацию со стороны, – произнес я, пристально наблюдая за шпионом. Изменится он в лице или нет. Но тот стоял, как статуя, пока его не отвлек голос в трубке.

– Трубецкой! Сорок восемь, двадцать три. Нужна команда на Арматурную, двадцать восемь и Овражную, сорок два, корпус один. Да, два по первому адресу, еще четыре по второму. Всех привезти к нам, я потом разберусь, – и положил трубку.

Наумов храпел. Больше в кабинете никого не было, и Трубецкой подошел ближе:

– Я и сам сегодня собирался нанести визит этим ребятам. Ты не оказал мне особой помощи. А своим поведением сейчас ты вызываешь скорее желание дать в твою нахальную морду.

– Не здесь, – я встал и почувствовал, что нога болит уже не так сильно. – К тому же я бы хотел поговорить и с Ульяной. Ее ведь не оставят на заводе, а уведут домой?

Шпион шумно дышал, раздувая ноздри. Я не хотел делать его своим противником, но желал поставить его на место. Я действительно оказал ему помощь, хотя он явно считал иначе. Может, и стоило пару раз навешать ему?

Глава 11. Химический след

Чтобы не слишком светиться на виду у остальных, Павел организовал экипаж прямо от заводских ворот, как только Ульяна пришла в себя. Истощение ее было довольно сильным, но все же девушка имела ясный разум и узнала нас обоих.

– И ваша светлость тоже здесь, – пробормотала она, открыв глаза и тут же закрыв их обратно.

– Светлость? – покосился на меня доктор.

– Она шутит, – тут же ответил я.

– Вам удалось выяснить, что с ней? – вмешался Трубецкой.

– Ничего страшного, просто истощение, недостаток еды и кислорода. Она провела внутри ящика, по моим подсчетам, не меньше трех дней.

– Если ей не потребуется никакая ваша иная помощь, мы ее заберем.

– Я дал ей витамины, – доктор зашуршал упаковками таблеток и микстур, – возьмите еще пару на ближайшие дни, это поможет ей восстановиться. Больше воды и здоровый сон приведут ее в норму быстрее.

– Может, и обезболивающее есть? – я указал на свою ногу. Доктор тут же развел щепотку порошка в стакане с водой и протянул мне.

За время моего отсутствия девушку еще и переодели. Но на заводе не оказалось ничего, кроме рабочих униформ, так что рыжие космы на фоне затертого комбинезона смотрелись очень футуристично.

Трубецкой осторожно внес Ульяну в крытый экипаж на руках. Я отправил доктора к начальству проверить, не упился ли он окончательно, на что тот понимающе кивнул:

– Не в первый раз такое, – и ушел, не успели мы отъехать от заводских корпусов.

Квартиру Ульяны привели в относительный порядок, убрав два тела и оттерев с пола кровь. Шпион уложил девушку на ее маленький диван, аккуратно подогнув ей ноги. Затем ушел в лабораторию и, вернувшись обратно, с размаху саданул кулаком в стену.

Я в это время сидел рядом и невольно поморщился от громкого звука:

– Тела нет, я видел, – тихо, чтобы не разбудить Ульяну, ответил я.

– Минус один четкий след, – зло проговорил шпион. – Я надеюсь лишь, что им не удалось выжать из Ульяны больше.

– Ее же не пытали.

– А зачем ее держали в ящике? Скорее бы она очнулась!

– Можно было просто не убивать того парня. Уверен, ты бы мог его расколоть. И заодно узнать, кто его нанял.

– Не учи меня, что мне делать! – взбеленился Трубецкой.

– А ты не психуй, – спокойно ответил я. – И не ори – Ульяну разбудишь.

– Ты стал чересчур самоуверенным, парень, – не меняя тона, высказал мне шпион.

– Может быть, – все еще сдерживаясь, сказал я и повернулся на стуле, чтобы посмотреть на Трубецкого. – А может, тебе стоит перестать работать одному и просто принять помощь? Я даже соглашусь с тем, что ты и сам был готов ворваться в квартиру к заговорщикам.

– Да как же...

– Хочется дать мне по морде, да? – ухмыльнулся я. Микстура действовала отлично, так что боль в ноге ушла без намека на скорое возвращение. – Так может выйдем, поговорим?

– На улице слишком много глаз.

– Тогда квартира наверху – где жили братья.

Мое предложение не несло какого-то скрытого смысла. Если Трубецкой считал, что я зарвался, то я считал точно так же – только в его отношении. И не собирался уступать, и уже тем более спускаться на тормозах его наезды на меня.

Будь моя помощь случайной – не вопрос. Нежданной – тоже. Но когда за явные благие намерения хотят еще и на место поставить – это уже перебор.

Мы вышли из квартиры тихо, прикрыли за собой дверь. Я не хотел устраивать потасовку наподобие драк без правил. Такое надо решать исключительно по-джентльменски. Но без секундантов.

Пальто и трость я оставил в квартире Ульяны. Нога не доставляла мне хлопот и потому в поддержке я не нуждался.

Простой замок на деревянной двери этажом выше Павел вскрыл почти бесшумно, но весьма эффектно – оттянув полотно в сторону и изо всех сил выдернув его наружу. Меня этот маневр совсем не впечатлил.

Внутри в сравнении с жильем рыжей девушки оказалось пустынно. Простая мебель, две раздельных кровати, столик, прямой шкаф без украшений и полка с книгами. В маленькой комнате я весьма неожиданно обнаружил кухню.

Я вернулся назад, встал в проходе и наблюдал за Трубецким. Тот, закончив осматривать поле предстоящей битвы, уставился на меня:

– Не передумал? – спросил я, хрустнув суставами пальцев.

– Еще чего, – заявил шпион. – Только давай стол отставим, а то тут как-то тесновато.

– Давай, – согласился я, и через несколько секунд стол уже оказался приставлен в упор к стене. Пауза затянулась.

– А может зря мы его отставили? Знаешь, так эффектно можно было бы его сломать.

– Предлагаешь вернуть на место? – Трубецкой ухватился за эту идею едва ли не с радостью.

– Сомневаюсь, на самом деле. Но в целом можно. Я тут подумал: может быть он нам и вовсе не помешает, а?

– Ты что, предлагаешь мир?

– Не вижу смысла драться из-за таких пустяков.

– Пустяков? – шпион резко отпустил стол, и он громко ударился о пол.

– А что, наш повод тебе кажется очень серьезным? – я обошел Трубецкого и распахнул дверцы шкафа, чтобы посмотреть, что в нем находится. Нашел несколько пар брюк, рубашки и прочие вещи. Ничего особенного. – Черт, да я же помог тебе найти Ульяну!

– Я уже сказал, что я просто выжидал подходящий момент.

– И не узнал меня, когда я входил. Так совпало?

– Ты меня в чем-то обвиняешь?!

– Только в том, что ты не можешь согласиться с реальностью моей помощи тебе. К тому же мы нашли Ульяну благодаря мне. С тобой в таком виде никто бы и разговаривать не стал. Но я не стану отнимать лавры победителя у тебя.

– О чем ты сейчас говоришь?

– Для нее ты останешься спасителем, – произнес я, но Трубецкой моего намека не понял. – Чтoб тебя, да если бы она была тебе безразлична, ты бы вместе со мной отправился допрашивать людей. А где ты был? – я отошел к окну так, чтобы видеть входную дверь. – С ней у доктора. Не отвечай, цвет твоего лица мне говорит обо всем куда лучше.

– Это уже слишком!

Трубецкой перемахнул через стол, скользя по нему так, чтобы зацепить меня ногой. Несмотря на тесноту, я успел отскочить в сторону. Еще не успев приземлиться, шпион замахнулся. Места было мало, и я, разгадав его удар, успел перехватить его тычком в сгиб локтя.

Опасный противник всегда спокоен. Он смотрит и видит. Анализирует и действует на основании этого. Что происходило с Павлом в последние дни – я не знал. Но его поведение заметно отличалось от того, что я привык видеть.

И действовал он предсказуемо. Или не желал меня покалечить? Эта мысль пришла мне в голову чуть позже, когда мне удалось нейтрализовать еще пару ударов. Бить Трубецкого я не собирался. И чувствовал себя как-то глупо.

Но только до тех пор, пока не пропустил чувствительный тычок под ребра. Павел быстро сработал, обездвигив мою левую руку, подошел вплотную и нанес удар, не дав мне возможности его заблокировать.

Я наступил ему на ногу и тут же ударил в голень, размашисто, как заправский футболист. Отвлекся от его рук и только в последнюю секунду заметил кулак, летящий в голову.

Наклонился так, что его рука лишь прошла над ухом, слегка ссадив кожу на виске. Из приседа я выпрыгнул, схватив шпиона за шею. Толчок оказался настолько сильным, что он, издав невнятный звук из стиснутой глотки, опрокинулся на стол и тут же сломал его с грохотом.

– Вот и мебель в расход пошла, – прокомментировал я, добавив Трубецкому локтем по груди.

Тот закашлялся, и я позволил ему снова встать на ноги, надеясь, что он отступится. Или хотя бы решит взять паузу, а там мы спокойно договоримся.

Но он начал ходить по кругу – солнце светило в окна, и шпион явно намеревался сделать так, чтобы оно било мне в глаза.

– Может, закончим? – предложил я.

– Сдаешься? – торжествующе спросил Трубецкой.

– Вообще я думал, что это ты уже устал, – пошутил я и потер ударенный бок.

Шпион опустил руки, повел плечами, едва заметно поморщился – похоже, что я довольно сильно ему приложил. Потом глубоко вдохнул и бросился на меня с такой скоростью, что я не успел и в сторону отскочить.

Как паровоз, он сбил меня с ног и впечатал в шкаф, с хрустом разломав при этом обе дверцы сразу. Я оттолкнул его, попытался опереться на ноги, но оказалось, что стою я очень неустойчиво: соскользнул с обломков дверей, упав прямо на Трубецкого, который и сам оказался на полу.

– Осторожнее! – крикнул он мне в самое ухо и отпихнул в сторону.

Я перевернулся на спину и увидел, что шкаф угрожающе накренился и готовится падать. К счастью, времени было достаточно, чтобы я успел протянуть руку Павлу и оттянуть его к себе до того, как хлипкая конструкция упадет на него сверху.

– Мать вашу! Что здесь происходит?! – крикнула Ульяна и тут же схватилась за косяк, чтобы не упасть.

Мы одновременно с Павлом дернулись, чтобы ей помочь, но я уступил, позволив ему вскочить первым. Шпион приобнял ее за талию и тут же повел вниз.

Я же поднялся, отряхнулся от опилок и осмотрел учиненный нами разгром. Мебель не наша, зато на душе стало спокойнее. И с этой мыслью покинул квартиру.

– Не надо меня трогать! – Ульяна отпихнула Трубецкого в сторону как раз в тот момент, когда я входил. – Как дети! Что один, что второй! – она осмотрела меня с головы до ног и добавила: – Тоже мне, ваша светлость.

– Я барон, – произнес я глухо.

– Плевать! – рыжая пришла в себя и, сев на диван, закурила, пустив дымное облачко. – Это чье? – она указала на трость.

– Мое.

– Ты же не хромой.

– Временно хромой, – все так же глухо отозвался я.

– М-м-м, похоже, я многое пропустила.

– Да и я тоже, – я поправил одежду и уставился на Трубецкого. – Мир?

– Мир, – он нехотя протянул руку. И когда я заметил бумажку в его кармане, шпион тут же припрятал ее поглубже, но руку не убрал. Я пожал:

– Прекрасно. Оставим это недопонимание в прошлом, но с тобой можно потренироваться. Иначе я и вовсе забуду, как двигаться.

Вместо ответа Трубецкой рассмеялся. По-моему, в первый раз за все время что я его знаю. И сел рядом, заняв последний свободный стул:

– Заметано. Так, Уль, – обратился он к рыжей. – Я понимаю, что ты себя чувствуешь паршиво, но скажи, чего они от тебя хотели.

– Паршиво – это еще мягко сказано, – она снова затаилась и посмотрела на нас совершенно непонимающе. – А может лучше вы объясните мне, что происходит? Почему меня похитили, а вы вдруг нашли, но после этого решили разгромить квартиру надо мной. Странный выбор, вы не находите?

– Да нет же, все логично, – начал я. – В ней никто не живет.

– Там жили два брата.

– Поправка: теперь там никто не живет.

– Я требую объяснений, иначе ничего вам не расскажу, – девушка забралась с ногами на диван.

– То есть, трупы от него ты принимаешь без объяснений, яды и наркотики берешься исследовать без объяснений, а когда кто-то пристрелил твоих соседей – сразу объяснения подавай? – выдал я.

Девушка стихла, так что я смог слышать, насколько громко тикают часы в комнате.

– Да, именно так, – она тряхнула головой и молча, скурив сигарету до самого фильтра, потянулась за второй.

– Давай лучше ты, – обратился я к Трубецкому. – Устал я уже за сегодня.

Набор эмоций, который промелькнул при этом на лице Ульяны, описать трудно. Но едва она захлопнула рот, шпион сказал всего несколько слов. Этим он избежал массы вопросов и не превратил наши последующие посиделки в очередной скучный допрос:

– Ответ кроется в том, какие вопросы тебе задавали.

– Они хотели знать, откуда у меня в холодильнике тело, – немного помедлив, начала перечислять девушка. – Потом еще спрашивали про людей, которые ко мне ходят. Я не сказала, что тело принес ты, – Трубецкой кивнул на этих словах, – и про тебя я тоже ничего не сказала, подумала, что ты какая-то шишка. Только сейчас что-то сомневаюсь в этом.

– Почему? – хмыкнул я.

– Потому что иначе вы бы не стали бить друг другу морды.

– Нет, ты все не так поняла, – отмахнулся я. – Мы кое-что проверяли... ладно, ладно, – под ее взглядом пришлось стать серьезнее. – Но ты молодец, что ничего не сказала.

– Еще бы, – она нахально улыбнулась. – Жаль только, я никого не видела. Мне завязали глаза.

– Да, нас разделили, – подтвердил шпион.

– Но ты сбежал?

– Потому что меня они хотели убить, а от тебя – получить информацию. Вспомни, пожалуйста. Это очень важно. Любые незнакомые имена, места.

– Да что ж я, мать вашу, в таком состоянии еще должна была слушать и запоминать? Издеваетесь? Я почти ничего не запоминала. Только слышала, как они между собой разговаривали. Пороли какую-то чушь анархическую. Про то, что им дается слишком мало из-за того, что все забирают вышестоящие.

– Знакомо, – кивнул я.

– Ты тоже с ними столкнулся? – девушка тут же ухватилась за мое замечание, чтобы оторваться от рассказа.

– Ага, оказался рядом в нужный момент. А как ты относишься к их взглядам? – я тут же ощутил чувствительный толчок по ноге и добавил специально для Трубецкого: – мне просто интересно.

– К их взглядам? – уточнила рыжая и приподняла бровь. – Идиоты они. Вроде бы все рабочие люди, но пока я у них была на квартире, ни один не ходил на работу. Ходили бы нормально и жили спокойно. Так нет...

– Я понял, – пришлось поспешно остановить Ульяну. – А по существу что-то? Ты уж извини, Пал Романыч.

– Ребят, стойте-стойте, – девушка подняла ладонь, откашлялась и спросила: – после всего, что было – вы все равно по имени отчеству?

Мы с Трубецким переглянулись. Честно – я устал от всех игр, но в тот момент чувствовал непреодолимое желание позабавиться и, подмигнув шпиону, сказал:

– Точно, мы ж морды били? Били. Пашка-а! – и, широко раскинув руки, я бросился его обнимать, а потом через две секунды отлип и посмотрел на Ульяну: – Ситуация у нас сейчас очень непростая. Настолько, что мне сожгли два дома и сломали ногу только за прошлые пару недель. И мы с ним оба сейчас малость на нервах, только я это скрываю лучше.

– Зачем ты мне все это говоришь? – рыжая сделала большие глаза.

– Затем, что это мелочи, рабочие вопросы. А то, что знаешь ты, поможет спасти от беды целую страну, а не только одного человека. И я знаю, что мой друг, вероятно, будет против, но все равно скажу тебе. Среди твоих похитителей-анархистов или кто бы они там не были – сосед сверху. Был. Потому что всю их банду мы порешили. Однако кому-то понадобилось всех пятерых впрягать в борьбу с маленькой рыжей девушкой. Либо они решили подстраховаться, либо они поняли, что ты что-то знаешь. В любом случае – стоит сказать, что ты обнаружила. А Павел тебя как-нибудь подстрахует.

– Что он несет?
– Он немного не в себе, – ответил ей Трубецкой.
– Не делай из нее дуру. Ее похитили, вскрыли холодильник, который был тайником, и, я уверен, вынесли еще и реактивы из кофе принцессы.
– А-а-а! – завизжала рыжая.
– Что еще? – мы одновременно обернулись на нее, и я понял, что ляпнул лишнего.
– Значит, это связано с Анной-Марией?
– Язык бы тебе отрезать, барон, – процедил шпион сквозь зубы.
– Он мне еще пригодится.
– Если только в твоих эротических фантазиях, – добавил Трубецкой. – Ладно. Да. Это связано с принцессой. Но не труп. Это другое дело.
– А вот и нет, – вставил я. – Вынесли и то, и другое. Значит, скорее это все же одно дело. Если бы только остались какие-нибудь записи, результаты...
– Черт бы тебя побрал, Макс. Все это оставалось замечательной тайной, Ульяна ничего этого не знала, а значит и выпытать это бы из нее не смогли! И что теперь?
– Теперь нам надо ее спрятать в надежное место и пусть себе работает.
– У нас нет надежных мест.
– А как же мое поместье?
– То, что сгорело? – вставила Ульяна свои пять копеек, живо заинтересовавшаяся теперь нашей беседой.
– Оно частично повреждено, но там можно жить.
– Ты же сказал, что о нем знают.
– Точно, – я прикусил губу, – Извини, что добавил тебе проблем.
– Не впервой, – мрачно процедил Трубецкой.
– Ребят, – Ульяна не стала долго ждать. – Я же вела записи.
– Думаю, что все тетради вынесли, – заметил шпион.
– Нет же, вы не поняли. Я вела записи, делала копии и плюс еще отдельные пометки были. Когда они ворвались, у меня в руках был лишь один блокнот. А есть еще второй.
Девушка вскочила с дивана, протиснулась между нами и умчалась в свою лабораторию. Вернулась сюда уже с небольшой монтировкой, вскрыла одну из скрипучих досок и вытащила оттуда несколько толстых тетрадей. Сдула прядь волос с лица и торжествующе повернулась к нам:

– Вы хотели след? Вот он!

Глава 12. Дела государственные

Мы с Павлом потратили не меньше получаса, разбирая каракули Ульяны, которые она и сама понимала с трудом. Несистематизированные данные мне показались полнейшей кашей.

Так, например, один из компонентов, которые она вычленила, создавался на химическом предприятии в Коврове, уникальном и единственном на всю страну. Еще один, не синтетический, а натуральный, поставлялся государственной конторой – со слов Павла, которому название вещества показалось знакомым.

Но, поскольку времени было уже слишком много, я решил вернуться домой и по пути заскочить к Ане, чтобы напомнить ей о планах на завтра. Павел не стал меня удерживать, но пообещал более не пропадать.

Я сильно сомневался в его способности исправиться, потому что пропадал он регулярно. Зато очень эффектно появлялся обратно, а то и вовсе восставал из мертвых. Словом, мы разошлись мирно, и я не держал на него зла за небольшую потасовку этажом выше.

Обезболивающая микстура закончила действовать к тому моменту, когда я входил во дворец. Меня уже знали в лицо, и охрана на входе не требовала документов, ограничиваясь лишь почтительным наклоном головы, что мне очень льстило.

Кроме того, меня не обыскивали, что означало возможность свободно пронести с собой оружие. «Стрелец» во дворце мог и не пригодиться, но я чувствовал себя с ним гораздо увереннее.

Где находится комната Ани, я давно уяснил и не заплутал в хитросплетении коридоров и ответвлений. У двери на невысоком пуфе сидел светловолосый юноша, сменивший с недавнего времени своего предшественника.

– Принцесса у себя? – спросил я.

– Да. Ваше величество просил доложить, когда вы появитесь, – тут же отрапортовал он.

– Докладывай, раз так, – я пожал плечами, – но сперва мне бы увидеть...

– Входите, – светловолосый с готовностью встал и отправился к ее отцу.

Я постучал и терпеливо дождался, пока Аня мне откроет. При парнишке надо соблюдать этикет.

– Наконец-то! – воскликнула Аня и распахнула дверь. Затем буквально втянула меня внутрь и поцеловала так, точно не видела недели две, не меньше. – Я соскучилась, – произнесла она, глубоко вдохнув и снова впиалась в мои губы.

– Не больше моего, – ответил я шутливо, с трудом поднимая глаза от эффектного выреза на платье. В одиночку в таком гулять по городу я бы ее не отпустил. Если бы парнишка не ушел предупреждать ее отца...

– Что это? – Аня внимательно посмотрела на меня и вытащила из волос небольшую щепку. – Снова ищешь приключений? Я надеялась, что для нас все кончилось.

– Ничего не кончилось, пока мы не знаем, кому так надо делать все эти гадости, – ответил я. – Павел и вовсе бесился сегодня, когда узнал, что я не с тобой.

– Ты его видел? Мне он не попадался уже давно, – задумалась Аня, – как раз с момента, как мы прибыли во дворец.

– Я тоже его с тех пор не видел, но решил его отыскать и... – я поведал ей об утренних приключениях. – А потом сразу помчался сюда.

– Очень надеюсь, что у тебя была какая-то важная причина сделать это, – девушка смотрела на меня очень и очень серьезно. – Ты же понимаешь, что твои выходы слишком опасны. А я не хочу, чтобы ты пропал, как твой друг. Или совсем пропал, – она положила руки мне на плечи и снова прильнула к моим губам.

– Знаю, Ань. Я прекрасно понимаю, но я не хочу быть бесполезным. Не хочу сидеть на месте и выполнять роль куклы, неспособной на что-то большее, – после моих слов принцесса изменилась в лице, и я поспешил внести коррективы: – я говорю исключительно про себя. Не принимай этих слов близко к сердцу – после того, что ты пережила тебе вообще каникулы надо. Хотя... о чем я, тебе их и так устроили...

– Тс-с, – она прижала палец к моим губам. – Иногда ты болтаешь слишком много, – она улыбнулась – ее позабавило то, как внезапно я затих. – Я хочу вернуться к прежней жизни. Ее отсутствие – это единственное, что меня угнетает.

– Я понял, – ответил я, едва шевеля губами из-за прижатого к ним пальца. – Хочешь, завтра встретимся с твоими друзьями?

– Хочу! – радостно воскликнула девушка. – А что же с охраной?

– Я – твоя лучшая охрана. Но за нами все равно будет кто-нибудь присматривать. А это значит, что все точно будет в порядке.

– А куда мы пойдем? Я же должна предупредить друзей.

Пришлось задуматься. Я никогда не увлекался культурой и прошлый мой поход в театр с Аней – лучшее, на что я был способен. Повторяться мне не хотелось.

– Куда бы ты хотела сходить сама? – я потянул время в надежде на то, что Аня сама ответит на свой вопрос.

– В Центральной Галерее выставка больших полотен, – мечтательно протянула девушка.

– Идем, – тут же согласился я, не раздумывая ни секунды. – Я тоже очень хочу посмотреть на такое.

– Врешь?! – откликнулась Аня.

– Нет! Не полностью – посмеялся я. – Ведь мне неизвестно, куда здесь можно выбраться. Но я действительно не против ознакомиться с живописью. С хорошей живописью.

– Хорошей?

– Не мазней, – я попытался объяснить современные направления «художеств», о которых знал сам. Но получилось не очень.

Меня выручил паренек, который вернулся с сообщением от императора:

– Вас ждут, – произнес он, выстучав предварительно какой-то код. Похоже что система безопасности во дворце становится более сложной.

– Иду, – откликнулся я и обнял Аню напоследок. – Я не буду пропадать и влипять во всякие неприятности. Если уж и влипять, то...

– Иди, – звонко рассмеялась принцесса, – иди уже, па тебя ждет.

В такой ситуации явно не до бурных сцен и крепких объятий. Алексей Николаевич, желая со мной поговорить в вечернее время, точно не планировал ждать слишком долго. А раз уж я налаживал отношения со всей семьей, то главу семейства расстраивать не стоило.

– Доброго дня, ваше величество, – поприветствовал я императора, отчего с ужасом думал о моменте, когда мне придется назвать его «папой» – если такой момент вообще настанет. – Я вроде бы ничего не натворил – так чем обязан?

– Максим, сядь, – вежливо проговорил император и устало потер лицо ладонями. – Сегодня был трудный день, я не намерен шутить, хотя вижу, что у тебя настроение приподнятое. Ты уже виделся с Анютой?

– Да, мы договорились завтра выйти в Центральную Галерею.

– Хорошо, – кивнул он, – очень хорошо, ей надо развеяться. Я вижу, что вся эта ситуация действует на нее губительно. Ее вырвали из обычной жизни. Насильно вырвали. Как цветок.

– Надеюсь, что меня вы не планируете ассоциировать с удобрением? – осторожно произнес я.

– Я уже сказал все, что следует. Не забывай, с кем ты разговариваешь.

– Простите. Нервничаю немного.

– Не из-за того ли, что случилось утром?

– А вы уже знаете? – удивился я.

– Не надо делать большие глаза. Павел звонил и упомянул о твоём участии в щекотливом деле. Пока что у меня один вопрос: как? Как ты это сделал?

– Простите, – повторил я, – Что именно сделал?

– Нашел его. Нашел заговорщиков. И спас его контакт.

Пришлось пошевелить извилинами, чтобы настроить схему, когда считать себя спасителем «контакта», а когда нет.

– Я не планировал заходить так далеко, – признался я. – Но по горячим следам, как говорится. Так оно и получилось. Неожиданно для меня.

– Еще он сказал, что ты хорошо показал себя в разговорах с людьми.

– Язык у меня подвешен, тут скрывать нечего. У меня был вид соответствующий, и я хорошо влился в образ сыщика. Так я представился брату одного из заговорщиков.

– Ты меня очень удивил, Максим. Удивил и порадовал. Может, я ошибался насчет тебя?

– Поскольку я не знаю, о чем вы думали, я не знаю, ошибались вы или нет, ваше величество.

Алексей Николаевич, постукивая ногтем по столу, посмотрел на мой слегка потрепанный вид.

– Как ты относишься к политике? – неожиданно спросил он.

– Как любой обычный человек, наверно, – я пожал плечами. – Мне не нравятся законы, которые ограничивают мою свободу. Не нравится ложь и подковерная борьба, все эти интриги. Я не хотел бы стать участником этой игры, поэтому не стоит мне предлагать. К тому же, вы сказали, что не планируете меня вводить в эти дела.

– Да, но ситуация весьма щекотливая, иначе я не стал бы тебя просить об этом.

– Расскажите для начала, что мне предстоит сделать, а я подумаю, согласиться мне на это или нет.

– Это государственные дела, Максим. Если я тебя буду посвящать в них, то должен знать, что не трачу время впустую. Могу дать тебе пару минут на размышление.

– Пару минут??

– Время пошло.

Я смотрел на императора, но видел, что он не шутит. Ладно, две минуты так две минуты. Может быть, не все так плохо и стоит попробовать себя на новом поприще? Все же, я вытащил Павла. Мы с ним даже помирились.

Виктория наверняка организовала или организует в ближайшие дни перевод денег и еще одной проблемой станет меньше. Тогда я смогу проводить больше времени с Аней, что до сих пор не очень получалось.

Власть и влияние в глобальном масштабе – а речь шла именно о нем – меня не очень прельщали. Я считал, что для меня это слишком сложно. И одними только красивыми речами добиться чего-то будет очень проблематично.

Я принялся сопоставлять то, что в будущем должно отнимать мое время. Получалось, что если бы я проводил во дворце больше времени, то все это было бы мне только в плюс. Единственное – находиться регулярно в четырех стенах звучало для меня, как большой минус.

И чем больше я размышлял, тем больше второстепенные факторы наслаивались друг на друга, образуя непонятные и не всегда логичные связи. Мешало и то, что я себя здесь ассоциировал скорее с Третьим отделением, а предложение императора, еще неозвученное, выглядело сломом привычки.

– Время вышло, – Алексей Николаевич снова пристукнул пальцем по столу. – Что ты решил?

– Что это звучит слишком странно, когда русский император делает предложение, от которого можно отказаться.

– А кто сказал, что можно?

– Я так и знал, – не выдержал я, и губы сами по себе растянулись в усмешке. – А говорили, что шутить не надо.

– Не собирался я шутить, так что кончай время тянуть. Если согласен, молодец, если нет – можешь идти.

– Я согласен! – выпалил я, чувствуя, что времени на раздумья не осталось вовсе.

– Хороший выбор. Ценю. И благодарю за помощь, которую ты мне окажешь.

– Учитывая, что я все еще ничего не оказал...

– Ни слова больше, – прервал меня император. – Сиди и слушай. Надеюсь, что ты не поддался общественному мнению относительно меня, – заметив, что я уже собрался отвечать, он добавил: – это был не вопрос. Я знаю о проблемах в стране. Знаю, что нет того запала, который у людей был раньше. Мы словно встали на месте. И теперь появляются уже известные тебе трудности на границах. Но что куда хуже – новость о заговорщиках в столице. Уж чего, а этого мы всегда старались избегать. Я могу сделать предположение, что ответственные за это люди на самом деле сидят в Большом Совете.

«И еще руководят Третьим. Плохи твои дела», подумал я, но вслух не высказал ничего, продолжая слушать императора.

– Трубецкой отчитался передо мной в том, что вся банда заговорщиков ликвидирована, а допрос, который вы учинили на заводе, не только не раскрыл ваших личностей, но еще и показал, что остальные рабочие не поддерживали заговор. И это дает надежду, что все не так плохо.

Алексей Николаевич сделал небольшую передышку и отпил воды из прозрачного стакана с затейливым узором:

– Гусевские. У вас такие есть?

– Угу, – кивнул я. – Есть.

Император позволил себе слабую улыбку. Точно порадовался тому, что в моем мире не все так плохо. Потом облокотился на стол и продолжил:

– Я могу сложить два и два. Слишком резко выросло давление на семью. Похищение Анюты и вся эта история с тем, что ее несколько месяцев опаивали неизвестно какими ядами. Нападение на брата. И твое появление из параллельного мира – тоже в своем роде давление. Но так сложилось, что я доверяю людям, которые защищают мою дочь по собственной воле. К тому же, она доверяет тебе. И ты за немалый срок не сделал ничего предосудительного, о чем не сообщил мне.

В этот момент я подавился, потому что как раз думал о том признании. Так себе исповедь. Признаваться императору в списке деяний, за которые можно загреметь на немалый срок.

Алексей Николаевич взял второй стакан, резко наклонил графин и плеснул воды едва ли не через край, а потом так же резко протянул мне. Всем своим видом он выражал недовольство тем, что я его перебил.

К счастью, ничего подозрительного в моем поведении он не заметил. А мне не хотелось оправдываться за несовершенное. И потому, опустошив стакан, я принялся слушать дальше.

– И одновременно с этим оказалось, что моя служба безопасности в целом – не так уж и хорошо обеспечивает безопасность. Поэтому я хочу немного разобраться в происходящем. Найти виновных или, как минимум, определить в Большом Совете тех лиц, которые имеют свои интересы поперек государственных. Как ты считаешь, справишься?

– У меня есть другое предложение, вероятно, дерзкое, но тоже поможет сбить градус напряженности.

– Я рассчитывал на другой ответ, но раз мы беседуем в обстановке неформальной... говори.

– Есть немало косвенных свидетельств того, что руководитель Третьего отделения стоит на некоторыми антигосударственными действиями, – выпалил я и сам поморщился от формальных терминов.

– Этому человеку я всецело доверяю, поэтому не сделаю ничего, чтобы раскрыть его фигуру кому-либо.

– Но ведь это же нелогично!

– Нелогично сейчас поступаешь ты, Максим. Я задал вопрос. Ты согласился с предложением и выслушал идею. Теперь я хочу знать, насколько ты оцениваешь свои способности.

– Мне надо будет посетить заседание Большого Совета и поговорить с людьми, но так, чтобы не вызывать подозрений. Просто побеседовать с кем-нибудь и все?

– Можно просто послушать. В Совете все равно не знают всех в лицо. Там сотни представителей.

– И вы полагаете, что они в открытую будут обсуждать такие вещи, не прибегая к помощи шифров или посторонних лиц? Я не против, я похожу и послушаю – это ведь дело одного дня?

– Да, собрание будет в конце следующей недели.

– И вы правда ожидаете получить результат? – спросил я, а сам в это время уже думал, как выполнить поставленную задачу другим образом, лучше и эффективнее.

– Конечно!

– А что насчет встречного предложения?

– Еще одного?! – удивленно воскликнул император. – Надеюсь, в этот раз по делу!

– Времени у нас не очень много. У меня есть идея. Не моя – я думаю, мы должны развить первоначальный план до логического завершения. То есть, официально представить меня, – и тут язык отказался поворачиваться. Сделав титаническое усилие над собой, я выдавил: – женихом вашей дочери.

– Поясни.

– Все просто. Эта новость затронет всех в вашем Большом Совете. Меня наверняка попытаются использовать, привлечь на свою сторону, чтобы я мог напрямую или через Аню оказывать на вас влияние. Был бы какой пример, чтобы объяснить получше...

Я так загорелся этой идеей, что отринул прочь все сомнения. Участие в подобном не противоречило первоначальным задумкам и при этом не мешало ни одному из моих начинаний. Даже не ставило под угрозу завтрашний поход в галерею.

– Бывали такие примеры, я понимаю, о чем ты говоришь, Максим. И даже соглашаюсь с тобой. Тогда, пожалуй, мне прямо сейчас стоит поговорить с нужными людьми, чтобы завтра все было готово. Напомни, куда вы собирались?

– Центральная галерея.

– Чудно! Я бы и сам с удовольствием посмотрел. Батальные сцены, городские пейзажи, а главное – все на огромных полотнах. Такой труд! Столько усилий, чтобы передать один миг, – император мечтательно закрыл глаза, а потом встрепенулся: – посмотрите завтра, а Виктория вам подберет пару надежных людей.

– Точно надежных?

– Точно. Я же не зря тебе сказал, что полностью доверяю тем людям, которые охраняют меня и моих близких. Только получается, что я тебе соврал, нехорошо, – он вдруг сделал недвольное лицо. – Ведь я сказал, что не буду тебя втягивать. Будет на моей совести. Можешь идти.

– В моем мире только и делают, что обманывают и не сдерживают обещания. Я привык к этому, – сказал я, но, чтобы не оскорблять таким сравнением императора, произнес: – Но там делают нарочно, а здесь, хм, больше похоже на давление обстоятельств. Это все неважно, понимаете, – я внезапно почувствовал необходимость высказаться, уже буквально стоя в дверях. – Я чувствую, что здесь я нужен.

И, склонив голову, отправился к себе домой.

Глава 13. Золотая молодежь

План следующего дня был прост донельзя. Сходить с Аней, пообщаться с ее друзьями, вернуться назад. День прожит тихо и спокойно, поэтому можно не переживать.

В теории все равно надо быть готовым к чему угодно. По этой причине я еще с вечера занялся ногой – было бы странно появиться в обществе принцессы с тростью. Я бы посчитал это не лучшим впечатлением, которое можно произвести на ее друзей.

Вопрос одежды оказался более сложным. Учитывая, с какой скоростью портятся мои костюмы! За непривычным занятием меня застала Виктория.

– Опять без стука? – спросил я, прикрывшись рубашкой.

– Что я там не видела, – отмахнулся она. – Хотя нет, не видела – откуда эти синяки на спине?

– Вчерашнее. Мелочи.

– Про мелочи я уже в курсе, но не знаю ничего о том, что могло бы оставить такие синяки на спине.

– Я упал, – подставляя Трубецкого мне хотелось еще меньше, чем разговаривать о том, что произошло вчера.

– Ладно. Я сюда пришла не пытать тебя. Есть две новости.

– Хорошая и плохая? – спросил я, натягивая рубашку и заправляя ее в брюки.

– Нет, обе хорошие, что меня очень удивляет. Для начала, мне удалось провести твои миллионы через Казначейство. Несколько хитрых операций и никто не заподозрит, откуда это все взялось. И, самое главное, как попало к тебе.

– Это действительно очень хорошая новость, – обрадовался я. – Спасибо за помощь.

– Только не заставляй меня повторять такое.

– Если у меня появится еще десять миллионов, я с тобой поделюсь. Что за вторая новость?

– Планы по твоему другу. До конца недели мы его вытащим. Тебе не придется принимать в этом участие. С учетом твоего состояния, думаю, ты согласен.

– Еще бы, – воскликнул я. – Хорошие новости я бы слушал каждый день, – и повесил поверх жилета кобуру под «стрелец»

– Куда ты так вооружаешься? – прищурилась Виктория. – Уж не в Галерею ли?

– Именно, – сперва я хотел спросить, откуда она это знает, но вовремя понял, что вопрос не имеет никакого смысла.

– И намерен уложить всех любителей возвышенного?

– Так, – сказал одновременно с тем, как вставил пистолет в кобуру, – давай ты лучше сделаешь мне третью новость и расскажешь что-нибудь о местной живописи. Аня встречается там еще и со своими университетскими друзьями, не хочу в грязь лицом ударить.

– Переживаешь, что они примут тебя за неотесанную деревенщину?

– Честно – да.

– Пустое. Не забывай о самом главном – у тебя есть право на собственное мнение. И даже если все вокруг будут охать «какая картина!», можешь спокойно не присоединяться к ним. А если среди восхищающихся нет еще и автора – тогда говори еще и собственную точку зрения.

– При авторе нельзя?

– Творческие натуры такие вспыльчивые, – она пожала плечами. – Повесится потом, будешь себя виноватым чувствовать.

– Не буду, – тут же ответил я. – Вот еще. Лишь бы не нашлось защитников, которые захотят меня побить.

– Так ты же пистолет берешь с собой. Кстати, будет еще и охрана. Она уже там, ходит и разглядывает картины с таким же интересом, с каким будет присматривать еще и за вами.

– Надеюсь, что когда-нибудь это кончится.

– Что именно?

– Необходимость брать с собой охрану.

– Не в ближайшие годы, Максим. Прости, не смогла без дурной вести. Но придется тебе привыкнуть, пока все не устаканится.

С улицы к нам вошел, отряхиваясь от капель, человек в гражданском и передал газету Виктории, коротко мне кивнул и тут же отправился назад, не сказав ни слова.

– Это как раз те люди, которые смотрят за домом?

– Да.

– И в галерее будут такие же?

– Да, – Виктория развернула газету и тут же сдвинула брови: – Что это за! – тут же указала мне на разворот.

Крупный заголовок претендовал на открытие года «Тайна избранника раскрыта!». Я посмотрел на текст, читая его по диагонали, но не обнаружил ничего сверхъестественного.

– Вроде бы как обычные догадки.

– Плевать на догадки, здесь указано место, где вы будете!

Она швырнула газету на пол и умчалась со всех ног. Мне оставалось только вздохнуть и захватить за Аней.

Могу точно сказать – настроение мне не испортили. С деньгами проблема была решена, с Аланом, я уверен, тоже на сто процентов. Теперь предстояло только лишь сходить в эту чертову галерею.

Беда была в том, что я действительно согласился на поход в картинный зал только из-за Ани. Я не любил искусства. Прекрасно понимая, что этап живописи в культуре сыграл свою важную роль, я считал, что ее время ушло. И потом с трудом представлял людей, которые месяцами, а то и годами возят кисточкой по холсту.

– Сегодня ты ослепительна, – сказал я принцессе, когда встретился с ней у дворца. Она надела яркое платье и меховую накидку сверху. Лимонный цвет был ей к лицу.

– Сегодня? И только? – она улыбнулась и правда ослепительно, так что я притворно зажмурился, а она слегка стукнула меня по плечу: – хватит!

– Ты первая начала, – я наклонился и поцеловал ее, а потом завел двигатель, и мы выдвинулись к Галерее.

Я не стал ей рассказывать о заметке. Было понятно, что напечатали все со слов Алексея Николаевича. Быть может, слегка приукрасили, оставив нетронутым только основной смысл – где мы будем.

Конечно, делалось это ради распространения более точной и правдивой информации. Люди нас увидят. Если бы все это шло по первоначальному плану, то это было бы идеально. Но у меня из головы не шел ночной визитер, который прямо сказал, что теперь все будет иначе.

Что именно будет по-другому, я не мог даже представить. А его следов так и не нашли, и потому я предположил, что мне попросту не поверили.

– А ты скучаешь по своим друзьям? – спросила Аня, вырвав меня из лап бессмысленных размышлений.

– Да, пожалуй. Если бы мне было нечем заняться или я чувствовал себя здесь совсем чужим, то времени для ностальгии у меня было бы куда больше, – ответил я.

Поток традиционно тянулся медленно. Зимой, наверно, на машинах тут и вовсе не ездят, решил я, увидев, что стрелка спидометра не поднимается выше пятнадцати километров в час. Двигатель урчал, словно тигр. Хотя откуда мне знать, как урчат тигры? Должно быть, громче, чем самые крупные домашние кошки.

– Мне кажется, я их помню. Твоих друзей. Мы тогда сидели с профессором Подбельским и играли в карты...

– А он говорил, что не стоит тебе играть. Но оказалось, что ты умеешь.

– Умею, – кивнула принцесса. – Причем давно. Меня научила няня. И взяла с меня слово, что я никому не скажу. Но ты же не будешь стыдить меня за это?

– Думаю, на этот счет нам надо хорошенько поговорить, – деловито ответил я, а потом подмигнул. – Желательно вечером, после похода в Галерею.

Не ответив, девушка стиснула мои пальцы. Это отвлекло меня от воспоминаний, и я даже воспрял духом. Ничего плохого в том, что я увижу ее друзей – нет. Наверняка они самые простые люди.

Спустя сорок минут мы добрались до Галереи и оставили автомобиль неподалеку. У входа стояла толпа и я некоторое время рассматривал ее, насчитав у входа не меньше сотни гостей.

– Мы приехали слишком рано?

– Нет, что ты. Открытие в десять, сейчас уже половина двенадцатого, – Аня и сама выглядела удивленной.

– Нам нужны билеты? – спросил я, ужаснувшись от времени, которое придется провести в очереди.

– Нет, что ты!

– Нам не надо? Потому что мы важные персоны?

– Нет, – терпеливо принялась объяснять Аня, – у нас нет билетов. Вообще. Ты приходишь на выставку и смотришь полотна. Тебе дают специальный бюллетень – список всего, что выставлено. Ты помечаешь в нем то, что тебе понравилось, а на выходе оставляешь чек, например. Разве у вас не так?

– Билет купил и смотри. Не купил – не смотришь. Все просто, никто не рассчитывает никаких денег, не делает отметок.

– Странно. Не очень понимаю, как можно уравнивать всех.

– Но мы же ходили в театр?

– Там труппа и один показ. А здесь много разных творцов. Я вижу своих друзей, – она указала на нескольких человек, тоже в ярких нарядах, и я тут же посмотрел на свой строгий темно-коричневый костюм. – Ты вольешься, не бойся.

Никогда бы не подумал, что буду бояться выглядеть иначе. Но, несмотря на все увещевания Ани, с первых же минут я ощутил себя чужим.

В Галерее она договорилась встретиться с двумя подружками. Третий, парень, оказался братом одной из них.

– Это Василь, – когда Аня закончила обниматься с подругами, она представила мне сперва парня, – Инна и Клара.

Мы стояли чуть в стороне от входа. Пестрые наряды привлекали внимание, но люди не рассматривали нас. Так что я сперва пожал руку Василию, темноволосому и в круглых очках. Ботаник и только. Но вишневый костюм, который на мой вкус выглядел ужасно, не сочетался с образом, который я обрисовал у себя в голове.

Подружки же носили одинаковые прически, что-то наподобие каре, вызывающе смотрели на людей вокруг и явно гордились короткими платьями. Инну дополняло сочетание черного с густой зеленью, тогда как Клара нарядилась в красное с золотом.

Аня на их фоне смотрелась своей в доску. Мой коричневый костюм из-под осеннего пальто выглядел сухо и скучно. Хорошо еще, что не выбрал черный, иначе стал бы похож на гробовщика.

– Значит, правду пишут, у тебя избранник? – хихикнули девушки. – Строгий какой-то. Слишком правильный на вид. Это твой автомобиль? – спросила Инна.

– Мой, – ответил я коротко и не добавил больше ничего, несмотря на широко раскрытые глаза – девушки явно ждали какого-то фантастического продолжения.

– Недешевое удовольствие, – со знанием дела сказал Василь.

«Еще бы недешевое», подумал я. «Уже вторая машина за месяц». Но вслух сказал только:

– Пожалуй. Для меня это необходимость.

– О, – протянула Клара, сложив губки, – а чем же вы занимаетесь, Максим?

– Ищу себя в этой жизни, – ответил я так, чтобы это прозвучало невинно, а не пожеланием отвянуть от меня поскорее. Но девушки восприняли это именно так.

– Фу, Анют, он такой скучный! Пошли скорее в Галерею, говорят...

– Да, Ань, идем, – я перебил их, решив бить наглых девчонок их же оружием, – зайдем внутрь и, думаю, оставлю вас с вашими женскими секретами, – и протянул ей руку, развернув ладонью вверх.

Что бы ни говорили, но какие-то правила или традиции все равно имели место быть. Иногда возникало ощущение, что люди, которые действительно относились к дворянству или имели реальную власть, на этикет и прочие мелочи смотрели сквозь пальцы.

И внезапно оказывалось, что есть еще личности, которые не доросли до власти и влияния, но отчаянно хотят показать все, что его имеют. Вроде бы как в нашем мире то же самое – но раз я не был таким, то считал, что большинство людей такие же, как и я. Попроще. Поскромнее.

Аня раздумывала только секунду, вложила свою ладонь в мою и пошла рядом, оставив троицу позади.

– И как они тебе? – шепнула она, услышав, что те тоже начали разговор.

– Не знаю. Обычные? Вероятно, от них я не буду ждать подвоха.

Когда мы подошли ко входу, нас встретил лысенький невысокий человечек. В его лице угадывались азиатские черты, но по-русски, как выяснилось, он говорил ничуть не хуже остальных.

– Дорогие мои гости! – воскликнул он, широко раскинув руки. За его спиной на миг показался рослый мужчина, кивнул мне и тут же скрылся в глубинах галереи. – Я знал, что этот день настанет, – продолжал восхищаться человечек. – О, Анна-Мария! И, – тут он почти прошептал: – простите, молодой человек, вашего имени не запомнил, простите великодушно! – а когда я подсказал, вернулся к прежней громкости, сияя, как августовское солнце: – и Максим Бернард! Прощу, проходите.

– Нет, еще фото! – со стороны улицы наседали люди с фотоаппаратами.

– Делаем пару кадров и уходим, – тихо сообщил я Ане.

Позировать пришлось недолго. И хотя толпа уже собиралась двинуться дальше, человечек остановил ее всего лишь одним жестом:

– Никаких фотоаппаратов в моей галерее!

Отцепил ленточку, что перегораживала вход, пропустил нас и троих друзей, что на время съемки остались в стороне.

– Как я не люблю этих журналистов. Пишут и пишут, не понимая, о чем они пишут, – пробормотал рассерженно человечек. – Вас они, полагаю, тоже раздражают? – обратился он ко мне.

– Слегка.

– Позвольте сюда, – он отвел нас в сторону. – Буду краток и не помешаю просмотру. Я – А Ким. В два слова, не в одно, некоторые путают, – затараторил человечек. – Если у вас будут вопросы – можете меня найти. Галерея работает в обычном режиме, есть другие гости, но, если вы пожелаете их убраться, я мигом.

– Спасибо большое, – ответил я, понимая, что в большей степени он обращался к Анне. Но Ким вежливо смотрел на меня. – Мы не доставим вам хлопот.

– О, что вы. Ваше посещение – это уже подарок для меня! Вам спасибо!

– И о чем он говорил? – спросила Аня, когда мы впятером отошли от Кима подальше, в центр первого зала.

– Мы для его галереи – живая реклама, – пояснил я. – Завтра здесь будет не протолкнуться.

– Надо же, как интересно, – протянула Инна, напомнив мне о плане.

– Ты не против разделиться? – улынулся я Ане. Та озорно сверкнула глазами:

– Не надо подслушивать наши секреты, – и гордо развернулась следом за подружками.

– Ох уж эти женщины, – фыркнул Василь, едва они отошли подальше. – Вечно у них какие-то секреты.

– Да уж. Секретов здесь хватает, – отозвался я и осмотрелся по сторонам.

Первый зал оказался не так уж и велик, но все же в нем нашлось несколько интересных полотен. Все они были огромными, действительно огромными, но с невероятной детализацией. Даже «Последний день Помпеи» казался на их фоне простоватым полотном.

Городские пейзажи мы осматривали молча. Виды Владимира старого и нового. На каждой картине изображались люди. И каждая картина имела ширину в шесть, восемь, а то и десять метров – рядом находились таблички с описанием.

– Живописно, – сказал Василь после третьего полотна. – Но я бы сюда не пошел. Не люблю картины. Лучше выбраться на охоту. Или устроить заезд на лошадях. Как ты на это смотришь?

– Я бы предпочел скачкам заезд на автомобилях, – ответил я, рассматривая с любовью прорисованные гребни волн на полотне, где изображалось строительство гидростанции.

– Механизм послушен. А лошадь непредсказуема.

– Лошадь можно научить делать, что нужно.

– Так ты любишь, чтобы тебя слушались? Странно, что в этом случае ты выбрал Анну.

– Скажи мне, Василь, – я отвернулся от картины, когда до меня дошел смысл его слов. – Ты меня пытаешься спровоцировать, потому что тебя об этом попросила сестра или это твое обычное поведение? Ни то, ни другое тебя в моих глазах не красит.

– Да? – с вызовом спросил он. – А кто ты такой, чтобы я перед тобой ставился?

– А вот это поясни, – уже громче выдал я.

Конечно, у меня пистолет за поясом и все такое, но не могу же я поколотить человека, которого подружки Ани взяли с собой. Надо быть сдержаннее.

– Тут нечего пояснять. Ты – неизвестно кто. Мелкий дворянчик.

– Должно быть, я тогда разговариваю с каким-нибудь князем как минимум. Либо твои штаны набиты баблом.

– Чем? Что за выражения? – скривился Василь. – Впрочем, не говори ничего. И так все понятно. Хотя нет, не все. Как Анна тебя выбрала?

– Завидуешь? – решил я уколоть его, чувствуя, что без простой человеческой химии здесь тоже не обошлось.

– Беспokoюсь. И моей сестре ты сразу не понравился.

– Я почему-то не заметил.

– Она сделала мне знак.

– Как это банально, – я снова принялся рассматривать полотно, на этот раз – рабочих на массивном башенном кране.

– Будь моя воля... Эй, что вы делаете?

Я поспешно обернулся на внезапный выкрик. На плече Василя лежала тяжелая рука, а за его спиной возвышался на полголовы блондин с настолько ненатуральным цветом волос, что мне даже не потребовалось времени, чтобы распознать парик.

– Ай! – крикнул Василь, а блондин наклонился к нему и шикнул в ухо. А потом продемонстрировал лезвие, прижатое к вишневому пиджаку, и поманил меня пальцем.

– Алекс, – я назвал его по имени, будучи на сто процентов уверенным в знакомых чертах лица. Но тот не удивился.

– Угадал. Решил переключиться на золотую молодежь? Завоевываешь авторитет?

– Авторитет? У него?

Блондин фыркнул и почесал голову:

– Чертов парик. Не думал я, что ты меня так быстро раскусишь. Есть разговор. Прогуляемся?

Глава 14. Новое слово в живописи

Когда сиюминутного выхода из ситуации нет, надо тянуть время столько, сколько получится. Попутно можно проверить, когда твой противник даст слабину.

Разумеется, делать такое стоит лишь в людных местах – мало кто согласится привлечь к себе внимание случайным движением, жестом, звуком. И еще – я был уверен, что те несколько человек, которых прислала Виктория, наверняка ходят где-то поблизости. Мне же кивнул кто-то из-за спины Кима!

– Так я за этим и пришел. Идем! – скомандовал я, вызвав небольшую паузу у Алекса. – Там впереди зал с современными полотнами. Посмотрим заодно – что время терять.

– Т-ты что, его знаешь? – негромко проговорил Василь.

– Конечно знает, – в тон ему ответил Алекс и встал сбоку от парня, чтобы прикрыть лезвие, упертое тому под самые ребра. – А ты лучше помалкивай, не то сделаю тебе еще одну дырку в легких, чтобы избыток воздуха спустить.

– Грозно, правда? – я избрал долгий и, быть может, странный путь – вывести парня в парике из себя. – Но, если честно, меня он тоже раздражает. Ты ведь слышал наш разговор?

Я даже успел сделать пару шагов в сторону следующего зала, прежде чем понял, что Алекс стоит на месте. Поблизости больше не было никого:

– И чего ты встал? – обратился я к нему. – Ждешь, когда на тебя посмотрят?

– Жаль, что я не успел тебя в тот раз прикончить, – прошипел он и толкнул Василя.

– О да, тогда ты бы мог рассмотреть всю эту живопись, – я обвел руками зал. – Или и вовсе бы здесь не оказался. А вообще – кто знает, как бы все повернулось, правда?

– Максим! – пискнул Василь, а я только поднял брови:

– Если тебе что-то мешается, я тут не при чем.

– Хватит паясничать, – Алексу следовало бы рывкнуть хорошенько, но в такой ситуации он мог лишь негромко говорить. Мимо прошла пожилая пара: я их поприветствовал и снова обернулся к злодею:

– Извини, конечно, но не я нацепил на себя парик. Издалека, быть может, смотрится нормально, но вблизи... – я скривил губы. – Может, снимешь?

– Еще одно слово и я вырежу ему желудок у тебя на глазах!

– Да-а? – протянул я, наблюдая за тем, как начинают дрожать губы Василя. – Давай так: режь. Он мне все равно не нравится. А потом говори, что хотел сказать. Или наоборот – говори, потом режь. Я тебя все равно и так, и так готов выслушать, – потом помедлил немного, дав время Алексу обдумать сказанное, и добавил: – Но насчет того, что ты не смог меня в прошлый раз прикончить: так разве у вас теперь не другой план?

– Другой план?

– Да-да, другой. Не посвятишь меня в детали?

Тишина вместо ответа позволила мне уставиться в ближайшее полотно. Красочное и живописное – его явно рисовали в стилистиках позапрошлого века. И, скорее всего – выдумка. Потому что на большой телеге расположился огромный бочонок. Судя по габаритам, в нем была тысяча литров, не меньше. Вокруг столпились люди на площади, украшенной флагами и фонарями.

Явно какой-то праздник – а один из людей сбивал пробку и брызги вина заливали гостей поблизости. Некоторые отшатывались, другие прикрывали лица ладонями, но второй ряд людей уже радостно давил вперед, подставляя кружки. Весело, однако.

– Я понял. Ты умеешь разве что ноги ломать, – произнес я. – Василь, не переживай, тебе ничего не грозит.

– Заткнись уже, – прошипел Алекс.

– А то что? – я покрутил головой – в зале вместе с нами находился еще с десятков посетителей. – Ты пришел мне что-то сообщить. Зачем угрожать парню? Если ты хочешь, чтобы я что-то сделал – попроси. Вдруг у меня очень короткая память и я с радостью выполню твое поручение. А пока что все это бесполезно.

– Да? – осклабился Алекс и сделал легкое движение рукой.

Даже с расстояния было заметно, что он просто уколоч Василя. Но ботаник ойкнул слишком громко. Так, что к нам даже пошел смотритель:

– Что такое?

– Колики, – ответил я. Нам лишнее внимание ни к чему. Смотритель глянул на Василя:

– Может, вызвать врача?

– С ним такое часто бывает. Пройдет, – я успокоил смотрителя, и он вернулся на свое место. – Я не знаю, зачем ты сюда пришел, и кто тебя попросил сделать это. Ты ничего не

знаешь про новый план. Тыкаешь в парня ножом. Готов поспорить, что ты еще и пришел один. Заканчивай этот бессмысленный спектакль, говори, что тебе нужно и уходи.

– Мне кажется, ты не понимаешь до конца всю серьезность ситуации.

– Слушай сюда, – я подошел в этом двоим почти в упор, а Василь шарахнулся от меня едва ли не сильнее, чем от Алекса, и только мертвая хватка бандита удержала его на месте. И на ногах тоже. – В прошлый раз я тебе уже вломил по первое число и могу повторить сейчас. Но все же я не хочу, чтобы сестра Василя мучила меня своими пафосными речами из-за пары уколов. Так какого черта тебе здесь надо?

– Мне нужен ты.

– Вот так бы сразу и говорил, – я шагнул в сторону и снова посмотрел на полотно с бочкой вина. – Видишь эту бочку? Вот из меня сейчас вот так же, как вино из нее, фонтанируют радость и серотонин. И все же я с тобой никуда не пойду.

– Значит, ради денег ты готов пожертвовать чьей-нибудь жизнью?

Эта фраза подействовала на меня, как холодный душ. Я догадался, что речь идет о все том же долге, но человек, которому грозила опасность из-за меня – не Василь. А Дитер. И все же не подал виду, разве что какой-нибудь спец по мимике мог бы рассмотреть непродолжительную растерянность.

– Твоей – не вопрос. Должок за ногу все еще за тобой, а проценты капают с каждым днем.

– Время шуток кончилось, парниша, – фыркнул Алекс. – Тебе придется пойти со мной.

В зал начали заходить люди. Это не бросалось в глаза, если не брать в расчет тот факт, что последние минут пять не заходил вообще никто – а тут трое, один за другим, да еще из разных арок.

Один встал около дальних картин с изображением еще какого-то праздника, впрочем, менее пьяного, чем то, что я видел. Второй встал так, чтобы загородить нас от зрителя. Третий остановился у меня за спиной почти вплотную, дыша в шею. Хотя бы невысокий, решил я, уловив направление дыхания.

– Так и знал, что ты привел с собой компанию, – я постарался улыбнуться так, чтобы это не выглядело натужно. – Мог бы сразу сказать. Но сюрприз есть сюрприз.

На всякий случай я обернулся и посмотрел на того, кто сзади. Еще одно незнакомое лицо. Человек, который меня поприветствовал из-за спины Кима, отсутствовал в этом зале. Значит, у меня еще оставалась поддержка, которая до сих пор не предприняла никаких действий.

– Даю тебе последнюю возможность пойти с нами добровольно, – сказал Алекс.

– Тогда, как перед казнью, последнее слово? Позволишь? – спросил я, сделав вид, что готов к принятию морально тяжелого решения.

– Нет! – бритоголовый кивнул, а я в ту же секунду выпалил в лицо Василию:

– Ори громче! – и пнул его изо всех сил под коленку, а сам под оглушительные вопли присел и откатился в сторону, к стене.

Так я умудрился уйти из-под захвата коротышки, что стоял за спиной, и в то же время оказался достаточно далеко от всех остальных.

Алекс действительно испугался – даже отступил от парня. И было чего: Василь ревел, как медведь. Я даже решил, что я ему что-то сломал. Но зато эффект оказался потрясающим.

Первым делом среагировал зритель. Он вскочил со своего места и, оттолкнув громау в костюме, бросился к Василию. Тот успел попрыгать на одной ноге и рухнул на пол. А зритель пытался понять, что же произошло.

И тут бритоголовый подал знак своим приспешникам. Коротышка двинулся на меня, громау, которого оттолкнул зритель, схватил мужчину под мышки и оттащил в сторону.

Может быть, галерея большая и наши просто не слышали этого шума? Или слышали, но все еще спешат на помощь? Мне не хотелось ни с кем драться сегодня – в противном случае,

скорее всего, опять придется избавиться от приличного костюма. А стрелять в Галерее слишком рискованно.

Когда через пару секунд никто не появился, я начал действовать, пока меня не окружили. Приподняв руки, я двинулся на коротышку, демонстрируя тому раскрытые ладони. Расслабляться тот и не думал, но я улучил момент и, оказавшись к нему правым боком, сперва ударил по его рукам, а потом, разворачиваясь, зарядил в лицо.

Хрустнула переносица, тут же брызнула кровь, а я уже отскочил в сторону, чтобы слепо размахивающий кулаками коротышка не достал меня. Но зато до меня достал второй, когда схватил за пиджак и потянул к себе. Крепко пришитая пуговица выдержала давление и мне даже пришлось присесть, чтобы выбраться из пиджака.

Двух шагов не хватило, чтобы избавиться от рукавов. Было в этом есть и свое преимущество: громила, который держал мой пиджак, думал, что я беззащитен. Но ситуация была обратной, и тонкая ткань не смогла спасти его лицо от внушительных травм.

Я бил снизу вверх, но попал чуть вскользь. Этого хватило, чтобы разбить ему в кровь обе губы и выбить зуб с верхней челюсти. Только после я дернул руками и окончательно избавился от пиджака.

– Пистолет! – рявкнул третий и машинально вытащил оружие.

– Не стрелять! – Алекс тоже решил не соблюдать тишину.

В проеме показался еще один рослый мужчина, одетый формально и даже строго. То ли он был одним из наших, то ли бритоголовый распознал в нем какую-то угрозу, но я даже понять ничего не успел, как «туляк» словно из ниоткуда возник в его руке. Раздался выстрел, и строго одетого парня вынесло через арку из зала прочь.

Ахнул смотритель, оставленный без присмотра, снова взвыл Василь. Я больше не колебался и выхватил «стрелец». Смотрелся он не так внушительно на фоне «туляка», но кто скажет, что в этом деле размер – главное?

– Быстрее сюда! Стреляли здесь!

– Бегом!

В соседних залах слышался топот ног. Я уже целился в бритоголового под дулами еще трех пистолетов:

– И не думай, что уйдешь отсюда просто так, – сказал я ему.

Тот молча бросился бежать в тот проход, откуда не доносился топот. За ним рванули остальные, лишь на долю секунды опередив «наших». Первые, кто вбегали в зал, видели сверкающие пятки беглецов.

– С Аней кто-то есть? – спросил я у первого, что остановился рядом с Василем. Двое других промчались дальше, не останавливаясь.

– Да, она в безопасности. Что случилось?

– Вот свидетель, – я ткнул пальцем в смотрителя, – он все расскажет.

И собрался бежать за Алексом. Я горел желанием отомстить ему за сломанную ногу и за то, что он учинил только что в Галерее. Судя по тому, что криков и стрельбы слышно не было, ситуация имела два варианта развития: либо бандиты уже скрылись, либо ловко передушили преследователей.

– Выводите обоих, – бросил я напоследок.

Центральная Галерея, как полагается большому и красивому зданию, несмотря на обилие просторных залов, оказалась настоящим лабиринтом. Мне стоило понять это с самого начала. Хорошим примером был императорский дворец – при своей классической форме внутри он был хитросплетением коридоров.

То же самое можно было сказать и про Центральную Галерею. Некоторые залы, которые шли параллельно друг другу, могли иметь смежную дверь, арку – или не иметь ничего. Некоторые залы оказывались темными, без окон, но зато минимум с парой широких проемов.

Все они отличались друг от друга количеством входов и выходов, освещением и окнами. Сперва меня смутило то, что часть окон имела приличную высоту, а другие имели привычные размеры. В одном из залов они и вовсе имели арочное исполнение.

Делалось это явно для того, чтобы поразить гостей разнообразием. При должном оформлении каждый зал мог быть противоположностью своего соседа. И страшно было подумать о том, что случилось бы, приди сегодня в Галерею посетителей на порядок больше. Тогда жертв точно не избежать.

К счастью, большинство людей бросились бежать прочь, заслышав выстрел, поэтому я без труда определил, куда направились остальные нападавшие.

Через три зала, петляя и путаясь в направлениях, я сперва наткнулся на кровавый след, затем за углом увидел тело, лежавшее лицом вниз. Наклонился и перевернул его – не наш. Но уже за следующей аркой в зале с мрачными темными полотнами обнаружил кашляющего – и на этот раз «лояльного» представителя Третьего отделения.

– Туда – он ткнул пальцем в проход и попытался встать. – Иди, я сам справляюсь.

Он охнул и прижал посильнее ладонь к ребрам – пальцы были перепачканы кровью. Я не стал ждать и помчался дальше, петляя в новых лабиринтах дверей и арок. Еще двое высаживали дверь:

– Мы поймали еще одного! – крикнули мне и тут же оба навалились на дверь, выламывая замки и петли.

Оставалось двое и моя главная задача – не упустить Алекса. Я побежал, но внезапно начал наткаться на закрытые двери. То, что не все они были заперты зрителями, существенно сужало вариативность моего маршрута.

Я бежал быстро и вскоре настиг коротышку. Но почему-то мы оказались в том же зале, где вели беседу с Алексом, а я никак не мог понять: как же я так крутился в залах?

Коротышка рванул к дверям впереди, но их захлопнули буквально перед его носом. Последний его выход находился за моей спиной. Он попытался проскользнуть мимо меня, но я смог дотянуться левой. Попал в плечо и сильным ударом опрокинул его: тот развернулся, задрал ногу, и упал на спину.

Но похоже, что нанимать кого попало перестали – натренированным движением он вскочил. На лице его засыхала кровь из разбитого носа и дышать ему приходилось ртом, отчего неприятный оскал делал его похожим акулу.

К нему у меня вопросов не было. Но хорошо бы схватить живым. Мое прикрытие сейчас занималось более важными делами, так что мы остались с ним один на один.

Коротышка поднял руки, прикрывая подбородок и грудь, и собрался сделать круг – наверняка чтобы сбежать. Я нарушил его планы, шагнув в ту же сторону, к тому же пошел на сближение.

Тот мотнулся назад, потом ступил вбок, заставляя меня повернуться к нему лицом. Принялся раскачиваться, как заправский боец на ринге. Я сделал выпад почти наугад, целясь в голову, но тот уклонился, согнулся и кинулся на меня, сбивая с ног.

Позади оказалась стена и удар о нее буквально выбил из меня дух. Но мне хватило сил оттолкнуть коротышку. Тот, как оказалось, успел ухватиться за пистолет в моей кобуре, и выдернул оружие.

Но пока он не встал и не прицелился, я попытался отнять оружие и обеими руками схватил его. Левая рука стиснула запястье позади пистолета, второй я вцепился ему в горло.

В зал вбежали «наши», застав необычную для Галереи картину, когда два человека, сидя на полу, борются за пистолет.

И тут коротышка проявил характер. Согнуть его руку оказалось не так просто для меня. Скользящий пол не давал нам подняться на ноги, а разоружить врага я так и не сумел.

Он даже начал посмеиваться над моими попытками его задушить и принялся выворачивать руку так, чтобы пистолет смотрел мне в лицо. Пришлось навалиться всем весом, противясь черному дулу возле подбородка.

Затем я отпустил шею коротышки и принялся давить уже двумя руками. Он спустил курок, и первая пуля ушла в потолок. В зале не было слышно ни единого звука – все просто смотрели. Или боялись словить свинца в лицо.

«Стрелец» по-прежнему смотрел дулом вверх между нашими лицами. Я попробовал встать, чтобы давить с большей силой, но подошва ботинка поехала по скользкому полу и мое колено тут же оказалось у коротышки между ног.

Рука его мгновенно расслабилась, пистолет прижался к груди и прогремел выстрел. Я почти сразу же отполз назад, весь перепачканный кровью, которая брызнула из коротышки.

Картина, под которой мы боролись, описывала яркий пьяный праздник. Только теперь первый ряд людей на ней уворачивался не от брызг вина, а от капель крови, которая залила весь левый нижний угол полотна. Новое слово в местной живописи.

Глава 15. Клан Абрамова

От запаха и вида крови меня едва не вывернуло, но я нашел в себе силы подняться и отойти в сторону, зажав нос.

– Идите быстрее на улицу, всех остальных уже вывели, – произнес чей-то голос, и я послушно отправился наружу, пытаясь прийти в себя.

По пути я остановился поднять пиджак. Кажется, в этот раз обошлось без разрушительных последствий для моей одежды. Я отряхнул его и перекинул через плечо.

Дошел до умывальников – стрелка на стене указала мне, в какую сторону двигаться. Тщательно отмыл лицо и руки, чтобы не пугать людей на улице. Причесал волосы и осмотрел костюм – все ли в порядке.

Поправил пистолет в кобуре, застегнул пиджак и выдохнул. Кажется, у меня начинает получаться выходить из стычек с минимальным ущербом.

В следующем же зале меня встретил еще один из отряда прикрытия:

– Принцессу Анну вывели на улицу. С ней все в порядке, и она вас ждет, – доложили мне, едва завидев, так что я поспешил наружу.

Девушка стояла в окружении подруг, еще шире расположилась толпа людей, журналисты. Рядом что-то говорил Ким, общаясь то ли с прессой, то ли с Анной. Я склонил голову, чтобы не светить лицом на камеру и постарался подобраться поближе.

– ... Все под контролем, вы слышите, стрельбы и шума больше нет. Последних гостей мы уже вывели, вот смотрите, я думаю, точно последний. Ох, Максим, это вы! – Ким сделал большие глаза: – Что там случилось? Никто не погиб?

– Я... – пришлось быстро обвести глазами всех вокруг, оценить обстановку, потому что ляпнуть лишнего в такой ситуации очень легко, – ... не видел ничего. Меня вывели и... вот, – громко закончил я.

– Боже мой!

– А человек на носилках? – тут же спросили из толпы.

– Это мой брат Василь! – мгновенно выкрикнула подруга Ани.

Журналисты их обступили так плотно, что я едва смог протиснуться в это кольцо:

– Идем быстрее, – шепнул я принцессе и схватил ее за руку. – Здесь светиться не стоит.

В толпе люди прижимались друг к другу – многие не могли как следует настроить технику и сделать фотографию. Это получалось лишь у тех, кто стоял прямо перед девушками.

– Сюда меня позвала моя подруга... – услышал я голос сестры Василя, которая в замешательстве стихла.

– Я все объясню, но только в машине, – поспешил сообщить я, потому что Аня не горела желанием оставлять подруг одних. – Надеюсь, что ты успела хоть что-то посмотреть и мы не зря сюда съездили.

Мы уселись в мой неброский, но стильный двухместный автомобиль. Я перевел дух и уже посматривал по сторонам, собираясь отъехать. Но Аня молчала, и мне пришлось проявить немного такта:

– С тобой все в порядке?

– Да, – коротко ответила принцесса. – Что случилось? Клара сказала, что ты ударил Василия?

– Это единственное, что я мог сделать, – объяснился я. – Потому что к нам пришел наш товарищ из поместья. Тот, лысый, помнишь? Никакие странные типы не бродили возле вас?

– Нет, не было никого. Погоди, правда ударил??

– Говорю же, да. И не отрицаю. Мне нужно было привлечь внимание нашей охраны, потому что в зале не было никого.

– То есть, вы не поссорились?

– Если не считать за это кучу гадостей, которую он наговорил – то нет, все в порядке, – ответил я довольно ровно. – А вообще, мне надоели эти игры, – я стукнул по клаксону, прогоняя слишком медленного пешехода. – Пора действовать иначе. Опережать события, так сказать. Перед Василием я извинюсь позже, он ведь все-таки твой друг.

– Нет, он не друг. Его сестра мне подруга.

– Но все же. Думаешь, стоит?

– А он правда говорил гадости? – прищурилась Аня.

– Я думаю, ты ему нравишься, и он хотел бы оказаться на моем месте, – предположил я. – Иначе он не стал бы называть меня мелким дворянчиком.

– А ты на него обиделся?

– Нет, не обиделся, но, когда долбанул по колену, мне полегчало, – признался я и с облегчением услышал, как фыркнула принцесса.

– Тогда тем более нечего извиняться.

– А он меня на дуэль не вызовет? Может, мне стоит потренироваться в стрельбе или поупражняться в фехтовании?

– Он неловкий. Совсем, – после короткой паузы произнесла Аня, глядя на меня. – Скорее уж ты его заколешь. Но только вот его отец не обрадуется. Если он так с тобой повел беседу, отцом он погрозить не успел?

– Нет, не успел. А кто его отец?

– Руководит Казначейством, Юрий Волков.

– Без титула?

– Без.

– Значит «мелкий дворянчик» поважнее его отца будет, – теперь уже посмеялся я.

– Тебя это задело, – произнесла Аня, не спрашивая.

– Нет же, совсем.

– Тогда бы ты его не цитировал и не ставился. Успокойся, – мягко добавила она. – Все, что он тебе наговорил в Галерее – неважно. А сейчас едем к тебе.

– Мне нравится, когда ты командуешь, – улыбнулся я, и Аня неожиданно покраснела, хихикнув при этом.

Она была чертовски хороша в этот момент. Что уж говорить про момент, когда мы наконец-то добрались до моего дома и залезли в большую ванну. Тогда не существовало ничего, кроме нас. А нас не существовало ни для кого больше – толстые стекла отлично изолировали и не пропускали на улицу ни один, даже самый громкий возглас.

В моей ситуации важен был не сам секс, а человек, который находился рядом. Получалось вдвойне приятнее, когда чувствуешь не только физическую близость. Поэтому, расплескав приличное количество воды по полу, раскидав полотенце и вообще наведя непристойный бардак в ванной комнате, мы решили передохнуть.

Смеркалось – и потому это было лучшим моментом для чаепития. От кофе я предусмотрительно отказался и не стал даже себе варить, хотя после Галереи все равно чувствовал себя немного нервно, и от этого клонило в сон.

– Теряю форму, – выдал я, присев напротив Ани за стол.

– О чем это ты? – игриво прищурилась принцесса. – Все было отлично.

– Я про общее состояние, – смущенно пояснил я. – Я здесь уже больше месяца. А чаще всего лежу – то с переломом дома, то в больнице. Много бегаю, хотя не люблю это дело, – я вздохнул и посмотрел на девушку: – без шуток, я бы лучше гулял с тобой где-нибудь по дворцу или Университету, бродил по городу, водил в театр, но ситуация не та.

– Представь себе, я понимаю. И меня устраивает, что это понимаешь ты. Я ведь даже не поблагодарила тебя за то, что ты меня вытащил в люди, что я увиделась с подругами.

– Вообще-то я подверг тебя опасности.

– Но ты не знал, что все так обернется. Кстати, ты не сказал, чего хотел тот человек.

– Денег, которые как бы мои, но мои, потому что ничейные, потому что их украли у графа Апраксина... короче, если опустить все сложности, то граф был их должен еще кому-то и теперь этот кто-то явно намерен вернуть деньги.

– Но разве тот человек, который напал на твое имение, наемник? – задумалась Аня, – мне говорили, что он такой же, как Павел. Или Виктория.

– Похоже, что принципов для него нет. Поэтому я считаю, что нам надо сменить тактику. А мне – заняться тренировками. Представляешь, там, в Галерее...

Девушка слушала мои приключения, словно я ей читал интересную книгу о рыцарях. Как же, принцессы любят такое. Но Аня ловила каждое мое слово. Я же старался опустить кровавые подробности, чтобы не покрыть себя мрачным ореолом безжалостного убийцы.

– Бр-р, – поморщилась она, – представляю, как теперь выглядит «Праздничная площадь» Акропова. Не слишком празднично.

Я не стал отрицать это. Внизу хлопнула дверь, поэтому я направился на первый этаж, по ходу прихватив с собой еще и оружие на всякий случай. И застал внизу Викторию с гостем:

– Принимай. Вытащили.

Она разжала руку и подтолкнула ко мне Быкова. Тот поднял голову и, узнав меня, тут же выпрямился:

– Ты?! – удивлению его не было предела.

– Могла бы и сказать ему, куда ведешь, – меня позабавила эта реакция, но Виктория все равно оставалась хмурой:

– Еще много дел, не до шуток сейчас.

– Стой-стой-стой, погоди, есть дело.

– Что, еще одно? Не сейчас.

– Нет, сейчас, – настоял я. – По крайней мере сегодня. В ближайшие часы. Мне нужны вы оба, и ты, и Трубецкой. Захвати его сюда.

– Что-то я не помню, чтобы я исполняла твои приказы, – Виктория сердилась от того, что я ее задерживаю, но поделаться ничего не могла.

– А я и не приказываю. Это просьба. Если ты еще не слышала, наш поход в Галерею обернулся небольшой неприятностью.

– Представь себе, слышала!

– Когда ты только успеваешь, – пробормотал я. – Так придете?

– Как будто выбор есть! Придем, если только Павел опять не влипнет в неприятности.

– Сегодня их и так было предостаточно, – ответил я перед тем, как женщина ушла, и обратился к Алану: – Рад тебя видеть, – и только сейчас понял, что по-прежнему сжимаю в руке пистолет.

– Ты попросил меня вытащить? Организовал мой побег? – спросил он.

– Вообще я ждал, что ты скажешь «спасибо», но и так сойдет, – я протянул руку, и тот ее крепко стиснул: – Я лишь попросил нужных людей. Хотел раньше, но нужные люди были слишком заняты.

– Черт, – присвистнул Алан, кивая на каждую мою фразу, – и здесь ты живешь?

– Есть кое-какие привилегии, – улыбнулся я.

– А что с тем делом? У тебя получилось? Или я опять тебе нужен... А, нет, не нужен.

Я почувствовал руки Ани на своих плечах и едва не разомлел от этого ощущения.

– Добрый вечер, – поздоровалась она. – Я вас помню. Вы были в больнице, да?

– Был, точно. Много воды с тех пор утекло, – его лицо стало жестким, – особенно если сидеть по политической статье. Как вам только это удалось проверить?

– Спросишь потом у той, что тебя привела. Говорю же, я только попросил.

– Что ж, – Алан попытался улыбнуться. – Спасибо тебе.

– Располагайся поудобнее, думаю, ты у меня задержишься на некоторое время. А если еще и в розыск не объявят, немного поможешь. Я рассчитывал на твою хватку.

– Мне и отдохнуть не дадут? Ты ведь добился, чего хотел.

– Все очень усложнилось. Вечером увидишься еще и с Дитером.

– А брюнеточка тоже будет? – внезапно оживился сыщик.

– Брюнеточка? – подала голос Аня.

– Элен, я тебе про нее рассказывал, – тут же пояснил я. – Нет, ее не будет. Втягивать ее в это дело я намерен, пусть живет спокойно.

– Ладно, загляну на досуге, – махнул рукой Алан и ушел в гостиную.

– Я решил собрать всех, кто как-то связан с нашими делами и посвящен в проблемную ситуацию, – начал я, когда мы остались наедине. – Представителей Третьего отделения я уже пригласил, вечером будут. Надеюсь, что оба. Остался Дитер, ростовщик.

– А причем тут ростовщик? – любопытствовала Аня.

– За ним тоже охотятся из-за денег. Как бы не пришлось его вытаскивать, а тут еще такое удачное сплетение получилось, – я уже схватился за трубку телефона. – Вечером мы проясним все, чтобы работать, как одно целое. Я считаю, что не договаривать в нашем деле смерти подобно.

Я набрал номер и вызвал Дитера, назвав только адрес. Без причин – просто поговорить. Он согласился, едва услышал приглашение, не стал задавать вопросов и напряг меня этим сильнее, чем если бы спросил хоть что-то. Затем мы присоединились к Алану в гостиной.

– Те недели, что ты провел в тюрьме, – начал я, пытаюсь завязать разговор с Быковым. – не планируешь скучать по ним?

– Шутишь, должно быть?

– Если бы я шутил, я бы сказал: собрались как-то в одной комнате барон, принцесса и уголовник...

– Плохой анекдот.

– Извини, я не думал, что там было настолько дурно.

– У меня была одиночка размером с общественный сортир. Простите, – обратился он к Анне. – Я скоро приду в норму и смогу разговаривать нормально.

– Нет, ничего страшного, вы пытались меня спасти, и я вам очень благодарна за ту попытку!

Когда выяснилось, что взаимных упреков нет, Алан не держит зла на меня, и Аня воспринимает его нормально, я успокоился, разговор пошел легче. Через некоторое время к нам прибыл Дитер.

Вернее, сперва вошел человек, присматривающий за домом, а потом, после моих объяснений, впустили и возмущенного ростовщика. Тот рассерженно смерил взглядом охрану, выматерился по-немецки и, наконец, обратился ко мне:

– Дела плохи.

– Я так и понял, – ответил я. – Думал, что ты будешь задавать вопросы, но согласился приехать сразу же. Нам есть, что обсудить. Всем вместе и с тобой отдельно. Но я думаю, что пора действовать сообща. А почему ты приехал один, где Карл?

– Карл... – немец поджал губы, – Карла зарезали сегодня утром прямо возле таверны.

– Ты нашел тех, кто это сделал?

– Коняев работает, но мне кажется, что он уже давно не на меня, – прошептал ростовщик. – Как бы это выяснить. Мне некогда – завтра требуют моего присутствия в этой проклятой кондитерской. Был бы Алан здесь, черт!

– Идем, – я повесил его пальто на вешалку. – В гостиную первая дверь.

– Может, ты все же мне как подсоби... – и он замолчал, увидев Быкова в гостиной. А затем еще и Аню. Я заметил, как он мечется между двумя своими привычными состояниями: радушного добряка и обаятельного покорителя женских сердец. – Доброго вечера. Вам. Обоим, – выжал он наконец-то из себя.

Я провел его к дивану, осмотрел количество сидячих мест и принес еще пару стульев. Меня не было буквально минуту, но никто из сидящих не нашелся, что сказать. В итоге я сел рядом с Аней и обратился к ростовщику.

– Сегодня я исполняю твое желание. Пусть оно второе, но сообщаю о нем в первую очередь. Алан здесь.

– Сам вижу, – все так же оторопело произнес Дитер. – А первое каким было, напомни?

– Деньги у меня на счете, твою долю я тебе оформлю, как только попадем в банк. Элен тоже.

– А...? – он едва заметно кивнул в сторону принцессы.

– Я думаю, если потребуется, Аня сама примет участие в нашем мероприятии, правда?

– Без стрельбы только, пожалуйста.

– Прелестно! – вырвалось у ростовщика. – Это правда наша Анна-Мария, тихая и скромная дочь Алексея Николаевича?

– А вы сомневаетесь? – принцесса вздернула бровь, мгновенно придав строгое выражение милому личику.

– О, нет, никаких сомнений, прошу прощения, – миролюбиво поднял руки Дитер. – Алан, друг мой, у меня к тебе будет одно маленькое дело...

– Погоди, остальные придут, и мы все наши дела упорядочим так, как нужно. Чтобы никто не остался в накладе и, самое главное, не пострадал. Иначе мы запутаемся в этом клубке и испортим все окончательно. Упустим и время, и возможности.

Хлопнула дверь, быстро прошуршал плащ и, цокая невысокими каблуками, в гостиной появилась Виктория.

– Почему ты одна? – спросил я. – С Трубецким опять что-то случилось?

– Все в порядке с ним, – она, щурясь, смотрела на ростовщика. – Мне кажется, нас не представили.

– Дитер фон Кляйстер, мадам, – он привстал с дивана.

– Виктория.

– А дальше? У такой прекрасной женщины...

– Не стоит, Дитер, я здесь исключительно по делам. Максим, я так понимаю, это тот самый ростовщик.

– Именно, – подтвердил я, наблюдая за растерянным немцем. Второй раз подряд не получилось проверить один и тот же трюк.

– Я очень извиняюсь, мадам, – фон Кляйстер неловко сел обратно на диван. – Всего лишь хотел проявить...

– Я не император, передо мной проявлять ничего не нужно.

– Так где Павел? – напомнил я.

Снова хлопнула дверь, и через пару секунд к нашей компании присоединился влетевший и сильно запыхавшийся Трубецкой.

– Я не опоздал?

– Нет, ты как раз вовремя, – сказал я, перебив Викторю, явно собиравшуюся отчитать своего подчиненного. – Садитесь. Теперь все в сборе.

– Просила же! – негромко сказала Виктория на ухо Трубецкому, когда они занимали места. Немец снова растерялся.

– Так вы тоже?

– Что тоже? – уже рявкнула Виктория.

– Тоже из Третьего? – слабым голосом проговорил Дитер.

– Да-да, из Третьего, – поторопил я, – ребята, давайте соберемся, у нас много тем для обсуждения.

– Ты прямо как крестный отец, – фыркнул Алан.

– Тебя что, никак тюремная тема не отпустит, сыщик? – с нажимом произнесла Виктория, не успокоившаяся после немца.

– И тебе добро пожаловать в клан Абрамова, – перебил я ее, а когда все наконец затихли, произнес: – но шутки в сторону. У нас с вами опасный противник и настало время действовать сообща.

Глава 16. Собрание

Я еще раз посмотрел на присутствовавших. И правда, смахивает на мафиозный клан. Вот влиятельный представитель власти – Анна-Мария, дочь императора. Рядом сидит ростовщик, по сути, бухгалтер. По соседству с ним – сыщик.

И мускулы: Павел Трубецкой и Виктория, чью фамилию я до сих пор не удосужился спросить. Карл бы отлично смотрелся третьим среди них.

– Я забыл про Эда, – произнес я, оценив наше количество, как очень малое.

– Не думаю, что здесь он нам нужен. Он человек второстепенный, поэтому здесь точно лишний, – ответил Павел и что-то шепнул Виктории. Та кивнула.

– Значит все в сборе. Собрания я проводить совершенно не умею. На своей прежней работе я их только посещал, но не возглавлял, поэтому, – я поскреб в затылке, – давайте с простого. Все вы знаете, что меня зовут Максим и я из другого мира...

Мою речь прервал сдавленный кашель подавившегося Быкова.

– Да чтоб тебя, – Виктория наклонилась и хорошенько приложила тому промеж лопаток.

– Из другого мира? – задыхаясь, выпалил покрасневший сыщик.

– Я думал, что я тебе про это говорил.

– Не говорил. Но этого же не может быть! – он обвел всех остальных испуганным взглядом. – Мать моя, правда, что ли?

– Правда, успокойся уже, – с нажимом произнес Павел. – Давай, Максим, продолжай.

– В связи с тем, что за последнюю неделю случилась масса неприятностей, предлагаю не работать отдельно друг от друга, а заняться делами плотно.

– Мы и так это делаем, если что, – подала голос Виктория.

– Понимаю, что делаете, но у меня складывается впечатление, что все мы действуем сами по себе, каждый по отдельности.

– Зато я не очень понимаю, при чем здесь я, – вступил Дитер.

– И до тебя дойдет очередь, мой друг, – ответил я. – Последняя новость, которую вы двое уже слышали, – я обратился к представителям Третьего отделения, – касается произошедшего в Центральной Галерее. Для остальных сообщаю фактом – по мою душу приходили. Снова. Опять же, для вас двоих это не секрет – то были Алекс и его помощники.

– Мои люди сообщили, что видели светловолосого мужчину, – ответила Виктория.

– Это Алекс. Парик на нем смотрелся, как на корове седло, но зато с десяти шагов его никто не смог узнать.

– И чего же он хотел, раз так вырядился?

– О, все очень просто. Теперь он хотел денег.

– Он сам? Для себя? Зачем? – посыпался град вопросов.

– Поскольку это деньги мои, Элен и Дитера, – начал объяснять я, – ты понимаешь теперь, мой друг, почему ты оказался здесь. Охотники за ними связывают нас. Видишь ли, Алекс изначально занимался более важной государственной задачей, потому что... – я сделал паузу и выжидательно посмотрел на Викторину.

– Потому что он тоже из Третьего.

– А вы там что, – обернулся на нее немец, – совсем не знаете всех своих коллег?

– Отделение большое. Не знаем, – отрывисто сообщила она.

– И это наша первая большая проблема – мы до сих пор не знаем, кому можно верить, а кому нельзя. За исключением тех, кто находится в этой комнате, – подвел я промежуточный итог. – А кроме того, у меня есть опасения, что сегодня в Галерее кое-кто еще оказался не случайно.

– Кто? – Алан внимательно слушал, наклонившись вперед.

– Ань, ты сказала, что Василь не является твоим другом. Речь шла только о его сестре Кларе, верно?

– Мы общались пару раз, но другом бы я его точно не назвала.

– Погодите, Клара и Василь Волковы? Речь идет о них? – спросила Виктория, перебив нас обоих. – Те самые Волковы?

– Что значит «те самые Волковы»? – нахмурился я.

– Значит, дети те самого Волкова, который глава Казначейства. Через него я провела твои деньги. Простите, ваши деньги, – поправилась она, уловив на себе взгляд ростовщика.

– Мне стоит беспокоиться о том, что средства не придут на счет? Что их могут изъять, отнять или еще что-то?

– Если ты не сделал его детям ничего дурного – но я сомневаюсь, чтобы ты желал им зла. К тому же деньги уже ушли, я проконтролировала весь процесс. Они должны быть у тебя в банке.

– Это все должно быть связано! – выкрикнул Дитер, больше не сдерживаясь. И не дав никому сказать ни единого слова, тут же продолжил: – Из-за этого убит Карл. Сперва эти люди хотели разговаривать со мной, но теперь они знают, что денег у меня нет. Значит завтра мне предстоит отправиться на смерть или ждать ножа в подворотне?

– Я сам тебе помогу, как и обещал, – уверенно ответил я.

– Нет! – крикнула Аня. – Собой рисковать? Ради чего?

– Это дружеская помощь, Ань, я не могу оставить человека в беде.

– Но ведь есть они, – девушка махнула рукой, указав на Павла.

– Они не смогут помочь. Их задача – охранять тебя. Не меня. И тем более не Дитера.

Поэтому я помогу, чем смогу. К тому же убивать нас никто не будет – все ждут денег.

– Я тоже пойду, – решил Алан. – По совести будет.

– Вот уж совсем по-рыцарски, – фыркнула Виктория. – Только, господа, я вас разочарую. За всем этим никак не может стоять Волков. Смерть твоего друга, фон Кляйстер, неприятное совпадение. Ты сам отлично знаешь район, в котором обитаешь. И это может быть связано не только с твоей деятельностью.

– Похоже, я не сказал самого главного, – снова заговорил я, глядя на Аню, которая в этот раз, кажется, серьезно обиделась. – Я бы не обратил внимания на это, но, когда Виктория сказала «тот самый Волков», подумал, что это не просто так. Ты не звала его?

– Нет, – коротко ответила девушка. – Его позвала Клара. Точнее, она сказала, что он пойдет с нами.

– Когда сказала? Сразу?

– Нет, мы сперва договорились встретиться, как только обсудили это с тобой. Позже, утром, когда мы уточняли время и место, она сказала, что придет Василь.

– Опять же, я не вижу в этом ничего особенного.

– Я еще не закончил. Но раз тебе не терпится услышать мои доводы, буду краток и задам всего один вопрос. У вас в Империи часто берут людей в заложники? Пытают их или убивают?

– Это не один вопрос, – Виктория взяла немного времени подумать. – Я видела отчеты.

– И? – поторопил я ее, желая поскорее услышать, что преступники одинаковые в обоих наших мирах.

– Вообще ты прав, в большинстве случаев они не выживают. Никому не нужна жертва, которая будет мстить. Или просто свидетель.

– Вот именно. Но Алекс, вместо того чтобы подойти ко мне сразу, предложить все, что он хотел, и уйти, либо похитить меня – благо я вообще был один в зале, за исключением Василя и зрителя...

– Короче!

– Он взял в заложники Василя. Приставил нож. Но парень до этого меня немного разозлил, поэтому я позволил себе некоторые вольности. Хотел побесить Алекса, спровоцировать его.

– Зря-я, – протянул Павел.

– Все закончилось хорошо.

– Сейчас – да, хорошо, но Алекс – та еще сволочь. Он тебе твои выходы припомнить может.

– Пожалуй, я присоединюсь, – добавила Виктория. – Как раз то, что ты сказал, может разозлить Волкова и..

– Погодите, вы же еще не дослушали. Это все мелочи! Я веду к тому, что Алекс и его люди могли устроить там настоящую бойню! Или просто убить парнишку. Но они не сделали этого! Даже когда я его до ручки довел, даже когда зритель проявил интерес к нашему поведению – он его лишь слегка кольнул. Даже я по колену ему сильнее врезал. Разве это не показатель? Разве все факты в сумме не дают слишком уж большую невероятность для такого совпадения?

Повисла тишина, звенящая, гудящая, которая обычно остается после крика или, как в моем случае, после длинного монолога. Я вошел в раж.

– Согласна. Максим, ты меня убедил. Алекс может работать на Волкова, но это не связывает его с делами государства.

– Мне плевать на Волкова. Нам нужен этот бритый тип. И скорее всего, он завтра будет на месте, куда тебя приглашали, в этом «Кролике».

– «Румяный кролик», – подсказал Дитер.

– Я могу занять там место заранее, – сказал Алан.

– Прекрасно. А мы с Дитером придем вовремя, – произнес я. Аня в это время грустнела на глазах. – Я обещаю, что буду осторожен. И никаких глупостей. Вообще никаких.

– Обещаешь? – в ее глазах снова блеснул огонек.

– Я ведь жених дочери императора. Как я могу делать глупости? – улыбнулся я, а следом за мной и остальные. – Но это еще не все, что я бы хотел с вами обсудить. Я лишь барон, не имею права приказывать кому-либо, но все же у меня есть просьба вам двоим.

– Ангелам-хранителям, – негромко произнес Дитер, уловив перемену настроения в лучшую сторону.

– Лучшим в своем деле, если ты об этом, – добавил я. – Понимаю, что не знаю ваших правил и распорядка, но я не хочу, чтобы кто-то из вас знал то, чего не знает другой, – заметив, как переменялся в лице Павел, я продолжил. – Это не выговор и не разбор полетов. Вне зависимости от того, что ты сейчас услышишь, – я посмотрел на Викторию, – ты не применишь к нему никаких штрафов или что там у вас бывает.

Остальные смотрели на нас с непониманием. Больше походило на семейные разборки.

– Это был важный след. И только ты его знал, – рассказывал я, обращаясь теперь в Павлу, но чувствуя себя малость неловко, потому что все, что я говорил, все-таки было похоже на выговор. – Если бы ты сообщил об этом остальным, мне бы не пришлось вчера делать эту вылазку.

– Но я же... – начал Трубецкой.

– Знаю, что ты и сам бы отлично справился. Но ты не знал, что у мне сломали ногу. Если бы ее не ломали, я пришел к тебе на выручку раньше. На неделю, день или даже час – что было бы тогда?

– Слушай, хватит мне мораль читать, я тебе не маленький! – шпион густо покраснел. – Тот след – это мое дело и...

– Нет, не твое, – произнесла вдруг Виктория. – общее, когда речь заходит об Анне. Поэтому будь добр, расскажи, куда он тебя вывел.

– Есть четкий след на химзавод в Коврове, – выдавил из себя Трубецкой.

– Чудесно. Займемся им чуть позже. А теперь, я думаю, нам уже пора.

– Я. Еще. Не закончил, – с расстановкой произнес я.

– Парнишка вошел во вкус, – довольно хмыкнул Павел, моментально преобразившись. – Это еще вчера заметно было.

– Просто я решил, что чем раньше привыкну к этому, тем будет проще. Есть у меня пара «хотелок» – это тренер и тир или какое-нибудь стрельбище, чтобы попрактиковаться.

– Устроим, – тут же в голос ответили оба из Третьего отделения. – Есть хорошие люди на примете, – добавил Трубецкой.

– И последняя проблема, по которой я хочу с вами посоветоваться. Мне поступило предложение от человека, которому не отказывают.

– Императора можно и по имени называть, все свои, сам же говорил, – посмеялся Алан.

– Угадал. Он хочет, чтобы я поучаствовал наблюдателем на заседаниях Большого Совета. Что это такое и как мне лучше действовать?

– Погоди, а у вас там, в том мире – все такие настырные и пробивные? – продолжил сыщик. – Два месяца назад никто о тебе не слышал, теперь ты внезапноходишь в Большой Совет, спасаешь принцесс и вообще крутишься тут, как электровеник. Как ты все это намерен успевать делать?

– А я вообще очень продуктивный человек. Краснов, мой начальник, даже узнай о моих делах здесь – все равно бы с работы не уволил, – и тут мне в голову пришла мысль: – Паш, а мой телефон все еще у тебя? Тот, который ты показывал.

– Нет, с собой не ношу. Но ты бы все равно не смог с него позвонить. Сигнала нет.

– Обидно, – я закусил губу. Было бы классно позвонить домой, родителям. Или друзьям. Даже тому же Краснову – и напомнить о себе. Но дом сгорел, сигнала нет – нет и меня больше для того мира. – Ладно, я должен был спросить. Так что с Большим Советом? Это какое-то собрание, мероприятие... бал?

– Нет уж, балов с тебя достаточно на эту осень, – высказала Виктория, пока Трубецкой посмеивался про себя. – Большой Совет – серьезное мероприятие. Участники к нему готовятся. Кто-то составляет акты, законы, выдвигает предложения. Составляется план. Иногда он настолько большой, что Совет длится не один день, а три. Больше его не проводят, а просто переносят на следующий месяц то, что не успели обсудить.

– И что, все три дня сотни человек просто сидят в одном зале и говорят, слушают, пишут? Мозги же закипят от первого же обсуждения!

– Нет, конечно. По первому обсуждению, если ни у кого нет вопросов, проекты принимаются и впоследствии изучаются более тщательно.

– Да все равно, как идет работа, я далек от политики. Перерывы должны быть, иначе я не успею ничего понять!

Слова Виктории меня ошарашили. Я не представлял себе собрания Большого Совета таким торжеством или фуршетом, где пара сибирских генералов, раздирая поросенка, решают, где ниже по реке построить новую гидроэлектростанцию. Но, по ее словам, выходила полная противоположность, к тому же, на мой взгляд, совершенно бессмысленная!

– А что именно тебе надо понимать? Он ищет заговорщиков в своем окружении и хочет с твоей помощью их побыстрее поймать?

– План был именно такой.

– Ближайший Совет будет на следующей неделе. Мы с тобой успеем поговорить и обсудить твою тактику. Но вообще Алан прав, – Виктория посмотрела на меня с беспокойством: – как ты планируешь все успевать? Твоя задача быть поближе к Ане. Ты не только ее «жених» – уж не знаю, насколько реальный, это уже не мое дело, – но еще и защитник. Сегодня четверо пробрались в Галерею, где было полно наших. А что будет завтра?

– Поэтому мы сейчас обсуждаем все, – уже охрипнув, говорил я. – Мне не нравится текущая ситуация и нам давно пора брать все в свои руки. Посмотрите, нас давят со всех сторон. Поместье сожгли, не успел я в нем освоиться. Аню пытались опоить, как только она вернулась во дворец. Я ее туда до сих пор отпускать не хочу. У тебя убит помощник, – я ткнул пальцем в Дитера, – тебя только что вытащили из тюрьмы, Алан, тут вообще без комментариев.

– Да уж чего тут нравиться может, – присоединился к мрачному резюме фон Кляйстер. – Надежных людей очень мало. А надежных и лояльных – и того меньше. Но, друг мой, одно я тебе точно скажу – как только мы разберемся с этим проклятым шантажистом, я полностью в твоём распоряжении.

– Спасибо, – улыбнулся я.

– И я тоже, – добавил Алан.

– Мне показалось, или ты только говорил, что ты далеко от политики? – заметила Виктория. – По-моему, у тебя все получилось очень неплохо. Но сейчас нам действительно пора. Было очень интересно и, как ни странно, полезно. Этого я от тебя не ожидала.

– Рад помочь, – кивнул я и проводил их с Павлом до дверей. Там они задержались на несколько секунд:

– На всякий случай людей вокруг мы добавим. Незаметных, – пообещала Виктория. – Для общего спокойствия. А вообще мое мнение осталось неизменным: не надо лезть во все подряд. Будь с принцессой. Если что-то выяснил – скажи нам, мы разберемся.

– Не могу сидеть ровно, – я развел руками.

Виктория закатила глаза, и они с Павлом вышли, а затем направились в разные стороны. Я же вернулся в гостиную.

– Господа, думаю, что вам лучше остаться здесь, – обратился я к гостям с нотками легкого пафоса.

– Друг мой, собрание кончилось. Можно попроще, – заметил Дитер.

– Располагайтесь, – я показал на гостиную, ничуть не смутившись. – Попроще, как ты и просил, – а затем прошел в комнату и сел рядом с остальными: – Я очень рад, что мы нашли общий язык. Завтра все получится.

Затем я по очереди пожал руки Дитеру и Алану, оставив их обсуждать те дела, о которых не стоило говорить при всех, а сам обнял Аню и отправился с ней наверх. Девушка молчала, и я заговорил первый:

– Знаю, ты расстроена, но я не могу иначе.

– Почему? – ее лицо было серьезным, а карие глаза буквально сверлили меня насквозь. – Ты настолько уверен, что без тебя не обойдется ни одно дело? Ни Дитер, ни Павел, ни кто-то другой не смогут без тебя справиться? И сейчас ты так красноречиво молчишь, хотя внизу неожиданно много разговаривал. Почему ты молчишь? – уже громче произнесла девушка.

– Прогоняю дурные шутки из головы, – откликнулся я, стараясь, чтобы мои слова не звучали язвительно. – Ань, поверь, все будет хорошо. Просто сейчас кажется, что много проблем. А знаешь почему? – раз уж она вспомнила про мое красноречие, то я использовать его и дальше.

– И почему же? – слегка смягчилась девушка.

– Потому что до этого вечера все мы были как мухи. Каждый сам по себе, – я подошел ближе, обнял ее за плечи и повел рукой, показывая на угол. – И каждый попал в паутину чужого влияния. Но сейчас мы начинаем плести новую паутину. Свою собственную. И больше мы не мухи, а... – я резко остановился, потому что Аня громко зевнула. – Что, очень скучно звучит, да?

– Не тренируй свои навыки на мне, ужасно в сон клонит, – пробормотала принцесса. – Мне моя няня таких сказок на ночь не читала, чтобы я за две минуты спать захотела.

Она положила голову мне на плечо и притворно засопела. Я осторожно поднял ее и положил в кровать, а потом прикрыл одеялом. И лег сам.

Аня тут же перекинула руку через меня, подтянулась поближе и прижалась:

– Только будь завтра осторожнее, – сказала она, поцеловала меня и через секунду уже мирно посапывала рядом.

Глава 17. Маленькие фокусы

– В этом вашем «Кролик» настолько плохая еда? – полюбопытствовал Алан, уплетая бутерброды, хотя вчера перед сном я слышал, как он нагло хозяйничал на кухне.

– Вряд ли нам позволяет поесть, – глухо отозвался Дитер. В отличие от нас к еде он и вовсе не прикоснулся, только лишь смотрел на нее, как зачарованный.

– Анна-Мария к нам не присоединится?

– Пусть спит, – ответил я. – Так она хотя бы не переживает.

Сыщик посмеялся, закончил с едой, и мы покинули дом. Алан пошел пешком – «Румяный Кролик» оказался всего лишь в паре километров от нас. И пока никто не разыскивал беглеца, он решил воспользоваться возможностью подышать свежим воздухом.

– Да ты ловкач, – произнес Дитер, когда мы сели в автомобиль. – Машину новую купил, нашего друга вытащил. Я даже не знаю, чему удивляться больше.

– Транспорт здесь стоит не так дорого, – прокомментировал я.

– С твоими финансами – совсем недорого. И сколько ты отдал за нее, позволь спросить? – Дитер провел ладонью по отполированной деревянной панели, зажатой между металлическими вставками, а затем потер значок вставшей на дыбы лошади.

– Сорок тысяч. Но за такие деньги мне бы хотелось, чтобы машина летала. Все же, когда-нибудь дороги покроют бетоном и тогда... – я махнул рукой вперед.

– Такие наверняка есть в твоем мире.

– Есть, только итальянские.

– Итальянские, хм? – немец чуть покривил лицо. – Не то чтобы я их недолюбливал, этих итальянцев, но слишком уж они самостоятельные. Вина у них неплохие еще.

Я завел двигатель и тот приятно заурчал. Все эти разговоры я уже слышал. И про транспорт, и про вина. Дитер был моим другом, но тратить время на повторение пройденного не хотелось.

– А ты не хочешь заскочить к Коняеву и поговорить с ним перед тем, как мы отправимся в булочную? – поинтересовался я и пока Дитер думал, открыл бардачок, вытащил оттуда «шершень» и спрятал в карман вчерашнего пиджака.

– Нет, не хочу портить настроение спорами с этой ослиной задницей. Интересная игрушка, – заметил он, когда я убирал небольшой цилиндр в карман. – А второго такого у тебя нет случайно?

– Извини, второго нет.

Эту вещичку я припрятал сразу же, как только оформил себе новый автомобиль. Это лучше, чем перцовый баллончик – тем более таких здесь не водилось. А «шершень» на коротких дистанциях имел куда большую эффективность.

– Жаль. И ты уже без трости, – произнес он как бы между делом.

– Да, без.

– Обезболивающие порошки?

– Между прочим, очень помогают, – ответил я.

– Будь с ними поаккуратнее. Говорят, к ним и привыкнуть недолго. Знаю нескольких человек, которые не смогли оторваться и в результате их лечили.

– Ты еще скажи, что у вас здесь можно свободно покупать и героин с кокаином?

– Нет, свободно нельзя. Исключительно по рецепту, – ответил Дитер строго. – Видишь ли, последствия бывают разные, поэтому временами всплывают идеи запретить все это. Но пока до полных запретов дело не дошло, хотя ограничений и так достаточно.

– Говорят, что и кофе наркотик, – ответил я. – И сахар.

– Правда? – удивился ростовщик. – Не слышал о таком. Но если так, то, пожалуй, пора переходить на еду попроще. Интересно только, к чему были такие высказывания?

– Это сложно объяснить, должно быть, – отозвался я, аккуратно лавируя между людьми и экипажами на выезде из Дворцового района. – Но у нас все сводится к деньгам. Кому-то их не хватает: людям, компаниям, государствам. Похоже, ты сильно переживаешь?

– Я? Немного, – признался Дитер. – И зря забиваю тебе голову ненужной болтовней.

– На это и болтовня. Просто разговор, не для получения информации, а чтобы отвлечься. Если бы ты действительно захотел серьезных бесед на экономические и политические темы, то тебе лучше было бы поговорить с Подбельским.

– А, тот профессор! Помню. Не заходил проведать старика?

– Как-то времени не было, – я пожал плечами. И при этом расстроился – да, к нему действительно стоило заглянуть. – Может, после того как разберемся с твоим шантажистом, я заеду.

– Я не уговариваю тебя сделать это, Максим. И отлично понимаю, что ты взял на себя слишком многое. Я про вчерашний перечень. У тебя слишком резкий старт. Слишком быстрый. И ты еще молод, – добавил Дитер. – А в твоём возрасте не хочется останавливаться. Но в некоторые моменты, хочешь ты того или нет, стоит взять паузу. Иначе – сторишь.

– За совет спасибо, конечно, но я надеюсь, что все наши злоключения кончатся быстро. Как и переломы с синяками, – улыбнулся я.

– Только и остается, – мрачно произнес немец. – Мы уже рядом с местом. «Румяный кролик» должен находиться в конце улицы. И мы слишком рано, – он постучал пальцами по панели, а потом заботливо протер ее.

– Не нервничай, прошу тебя! – я припарковал автомобиль в нескольких сотнях метров от булочной. – Посидим в машине несколько минут, потом пройдемся – и все будет как надо.

А сам я уже осматривал улицу, потому что искал глазами помощь от Третьего. Это сложно: люди наверняка слились с толпой, либо сидят по съемным, только что арендованным квартирам. И их, конечно же, совсем немного, иначе будет смотреться очень странно, что к конкретному району вдруг вырос интерес ровно на один-два дня.

«Румяный кролик» расположился в месте очень живописном. Здесь было на что посмотреть. И пока такая возможность у меня имелась, я глядел через лобовое стекло на невысокие здания, широкие тротуары, пышущие осенними красками деревья, подстриженные аккуратно и заботливо.

Вероятно, поддержание городского облика от фасадов зданий до газонов и растительности было четко прописано в экономической модели столицы. И на этом здесь не сэкономили.

Когда я устоялся на противоположную сторону улицы, изучая перепады высоты и уникальный контур, который они создавали, Дитер стукнул меня по ладони.

– Рано еще, не спеши, – лениво отозвался я, но тут же получил еще один тычок: – Что такое?

– Смотри, там Коняев!

– Где? – я тут же повернулся в противоположную сторону, но среди пешеходов не заметил никого выдающегося.

– Да вон же, впереди. Светлый плащ, шляпа! – немец уже собрался было выйти из машины, но я удержал его:

– Уверен, что это он?

– Полностью, фройнде, абсолютно! – и он снова попытался выйти.

– Сиди, не нужно.

– Нет, я выйду, раз он здесь...

– Дитер! – почти крикнул я. – Это может быть просто совпадение! – повторил я вчерашние слова Виктории.

– Не может это быть совпадением! Я должен с ним поговорить.

– Тем более не должен, – вырвалось у меня.

– Почему? – немец притих и перестал вырываться.

– Потому что, если он здесь не просто так и идет в ту же самую булочную, значит, его там тоже ждут, верно?

– Да, и?

– А если его ждут, и он не придет, тогда вопросы будут прежде всего к тебе. Поэтому не трогай дерьмо, пока не воняет. У нас еще пять минут, и мы тоже пойдем.

По лицу Дитера было понятно, что он все равно готов сорваться и броситься следом за начальником портовой полиции. У меня же зрел в голове другой план. Если это и правда не совпадение и Коняев не просто так гуляет по улицам в поисках свежей булочки, то эту продажную шкуру очень легко вернуть на путь истинный. И это мне в свое время подсказал сам Дитер.

Поэтому я вернулся к разглядыванию людей и зданий. И только сейчас заметил, что в городе нет беспризорных псов. Кошек можно и пропустить – небольшие животные в такой толпе легко затеряются. Но вот собаки...

– Время вышло, – снова толкнул меня немец. – Пора.

Я ничего не ответил и вышел на улицу, поднял воротник у пальто, поправил перчатки и направился в сторону «Румяного кролика».

Булочная выделялась фасадом цвета спелого хлеба – остальные дома были выкрашены в разные оттенки, от бледно-желтого до насыщенного оранжевого. А вот небольшое угловое

здание, украшенное массивной вывеской с выпечкой в виде кролика, явно выделялось на фоне остальных.

Отсюда я еще раз посмотрел вокруг. Рядом – самый обычный перекресток, жилые дома, балконы и окна. Точек обзора – полно. Но окна булочной тоже самые обычные. Нет огромных стеклянных витрин, через которые с любой стороны открывался бы отличный обзор.

Дитер тоже медлил, но он, в отличие от меня, просто стоял. Теперь он уже не нервничал, а был напуган. В первый раз я видел его таким.

– Решился? – спросил я ростовщика, и тот кивнул.

В булочной было тепло, пахло ванилью, кофе. Какая-то приторность витала в воздухе, словно он был липким. Я повесил пальто на вешалку у входа, то же самое сделал и Дитер. Из-за стойки нам улыбались работники.

Часть столиков занимала публика. Негромкие беседы, звон посуды и характерный звук скребящего по тарелке ножа – приятный фоновый шум не мог сгладить ощущения, что здесь все не так, как я представляю.

– Он здесь! – шепнул мне Дитер и показал на светлый плащ под шляпой на вешалке. – Я же говорил!

– Давай его найдем и поговорим с ним, – предложил я. – Хотя наверняка ты найдешь его вместе с шантажистом.

– Вон он, – Дитер махнул рукой в сторону столика ближе к середине зала.

Сама булочная, кажется, была местом очень популярным. В отличие от привычных мне кофеен, где было максимум пятнадцать-двадцать сидячих мест, здесь имелся полноценный зал. Не роскошный и не огромный, а сохраняющий уют, но при этом достаточно вместительный.

– Модест Никодимыч, – тихо поприветствовал его Дитер. – Какая неожиданная встреча!

– Вот уж действительно, неожиданная, – полицейский посмотрел на меня. – А что он здесь делает?

– Не знаю даже, – я присел, положив руки на стол. – Быть может, меня попросили помочь? Или я сам вызвался? Или решил узнать, что начальник полицейского участка забыл в месте, расположенном за пару районов от места его службы?

– Здесь очень вкусные булочки, – ответил Коняев, шумно хлебнув кофе.

– Может быть, и нам попробовать? – предложил я Дитеру, и пока полицейский растерянно смотрел то на меня, то на немца, мы сделали заказ. – Нам ведь предстоит кого-то ждать?

– Ждать? – переспросил Модест Никодимыч.

– Да что же вы притворяетесь, – с напускной мягкостью произнес я, осматриваясь по сторонам – возле окна сидел Алан и едва заметно кивнул мне. – Нам назначена здесь встреча. По ожиданиям – должна прийти пренеприятнейшая личность, которая жаждет запустить руки в чужие дела. Но вы, вероятно, знаете, о ком идет речь? Пройти пешком такое расстояние, чтобы просто поесть булочек? Извините, не верю.

– А я люблю ходить пешком, – в том же тоне ответил Коняев.

– Правда? – я окинул взглядом его широкую фигуру. Классический начальник полиции. Если не карикатурный. – Не слишком-то заметно.

– Послушайте, молодой человек! Если вы пришли сюда, чтобы меня оскорблять, то попрошу вас! Можете и отправиться в одно известное место!

– А может быть, не суждено мне отправиться ни одно из таких мест, о которых вы говорите, Модест Никодимыч? – я приподнял брови. Передо мной поставили на тонком блюде плюшку, щедро посыпанную сахарной пудрой, а рядом – чашку с кофе. – Когда я с вами познакомился, вы мне показались человеком деловым. Но сейчас мне приходится с огромным сожалением менять свое мнение о вас.

– Дитер, твой юнец ведет себя слишком нахально, тебе не кажется? – спросил он у ростовщика.

– Не знаю, друг мой, – с нажимом ответил немец, видимо, меня свой настрой от моей активности. – Я смотрю на часы и вижу, что от положенного мне времени прошло уже пять минут. Но никого здесь не вижу, кроме тебя. Поэтому предполагаю, что мой «юнец» скорее прав, чем нахальничает попусту.

– И ты туда же! – буркнул полицейский, но не очень-то возмущенно. Он еще раз шумно отпил кофе и поставил чашку на стол. – Ладно. Ладно! – пробасил Коняев. – Меня попросили прийти.

– Просто прийти? – уточнил немец. Теперь я решил не вмешиваться.

– Не совсем, – он покосился на меня, а я ответил:

– Нахальный юнец обещает помалкивать.

– Дитер, – начал полицейский и запнулся. – Видишь ли...

– Вижу. Ты всегда так говоришь, когда дела плохи или когда требуешь больше денег. Так же ты говорил, когда я попросил тебя разузнать про взорванный автомобиль. Тебя кто-то перекупил? Кто-то хочет выжать меня из моего района?

– В догадливости тебе не откажешь, – Коняев поднял чашку, держа ее обеими ладонями.

– Это не догадливость, все как на ладони, – процедил Дитер. – Скажи мне, кто писал эти записки, и кто прирезал Карла? Ты должен знать.

– Знаю, – полицейский даже не стал отрицать. – Знаю, но, прости, не могу тебе сказать. Я не в том положении. К тому же, ты со свидетелем.

– А я думал, что насчет меня тоже есть какие-нибудь распоряжения, – произнес я. – Разве нет?

– Тебя? – Коняев нахмурился. – Нет.

– Странно, – продолжил я. – Потому что, знаешь ли, по тому же вопросу, как и к Дитеру, ко мне вчера прицепился один тип. Предлагал проехать с ним. Но я отказался. Мало ли извращенцы тут какие водятся. И я вот что подумал – может быть, тот же тип попросил тебя сегодня прийти сюда?

– Тише, – произнес полицейский одними губами, чуть опустив чашку. – Тише, за мной наверняка следят.

– Нам стоит принять вид более испуганный? – я откусил булочку, оценив ее необычно приятный вкус. – Слушай, может и правда заглядывать сюда почаще?

– Просто не паясничай

– Так расскажи нам все, что тебе известно, Модест, – попросил Дитер. – Даже если тебе заплатили, это не повод так легко забывать старых друзей.

– Узнаю тебя, – хмыкнул полицейский. – Как только тебя зажимают в угол, ты сразу начинаешь скулить.

– Я был готов тебя простить, – лицо немца стало каменным, – ровно до этих слов.

– Хватит, – полицейский расслабился, – одни только слова. Хватит! Сейчас пойдете со мной, а потом...

– Мы не пойдём с тобой, – перебил я Коняева. – До тех пор, пока ты не расскажешь нам все, что знаешь.

– С чего бы мне рассказывать? Да еще и тебе?

Мы с Дитером переглянулись и поняли друг друга без слов. Коняев перестал быть человеком ростовщика и обратной дороги в теплое гнездышко ему больше не было.

– Потому что я даю тебе выбор, – медленно проговорил я, стараясь, чтобы до начальника портовой полиции дошло каждое слово. – Ты можешь сделать так, как просят тебя: привести нас и сдать заказчику. Вероятно, мы закончим, как граф Апраксин.

– Не знаю про графа ничего, – тут же отозвался Коняев.

– Даже если нет – всего одно слово может закончить твою карьеру и лишит тебя твоей пенсии. В лучшем случае. А в худшем – небольшое политическое дело обеспечит тебя тесной камерой до конца твоих дней.

– П-политическое? – недоверчиво спросил Коняев и я понял, что попал в десятку.

– Ты же знаешь, кто я. Простые люди дополнительные паспорта не просят, – добил я его окончательно. – Мне продолжать? Или ты и сам понимаешь, что как только мы выйдем отсюда не по своей воле, с тобой сразу же будет покончено?

Коняев долго молчал. Он думал, а мы с Дитером его не перебивали. Я злорадствовал – по-другому никак не скажешь. Ситуация резко переменилась из-за буквально пары слов. И вот уже полицейского не беспокоят люди в булочной, которые за ним следят.

– Откуда мне знать, что ты не болтаешь эту ерунду просто для того, чтобы меня запугать?

– Ниоткуда. Но ты не веришь и тому человеку, что тебя перекупил? Не отрицай, тебе заплатили.

– Не верю.

– И тебе никто не дал гарантий, что ты выйдешь сухим из воды, даже если все сделаешь так, как надо? – продолжил я. – С нашей стороны официальных претензий не будет.

– Ты закончишь дело с моей машиной и найдешь убийцу Карла, – злобно проговорил Дитер, не отрываясь от Коняева. – И спокойно доработаешь свои годы на этом посту. Может быть, формально. Сохранив лицо, раз тебе это так важно.

– Не слишком убедительно, – покачал головой Коняев, но я чувствовал, что он ломается и уже близок к тому, чтобы переметнуться в очередной раз:

– Доказательство раз, – я раскрыл паспорт так, чтобы он четко видел, что перед ним сидит барон, а не какая-то мелкая сошка.

– Что это за фокусы? – побелел он.

– Так, мелочи, маленькие фокусы, – я убрал документ, осмотрелся по сторонам и положил на стол, прикрыв ладонью, «шершень». – А это маленький фокус два, если первый тебя не убедил.

Когда Коняев в очередной раз взялся за кофе, его рука дрожала. Усы он перепачкал остатками пудры со своей булочки. Зато фон Кляйстер на его фоне смотрелся в сотню раз увереннее. От утреннего нервоза не осталось и следа.

– Уговорили, – Коняев взял тканую салфетку и старательно вытер лицо, на котором уже проступил пот. – Идемте.

– Нет уж, – сказал Дитер. – Сперва ты нам расскажешь все.

Глава 18. Дружеское прощание

Коняев неловко поерзал на мягком, обитом плотной тканью, стуле. Пустая чашка из-под кофе одиноко стояла перед начальником портовой полиции. Он несколько раз посмотрел в сторону людей, что сидели через столик от нас.

Я обратил внимание, что там – трое мужчин. На столике почти нетронутая еда, все трое молчат, перекидываясь едва ли словом, тогда как все остальные болтают без умолку. Их можно оставить здесь, но как их задержать? Да еще всех троих.

Хорошо, что Дитер решил узнать все, что можно. Есть время подумать. Алан в это время спокойно беседовал с официанткой, а я заметил, что с его столика, пожалуй, лучший вид на весь зал. Удачный выбор или он точно знал, что делать.

– Думаю, те трое нас не слышат, – негромко заметил я подвижки Коняева. – Но я понял, что ты хотел сказать. Опиши того, кто сделал тебе «заказ». Лысый, но не очень старый?

– По делу и покороче, – потребовал Дитер, и Коняев был вынужден подчиниться, но все еще боязливо косился на столик с тремя мужчинами.

– Вы правы, господин барон, – он внезапно обратился ко мне. – И очень точно его описали. Он приходил сперва пару недель назад, потом на прошлой неделе и позавчера тоже был. Обещал зайти сегодня снова.

– А он не боится, что ты его обманешь? – спросил я. – Раз намеревается прийти к тебе в участок.

– Нет, он столько заплатил! – Коняев заговорил еще тише, – сказал, чтобы не перекупили обратно.

– Скажи-ка, за сколько же ты продал наше хорошее прошлое? – прошипел Дитер.

– Дал сто пятьдесят. Обещал еще двести после того, как отдам вас.

– Не тридцать серебряников, – немец теперь выглядел возмущенным донельзя, – но все равно ты слишком легко продался, Коняев. – И ты должен привести нас в управление, чтобы передать ему?

– Только тебя, – уткнулся в чашку полицейский. Румянец стыда на щеках он скрыть и не пытался.

– Странно это все, – я повел плечами и посмотрел на Дитера так, чтобы в область зрения попал еще и соседний столик. За ним, кажется, уже начали нервничать. – Получается, что они еще не знают, что ты не имеешь отношения к деньгам? Зачем это все? Или просто не успели предупредить?

– Он очень осторожен, проходил мельком, – тут же сообщил Коняев. – Даже не заходил, кроме самого первого раза. Но вел себя очень важно.

– А ты нас не вздумал ли дурить? – немец прищурился. – Слишком многое тут не сходится и как-то топорно очень. И как ты должен доставить меня туда? Заковать прямо здесь?

– Нет, конечно. Все должно быть тихо. В безлюдном месте.

– Класс, – вырвалось у меня. – Прийти в людное, потом уведут в тихое. Предлагаю не ждать, а то твои друзья уже всю нервничают.

Прямо в кармане я снял предохранитель, повернув стопорное кольцо на «шершне». Коняев рассчитался за всех троих. Нечего жадничать, когда за такие деньги продаешь почти что друга.

Заметив, что мы начали собираться, троица за соседним столиком также пришла в движение. Мы уже шли к вешалке, а они, бедные, старались привлечь внимание исключительно официанта, чтобы произвести расчет. И при этом не бросаться в глаза остальным.

Самое забавное оказалось в том, что именно с ними официантка, добродушная женщина в возрасте, решила поговорить. Я уже надевал пальто, когда услышал, как она расспрашивает их о том, почему они практически ничего не съели.

Мы нарочно не спешили. Мимо прошел Алан и спросил, все в порядке. Договорились, что он выйдет после троицы. Поэтому он мастерски отвлек официантку и позволил тем выйти за нами.

Они держались на небольшом расстоянии от нас и шли неплотной группой. Коняев шел впереди, чуть поодаль двигался Дитер, а я в паре шагов от них двигался, сжимая в кармане «шершень».

По улице туда-сюда сновали люди и не было ни одного переулочка достаточно темного и безлюдного, чтобы хитрость и коварство с одной стороны схлестнулись с благими силами сопротивления с другой. То есть, с нами.

Я шел, не оборачиваясь до тех пор, пока мы не ушли в узкий, едва ли больше полутора метров шириной, проход между домами. Дальше начинался двор, отгороженный высокими воротами.

– Простите, господа, – громко произнес Коняев. – Но так было надо.

«Шершень» я вытащил мгновенно, когда встал вполоборота левым плечом к троице, которая нас преследовала. Теперь они встали плотно, полностью перекрыв нам проход. К тому же мы расположились довольно далеко от оживленной улицы.

– Второй нам не нужен, – произнес один, и я тут же вскинул руку, нажав на кнопку.

Оружие коротко прогудело и выпустило смертоносный шарик. Десять метров до цели – промахнуться очень сложно, даже из «шершня». Снаряд просвистел в воздухе и угодил в рот тому, что стоял посередине.

Щелкнул сломанный зуб, но то была меньшая из бед. Шарик вошел глубоко, пробив мягкие ткани. Мужчина сперва приложил ладонь к губам, тогда как я выбирал себе вторую мишень, потом начал кашлять, забрызгав кровью своего соседа справа, принялся одновременно с этим пытаться вдохнуть, но безуспешно.

К этому времени следующий мой выстрел прошел вскользь по лицу левого – глубокая царапина моментально закровила, превратив раненого в настоящее чудовище. «Шершень» накапливал заряд для третьего выстрела, а ошарашенный, оплеванный и испуганный преследователь даже шагу не мог ступить, потому что тот, что был с простреленным ртом, вцепился ему в ногу и уже бился в конвульсиях.

Внезапно он развернулся и упал – то Алан схватил его за плечо, и, как только мужчина подставил скулу, хорошенько ему врезал. Теперь на ногах оставался только третий, с окровавленным лицом. «Шершень» уже накопил заряд – я чуть опустил руку и выстрелил тому в низ живота.

Я не ставил целью убивать кого-либо. Если первым выстрелом я намеревался попасть в плечо, то последним – обездвижить противника. В результате из троих один был оглушен, второй захлебнулся кровью, а третий медленно сползал по стене с лицом, перекошенным от боли.

Алан подошел к нам:

– Все в порядке?

– Думаю, теперь в порядке, – ответил я. Коняев кивнул:

– Я нарочно сказал, чтобы на меня не подумали.

– Чем я еще могу вам сейчас помочь? – спросил сыщик.

– Как дела у Элен, кстати? – я задал вопрос Дитеру, и он тут же ответил:

– Восстанавливается у себя дома.

– Дай Алану адрес, пусть он проведает ее. Не хочу, чтобы девушка пострадала.

Бахнул выстрел – сильно побледневший третий держал в слабеющей руке дымящийся пистолет. Он целился в нас – скорее всего, в меня, но промахнулся, не попав даже в шикарно украшенные ковкой металлические ворота.

И хотя он явно доживал последние минуты, этот его поступок вызвал во мне целую бурю. Я взмахнул рукой, целясь в голову:

– Авада кедавра, мать твою, – и добил стрелка шариком в висок.

Потом поставил «шершень» на предохранитель и убрал оружие в карман. Дитер и Алан смотрели на это во все глаза, Коняев же облегченно вздыхал – убрали последнего свидетеля.

– Я еду к Элен, – тут же отрапортовал Алан и поспешил убраться из переулка.

– Нам тоже пора, – поторопил я остальных.

Как оказалось, автомобиль стоял припаркованный практически рядом с этим переулком. Поэтому меньше, чем за минуту мы добрались до него и сели. Сиденье пришлось сложить, чтобы усадить Коняева сзади.

– Кстати, ты понимаешь, как тебе сегодня повезло, фройнде? – Дитер оценил нашу раскладку. – Ведь те трое могли напасть на тебя со спины.

– Могли, потому что считали, что я не нужен, но стали бы они делать это на виду у всех? Нам и так странностей хватает, так чтобы еще и на людей посреди улицы бросались?

– Ты прав, что ж, спорить не буду. А что за странные слова?

– Какие слова? – я медленно вырулил на проезжую часть и со скоростью черепахи двинулся в сторону Портового района. – А, эти. Из одной хорошей сказки, про мальчика-волшебника. Просто «шершень» очень смахивает на волшебную палочку, вот и пришло в голову. Так что они в действительности ничего не значат.

Я не стал вдаваться в подробности, потому что мы вышли на финишную прямую в вопросе шантажа Дитера. И лишние истории сейчас оказались бы совсем некстати.

– А что, если этот тип ждет звонка от троички? – предположил ростовщик.

– Звонок – это лишний след, – я тут же отмел эту версию. – В связях он осторожен, но, думаю, что после вчерашнего случившегося в Галерее...

– Простите, – подал голос Коняев с заднего сиденья, – вы сейчас говорите про Центральную Галерею?

– Что, про нее уже в газетах написали?

– Про стрельбу и пару трупов, про детей Волкова. Вы же знаете Волкова из Казначейства?

– Слышал о нем. Но лично не встречался. Надеюсь, что к счастью.

Дитер хмыкнул. Он явно понимал эти тонкости семейных отношений.

– Как мне лучше поступить, когда мы приедем? – спросил Коняев.

– А как бы вы поступили, если бы пришлось привести одного только Дитера?

– Завел его, закованного в наручники.

– Хорошо, а те трое тогда просто следили бы за ним?

– Да.

– Тогда вы должны зайти первым, убедиться в том, что кроме того человека, Алекса, большего никого нет. Ваши люди не в счет, – план я начал составлять на ходу. Отвлекаться от движения на скорости двадцать километров в час было совсем нетрудно. – Если никого нет, тогда я захожу, и мы все вместе берем его.

– А если будет кто-то еще?

– Поставлю вопрос иначе – раньше с ним кто-то приходил?

– Нет. Но теперь он ждет Дитера!

– Послушайте, Модест, – я заговорил так, словно собрался поучать его. Так, что мне самому не понравилось, как я говорил. – Этот человек чрезвычайно самовлюбленный. Так мне показалось – а встречался я с ним уже не раз. Он не приведет людей туда, где посчитает, что легко справится сам. Он купил вас, и вы теперь должны быть его помощником.

– Вероятно, – растерянно подхватил он.

– Но не будете. Как и ваши люди. Алекс не может приказывать им прямо?

– Есть особые случаи, но не думаю, что хотя бы один относится к его случаю.

– Вот и отлично. Сделаем так, что самовлюбленность его и погубит.

– Я разорву его своими руками! – прорычал ростовщик. – За Карла!

– Тише, Дитер, тише. Вот уж не думал, что мне придется тебя успокаивать. Эта личность нужна нам живой. Передадим его Павлу, я полагаю, что его люди за нами до сих пор присматривают.

– Пообещайте только, что свое слово сдержите, – взмолился Коняев.

– Сдержишь? – спросил меня Дитер, потому что молчал я очень долго.

Но я не собирался мучить начальника полиции долгими ответами, а лишь задумался над тем, насколько далеко это все зашло. Афера графа Апраксина потянула за собой наем Алекса для поиска денег. Если этим занимается Волков, который из Казначейства, то он знает лишь о деньгах. А сам Алекс работал еще и над делом с принцессой. И остается связующим звеном.

– Сдержу, – ответил я. – Дворянин я или нет.

Маленькая хитрость, казалось бы, потому что настоящим дворянином я не был. Но честность в обещаниях даже такому подлому человеку, как Коняев, я считал, должна быть. И не собирался его обманывать.

– Спасибо, – от души принялся благодарить начальник портовой полиции, – это ведь был бы такой скандал, окажись я запутан в такой истории!

– Все еще в твоих руках. Не позволяй никому из своих людей помогать Алексу. Ты – на нашей стороне, целиком и полностью.

– Да-да, конечно, разумеется, – затараторил Коняев, обрадованный тем, что выпутался из этой истории так легко.

Я оставил машину поближе ко входу в участок. Не было нужды прятаться. И ничего страшного в том, что начальник полиции привез подозреваемого или арестованного – я не очень разбирался в статусе Дитера фон Кляйстера – на гражданском автомобиле. К тому же, не на своем.

Коняев надел наручники на ростовщика, но не стал затягивать их слишком сильно, как бы продолжая извиняться за свои фокусы.

– Не жмет? – спросил он Дитера.

– Свалятся сейчас, – мрачно ответил немец. – Веди уже.

Начальник взял его за плечо и повел вперед. У дверей участка никого не было, так что Коняев распахнул двойные двери, и мы втроем вошли в тамбур. Затем он заглянул в участок:

– Там никого, – прошептал он мне, открыл дверь шире и протолкнул внутрь Дитера.

– О, шеф, – раздался голос одного из полицейских. – Вас ждут в кабинете. Лысый тип.

– Один? – спросил Коняев.

– Да. За что же вы...

– Потом, все потом, – перебил подчиненного Модест Никодимыч. – Сперва дела.

Но «дела» вышли из кабинета самостоятельно, едва заслышав голоса. Алекс избавился от парика и выглядел куда достойнее, поэтому я ничуть не удивился, когда увидел, как простые полицейские смотрят на него едва ли не с благоговением.

– Привет, клоун, – сходу выдал я. – Парик снял, приоделся нормально. Вот пришел бы такой вчера в Галерею, может и по-другому у нас разговор вышел.

– Ты, – только и ответил бритоголовый.

– Да, я. Ты проникателен, как всегда.

– А ты наивный, – ответил Алекс и кивнул головой. – Раз решил, что я здесь один.

Тут же из-за столов поднялись двое рослых парней в полицейской форме и направились в нашу сторону.

– Господа офицеры, – прогремел голос Коняева. – Я сомневаюсь, что есть хотя бы одна причина, по которой вы должны слушаться этого человека! – парочка тут же встала на месте. – Поэтому рекомендую вам вернуться на свои рабочие места.

Полицейские переглянулись, потом посмотрели на Алекса и продолжили двигаться к нам. Я уже сунул руку в карман, чтобы в случае необходимости пристрелить одного, но Коняев включил дипломата:

– Богомазов и Уткин! Я вас заставлю патрулировать склады ночью, а если сделаете еще хоть шаг, уволю нахрен! – заорал он так, что впору бы штукатурке посыпаться.

Талантливый начальник знает слабые места своего коллектива, решил я. И точно, оба, разозленные, вернулись на свои места. Алекс в это время, не выражая никаких эмоций, стоял на месте.

– Может быть, Коняев, ты еще меня решишь арестовать? – спросил он.

– Я сделаю это вместо него, – я шагнул вперед. – У меня для этого есть особые привилегии. И, не поверишь, полномочия, – сняв пальто и пиджак, я положил это на ближайший

стол: – Приберегите это пару минут, я потом заберу, – обратился я к сидящему за этим столом полицейскому.

– Тебе все-таки было мало, – по лицу Алекса расплылась ухмылка.

– Нет, я извлек кое-какие уроки, – ответил я и, закатав рукава, встал в стойку.

– Модест Никодимыч, простите, они что, правда будут драться в участке? – спросили Коняева.

– Вы что, не слышали? У человека полномочия! – прогремел тот.

– А полномочий освободить меня у тебя нет? – услышал я голос Дитера.

Что ответил ему Модест Никодимыч, уже не донеслось до моих ушей. Я осознавал всю дикость происходящего, потому что драка в полицейском участке, пусть и в Портовом районе – нонсенс. Немудрено, что все отделение смотрело на это, как на шоу.

– Мстить будешь? – ехидно спросил Алекс.

– Нет, конечно. Это деловой подход, – ответил я, подумав, что краткость очень к месту.

Так оно и было, потому что едва я закончил говорить, а бритоголовый уже как волчок вертелся перед моим лицом. Я присел, уходя от удара ногой. Растяжка у него была получше, чем у некоторых балерин.

Но мои травмы уже не доставляли мне хлопот. Впереди еще один визит Игоря, который наверняка отругает меня за такие фокусы, но выбора у меня уже не было.

Начав атаковать ногами, Алекс и не думал менять тактику, поэтому я вновь отскочил назад, а затем забрался на стол, спихнув в лицо противнику стопку бумаг.

– Модест Никодимыч! – женский голос звучал куда требовательнее всех остальных. – Прекратите это безобразие! Нам ведь еще здесь работать!

Алекс попытался сбить меня с ног, но я перескочил на соседний стол, проехался на бумагах и прыгнул пол. Выпрямился вовремя, чтобы заметить еще один удар и снова присел, буквально отползая в сторону.

– Господам не мешать! Это приказ!

За такое он точно своего места лишится, подумал я и резко вскочил, приближаясь к противнику, чтобы еще на замахе перехватить его ногу. Получилось так, что его правая голень взлетела до высоты моего плеча и, пока она не коснулась его, я впился пальцами Алексу под ребра и тут же отпустил.

Краткий болевой прием должен был сбить его с ритма. Освободившейся рукой я задрал его ногу еще выше и заметив его замах с левой, перекинул ее в качестве щита на другую сторону. И тут же ударил в бок, не позволяя, однако, его ноге опуститься.

Она заблокировала еще и одну его руку, а соскочить с неудобного положения он никак не мог. Правой, рабочей рукой, Алекс мог нанести сильный удар. И даже сделал это, но я опять стиснул пальцы, но уже выше, почти у него под мышкой – и моя рука с двумя точками опоры послужила отличным щитом, хотя гудела от сильного удара.

Слова о том, что я буду ему мстить, очевидно, за сломанную ногу, вдруг всплыли в мозгу. И я подумал, что стоило бы это сделать. Но перегибать палку в жестокости не рискнул.

Сбросив, наконец, его ногу, но продолжая впиваться пальцами в ребра, продавливая ногтями одежду и кожу под ней, я сделал несколько быстрых и точных ударов правой сбоку от грудины. Не смертельно, но должно нарушить сердечный ритм и еще сильнее ослабить противника.

Почти получилось, но я и сам пропустил несколько ударов по ребрам, очень чувствительных – и похоже, что тоже пострадал от сбитого сердечного ритма. Но сейчас куда важнее было удержать разъяренного противника подальше от рабочих столов – не хватало мне еще карандаша в печени.

После града ударов темп боя стал медленнее, более вялым. От позорного окончания, потому что мне бы вряд ли хватило сил добить Алекса до бессознательного состояния, меня спас Павел.

Он влетел в участок, грохнув дверьми, пронесся мимо Коняева, подбежал к нам, сцепившимся друг в друга обеими руками, и сильным захватом оторвал Алекса. Тут же его перевернул на живот, уперся коленом в поясницу и потребовал наручники у ближайшего полицейского.

Не мешкая, сцепил руки Алексу, поднялся, кивнул мне и потратил пару секунд на Дитера, все еще скованного. Затем схватил со стола рулон липкой ленты и для верности смотал руки бритоголовому от пальцев до сгиба локтя. Рулон кончился быстро, иначе Трубецкой наверняка скрутил бы ему руки до самых плеч.

И не сказал ни слова – просто поставил Алекса на ноги и вытолкнул из участка. Я усмехнулся ему вслед, вернулся к столу и забрал с него пиджак:

– Спасибо. Пальто попозже заберу, – и указал Коняеву на дверь в его кабинет.

Начальник портовой полиции спохватился, взял Дитера под локоть, и мы втроем скрылись от любопытных глаз. Ростовщик просто дрожал от бешенства, когда Коняев снимал с него наручники.

– Прости, я не мог раньше...

– Где задаток, который тебе дал этот ублюдок? – тихо и яростно выдал фон Кляйстер.

– Я сейчас... прости...

– Где. Задаток?

– Вот, – Коняев побледнел, рухнул на стул, а потом выдвинул ящик и вытащил оттуда несколько пачек ассигнаций по сто, двести и пятьсот рублей. – Все, что здесь есть.

Немец пересчитал по банковским лентам сумму и нахмурился:

– Маловато.

– Здесь больше нет, но я...

– Не надо, подавись! – с этими словами он рассовал пачки по карманам и одну отдал мне: – пусть проверят, откуда они были взяты, – после чего развернулся и отвесил смачную оплеуху Коняеву: – это наше с тобой дружеское прощание, предатель.

Мы оставили начальника портовой полиции, жалобно глядящего нам вслед, в кабинете в полном одиночестве. Когда я забирал пальто, у сотрудника был вид человека, полностью потерявшего все ориентиры в жизни: у него на глазах устроили погром в участке и спокойно уходили прочь.

Уже на улице я спросил у Дитера:

– Это было дружеское прощание? А каким было бы недружеское?

– Я бы свернул ему шею, как и подобает поступать с изменниками, – он тяжело дышал и смотрел на автомобиль, в который Павел загрузил Алекса. Теперь шпион махал нам рукой. – Знаешь, я пойду к себе. У меня много дел и... спасибо тебе, друг мой. Никому на свете я не должен так много, как тебе.

– Ловлю на слове.

Дитер лишь криво улыбнулся и пошел прочь.

Глава 19. К черту планы

– А ты уверен, что тебе стоит тренироваться? – Павел запер автомобиль, где на заднем сиденье даже не сидел, а лежал Алекс. – Мне показалось, что ты неплохо справлялся.

– Не могу сказать, что мне повезло, но все же он чертовски быстрый. Я лишь угадал один его ход и смешал все карты, – я потер саднившее плечо. – К тому же мы шли практически в неизвестность, а я хочу быть готовым ко всему.

– Нельзя быть готовым ко всему, Максим. Но твое желание потренироваться Третье отделение исполнит с особым удовольствием. Не в штабе, разумеется, – он говорил тише, потому что участок улицы рядом с полицейским подразделением.

– А что будет с этим? – в мыслях я уже представил себе оснащенный по последнему слову техники полигон, где можно будет не только руками помахать, но еще и покажут, как правильно пользоваться тем или иным оружием.

– Увезем, допросим, выпытаем все, что можно. У него достаточно провинностей. Не знаю, что сказать про Коняева. Ведь они работали вместе.

– Дитер сказал, что зла не держит.

– А ты?

– Я пообещал, что политических дел ему не пришьют, и он тихо доработает до пенсии.

– Вот это ты загнул, дружище, – присвистнул Павел. – Он вряд ли проработает еще хотя бы пару недель. Если все его подчиненные видели этот разгром, то его кто-нибудь да сдаст.

– Может быть. Но, знаешь, я вспомнил о поваре, которому не дали шансов. Его семье угрожали и убили. Этого не шантажировали – и не убьют, как я думаю. Хотя Алекс в чем-то прав, я слишком наивный в некоторых вопросах.

– Это точно, – ухмыльнулся шпион

– Сообщи все, что узнаешь, – бросил я ему напоследок. – И вот еще, – я вытащил пачку банкнот из кармана и незаметно передал ее шпиону. – Дитер уверен, что можно проверить перемещение этих денег. Проверь и это.

– Разумеется! – он взял пачку, направился к водительскому месту, махнул рукой и укатил.

Я не планировал оставаться возле участка и, следуя указателям, повел свой автомобиль в сторону Верхнеклязменской улицы. Дело шло к вечеру и толпы людей, закончив свой рабочий день, расходились по домам.

По сути, те же самые процессы я видел и у себя, в своем Владимире. Но здесь это было что-то необычное, чарующее. Как машина времени, когда ты попадаешь в другую эпоху.

Люди носили чуть отличную одежду, а некоторые профессии предпочитали передвигаться в комбинезонах, отчего выделялись группами на фоне остальных. И толпа была удивительно разнообразной в цветах. Не пестрой, нет – яркие цвета в рабочих кварталах не приветствовались вне праздничных дней. Только лишь разнообразной, живой и... человеческой.

Я уже много раз обращал внимание на то, что потоки здесь практически не разделяются: люди спокойно ходят по проезжей части, сдвигаясь в сторону, чтобы пропустить экипажи и транспорт. Но торопятся, когда видят, что мешают другим.

И в то же время ни экипажи, ни автомобили не создают агрессивный городской шум и не мчатся по обычным улицам. Конные экипажи здесь – неспешное средство передвижения. К тому же, не самое дешевое, но и не такое дорогое, как личный и уж тем более арендованный автомобиль.

На последних очень удобно мчаться по магистралям – широким многополосным улицам, которые образуют сетку сквозных дорог. Иначе перемещаться по городу, не спускаясь под землю, становится слишком долго. Но на обычных улицах они практически не имеют привилегий.

Зато водители не страдают от пробок. И это тоже большой плюс. Словом, на пути к дому профессора Подбельского, я размышлял довольно много, любясь видами Владимира, мне до сих пор непривычного.

А еще мне было стыдно. Профессор, случайно попавший в мой мир следом за принцессой Анной-Марией, приложил массу усилий, чтобы вытащить ее из беды. И не забыл отблагодарить меня материально, хотя не должен был.

Своими действиями, подготовкой и рассуждениями он мне казался похожим на небезызвестного игрока «Что? Где? Когда?» в его вечной жилетке. Словом, занятный старик.

Я точно помнил его адрес, поэтому без труда нашел нужный мне дом. Поднялся по лестнице до нужного этажа. Интересно, будет ли профессор рад меня видеть? Читает ли газеты и догадывается, что в них пишут про меня?

Вряд ли, на самом деле, ведь я же не его студент, а простой, да еще и посторонний ему человек. Пару недель он нам помогал и то, быть может, ради того, чтобы его не обвинили в похищении Анны. А ведь так вполне все можно было представить: ее он уговорил, а сам – злостный похититель.

Ни за что бы не поверил, что этот добрый и по-отечески строгий дядька может оказаться таким. Да и никто бы не поверил.

Я постучал в дверь его квартиры и потоптался у порога. Нажал звонок несколько раз. В глубинах его квартиры многократно ударил крохотный молоточек по резонатору и стих. Старик мог и спать, впрочем. Поэтому я несколько минут постоял, нажал на кнопку еще разок и, не получив никакого ответа, отправился прочь.

Но во мне уже проснулся азарт – профессора надо найти. Маловероятно, что он пропал. Хотя в этом городе многие любят пропадать внезапно. Взять хотя бы того же Павла. Ведь он работает в Третьем.

Следующей точкой моих поисков стал Университет. Я без сомнений выбрал это место, потому что оно осталось единственным, где я могу найти профессора.

Я вспомнил, с каким восторгом он описывал мне само здание в форме полумесяца, со всеми его архитектурными деталями и особенностями. Сравнивая его с оригинальным зданием, я невольно ощущал какую-то физическую ущербность университета, в котором когда-то учился сам.

А еще здесь был свободный вход и каждый мог прийти даже на открытые лекции. Помечтать о таком стоит – когда все успокоится, я бы с удовольствием послушал что-нибудь интересное. В Империи не было телевидения в привычном нам формате и образование оставалось традиционным.

Вероятно, еще один плюс – живость, естественность. Возможность не только послушать, но и обсудить на месте, лицом к лицу. То, чего так не достает нашему миру, который погряз в Сети.

Когда я добрался до Университета, уже стемнело. Сентябрь давал о себе знать. И я опасался, что разминусь с Подбельским. Учítывая, что здесь не было вечерних смен, а обучение не представляло собой адскую загрузку массой бесполезных предметов, вряд ли после шести вечера я наткнулся бы на студентов, за исключением тех, что копошились в библиотеке.

Я вспомнил и нашу встречу с профессором, когда впервые прибыл в Университет. Все-таки, именно здесь, в подвальных помещениях образовательного центра Империи находится та самая машина, которая способна перемещать людей и предметы сквозь пространство.

Не без труда сориентировался в обилии коридоров и выбрал нужный путь, чтобы добраться до кафедры, а потом с разочарованием дернуть в запертую дверь.

– Дьявольщина!

Из кабинета напротив вышел человек и сердито посмотрел на меня:

– Молодой человек, почему шумите? – он уже был одет для выхода, но в облике явно узнавался университетский профессор. – Кого-то ищете?

– Григория Авдеевича Подбельского, – тут же ответил я. – Вы не знаете, где он?

– Он уже давно ушел, думаю, что вам стоит искать его дома.

– Я был на Верхнеклязменской, около часа назад, но не нашел его.

– На Верхнеклязменской? – нахмурился профессор. – Может, я чего-то путаю, но не припоминаю, чтобы там жил Подбельский. Я хорошо знаю своих коллег по соседним кафедрам и... А, может он и переехал, мы с ним довольно давно не общались. Вы точно ничего не путаете? – он вдруг прищурился. – Обычно студенты не знают место жительства их профессоров. Что вам от него нужно?

– Я не его студент, а хороший знакомый, и я уверен, что жил у него на Верхнеклязменской улице несколько дней в конце августа!

Ситуация принимала неприятный оборот.

– Не думаю, что вам следует что-либо сообщать, молодой человек. Уйдите, пожалуйста. Особенно, если вы не его студент. Иначе мне придется позвать охрану.

Хорошо, что я провел последние пару часов за рулем и успокоился после утренней стычки. Не хватало мне еще сцепиться из-за такой мелочи с профессором. Поэтому просто развернулся и ушел.

Зато узнал интересную информацию. Получается, либо коллега Подбельского напутал, либо профессор менял место жительства. Я допускал оба варианта, потому что знал людей, которые регулярно мотались по съемным квартирам, меняя жилье не реже, чем раз в три-четыре месяца.

Часы показывали уже половину седьмого, и больше я не мог тратить время на поиски, потому что Аня наверняка волновалась из-за моего долгого отсутствия. Так что я поспешил домой.

Забавно, но у себя на родине я домой так не спешил ни разу. Оказывается, изменилось практически все вокруг меня.

Охрана у дома была на месте – еще утром я обратил внимание на «случайно» прогуливающих людей, которые мне кивнули. Значит, все в полном порядке.

– А я уже думала, что мне придется ночевать одной, – Аню я нашел в спальне – она сидела на кровати с книгой в руках.

– Нет, я не мог оставить тебя одну, поэтому со всеми злодеями пришлось разбираться очень быстро, – я скинул пиджак и зацепился за ткань присохшей корочкой крови, которая осталась на сбитых от ударов костяшках.

– Значит, с Дитером все в порядке?

– Лучше. Мы поймали Алекса, – сообщил я Ане. – Того самого.

– Который сломал тебе ногу? – уточнила принцесса.

– Да, – ответил я с гордостью. – Ты не рада? Или, быть может, курс этики не позволяет тебе проявлять эмоций? – я сел на кровать поближе к ней и потянулся поцеловать. Но девушка держалась отстраненно:

– Я рада. Но мое мнение ты знаешь. Все это было слишком опасно и ненужный риск сейчас ни к чему.

– Тогда мне стоит извиниться за свое ребячество? – подмигнул я.

– Если бы ты говорил серьезно, Максим, я бы поверила.

– Вообще-то я и говорю серьезно. Это была дружеская услуга, она разовая!

– А еще разовая для Алана. Нет, не пойми меня превратно, – Аня отложила книгу в сторону. – Ты делаешь правильно, нравится мне это или нет. Ты помогаешь своим друзьям в ситуациях, когда не каждый мог бы даже рядом оказаться, не только прийти на помощь. Это, к слову, как раз и есть та этика, о которой ты говорил. Убирает эгоизм.

– И выглядит немного неестественно, – добавил я. – Даже пугает. Как будто эмоций нет.

– Я все равно не собираюсь тебя отчитывать, – девушка вздохнула и улыбнулась. – Пойми, что для меня все эти трудности тоже в новинку. Если бы ты был, не знаю, офицером гвардии, который постоянно пропадает на опасных заданиях, я и относилась бы по-другому. Но тебя я знаю, как обычного парня. И меня это устраивает. Не надо строить из себя героя. Я уже говорила и снова повторю – многие вещи вполне могут пройти без тебя.

– Как освобождение Алана, например?

– Да. Не нужно самому лезть в пекло, Максим. То, что ты сам иногда попросишь помощи, не сделает тебя слабее. Но у тебя самого есть влияние. Все-таки, ты мой жених, – она улыбнулась еще шире, и я наконец-то ощутил тепло в ее словах. – А я не хочу, чтобы ты постоянно был со сломанной ногой или с какими-нибудь другими ранами.

– Я и сам этого старательно избегаю, – посмеялся я и ушел в ванну, а по возвращении нырнул под одеяло. – Мне кажется, что ты совершенно незащищена, – произнес я, скользнув пальцами по телу Ани и не обнаружив на нем никакой одежды.

– Быть может, потому что рядом с тобой мне не требуется никакой защиты? – промурлыкала девушка и внезапно опрокинула меня на спину, забравшись верхом.

– Или, потому что ты сама справишься с кем угодно? – улыбнулся я, наслаждаясь видом ее тела.

– С тобой точно справлюсь.

Как ее романтическая натура переходила эту тонкую грань и превращалась в дикую кошку, я не знал. Да и ни к чему это было.

Но когда, закончив начатое, мы отдышались, я рискнул задать неудобный вопрос:

– Тебе не кажется, что не хватает одной детали во всем этом?

– В чем? – Аня лежала, положив руку мне на грудь.

– В наших отношениях. Мы ни разу не говорили... и не надо здесь применять свою этику, – сразу же добавил я.

– Не говорили о чем? – вздохнула девушка. – Прости, я вижу, ты не понимаешь, потому что тебе непривычна вся эта психология, – она чуть приподнялась, так что ее грудь качнулась, привлекая мое внимание. – В жизни есть вещи очевидные и неочевидные...

– Ань, я же просил!

– Так надо, слушай, – она внимательно смотрела на меня, и ее выразительные карие глаза заставили меня прекратить спор. – У нас с тобой все очевидно. И очевидное не требует каких-то объяснений. Ты сейчас хочешь мне сказать о неслышанном, но ты не должен говорить мне то, что я вижу. И я могу не говорить, потому что считаю, что все мои действия очевидны.

– Ты меня запутала, – признался я после некоторых раздумий.

– Хорошо, тогда сначала. Я не знаю ни одного человека, кроме тебя, который бросил бы все, чтобы умчаться в другой мир за девушкой, которая тебе понравилась. Тем более сделать это дважды. Ты делаешь вещи, тебе непривычные. То, что ты творил здесь, в Империи, вообще трудно описать чем-то другим, кроме как желанием быть со мной. И когда любой другой отказался бы от следующего шага на пути, ты дошел до конца. Но ты хочешь, очевидно, чтобы я, понимая все это, требовала от тебя признаний в любви? – она выразительно подняла бровь и сделала глубокий вдох. Весь монолог у нее прошел буквально на одном дыхании.

– То, что ты сейчас сказала – это потрясающе, – только и мог ответить я. – А для меня должно быть очевидно...

– ...Что я нахожусь здесь, и мой отец об этом знает, – тут же добавила Аня.

– Звучит куда внушительнее, чем список подвигов с моей стороны, – отозвался я и расмеялся. Все стало проще и понятнее.

Девушка тут же легла обратно, а я подумал, что мог бы послать к черту все планы, если бы каждый вечер проходил так легко и просто.

Глава 20. Мечты сбываются

Когда множество беспокоящих тебя вещей уходит на второй план, а то и вовсе исчезает, жить становится гораздо проще. Ночи проходят спокойнее, а утром голова остается ясной.

У меня же в мыслях было только ожидание результатов допроса. Алекса наверняка доставили, куда следует, и активно с ним поработали. С другой стороны, он человек опытный и наверняка не расколется с первого же вопроса.

Я закрыл глаза и потянулся. Когда лежишь вот так, расслабленный, на широкой удобной кровати рядом с красивой девушкой, кажется, что ничего большего и не нужно. Но ситуация в любой момент может развернуться против нас, поэтому долго расслабиться не получится.

Да и планы на будущее всплыли: надо готовиться к Большому Совету, со дня на день может возмутиться Волков – это если его сын наябедничает на мои проделки. По существу,

они спасли его жизнь, если только... Вот и навалились проблемы. Всю расслабленность как рукой сняло, и я начал прикидывать варианты.

Вопросов оказалось предостаточно, и, чем дольше я думал, тем больше их становилось. Почему все сложилось именно так? Является ли совпадением появление Василя Волкова в Галерее? Почему так странно отреагировал коллега Подбельского на мои расспросы о нем?

Мои размышления прервало появление Трубецкого. Шум у входной двери заставил меня подняться, одеться и спуститься вниз. Аня тоже проснулась, но пока осталась в кровати.

Шпион выглядел выспавшимся, что меня удивило еще больше, чем его появление в моем доме. Тем больше я удивился его словам:

– Собирайся. Едем!

– Куда? Что случилось?

– Не пугайся, все в порядке. Анна отправляется во дворец, пока тебя не будет здесь несколько дней.

– Давай ты сразу скажешь, что к чему. Утро было слишком хорошим, чтобы ты делал мне сюрпризы.

– Неподалеку от города есть полигон. Ты же просил тебя потренировать – будешь тренироваться. Разве что времени тебе дается не очень много, дня три, может, пять. Не больше.

– Неожиданно! – присвистнул я.

– А то, – Павел выглядел довольным. Ведь это он изначально предлагал мне заняться обучением, пусть и в другой сфере. – Оперативно – и это главное.

Да уж, в скорости решения этого вопроса отказать нельзя. Быстро – но что я успею сделать за пять дней? А тем более за три?

Были у меня в старшей школе военные сборы. Тоже длились три дня. Утром – пробежка. Каждый день – простенькая полоса препятствий с зачетом в последний день. Вечером – футбол. И все.

Но здесь с первого же момента я видел несколько отличий. Во-первых, не армия, а имперская спецслужба. Во-вторых, это Империя с нормальным финансированием и здесь вряд ли выдают по два патрона на стрельбу по мишеням. В-третьих...

Что там гадать – лучше увидеть все собственными глазами. Аню я предупредил и эту новость она восприняла более чем адекватно:

– Хотя бы пять дней никто не попытается тебя похитить, убить или покалечить, – ответила она. Всем видом девушка показывала, что довольна ситуацией. Как будто ей то же самое не угрожало!

Неброский автомобиль Павла подбросил сперва принцессу до дворца, где ее передали из рук в руки, а потом направился на юг, через Клязьму и дальше.

– Что-нибудь удалось выяснить у Алекса? – я ждал момента, чтобы задать этот вопрос, потому что не хотел обсуждать подобные вещи при Ане.

– Шутишь, должно быть? – удивился Трубецкой. – Специалисты моего уровня учатся всевозможным навыкам сопротивления, как физического, так и морального, лет с двенадцати. Но наша служба, фактически, пассивная – присматривать за людьми, и так, по мелочи: справки наводить, расследования, но не более.

– И для этой роли ты учишься фехтовать?

– Нет, – Павел немного помолчал, – это базовый курс. И в этом ты тоже хочешь потренироваться?

– Я вообще считаю, что пяти дней мало. Но император ждет меня в конце недели на Совете. И, честно говоря, я об этом стараюсь пока не думать, так как не представляю, что происходит. Разве что мне кто-то откроет свои карты и скажет: слушай, Макс, мы вот с еще с парой губернаторов тут такое дело замутили, не сможешь? А я их выслушаю и решу, сдавать государю или не сдавать.

– Правильно подумаешь, – несмотря на то, что я попытался выдать свои слова за шутку, Павел говорил серьезно. – Потому что твой статус известен многим и тебя попросту могут попытаться использовать. Дезинформировать. Ввести в какую-нибудь опасную коалицию или наоборот, держать тебя от нее подальше. Вариантов много.

– Поэтому я просто жду, – я смотрел, как автомобиль неспешно катится по пригородам Владимира. – Мы не закончили с Алексом, как я помню.

– История появления таких людей, как он, приводит один простой пример: если сотрудник Третьего отделения обнаруживает источник опасности члену императорской семьи, который он не может нейтрализовать лично, тогда в дело вступают сотрудники другого уровня.

– И чем же они отличаются от вас? Ведь тебя тоже могут пытаться, чтобы выяснить, где находится тот или иной человек. Да и вообще опасных ситуаций, как я убедился за последние два месяца, бывает очень много.

– Их тренировки сводятся к простым базовым понятиям. Им не должно быть больно, когда другие орут, не затыкаясь. Они должны бежать, когда остальные даже ползти не могут. Это те красивые слова, за которыми скрываются изнуряющие тренировки, способные убивать.

– Тогда я не могу понять, почему я смог его победить. Почему он сдулся? Он так ловко сбежал из Галереи, а потом за несколько минут драки он словно выдохся? И теперь, когда ты говоришь, что он способен на такие невероятные вещи, я даже не верю, что мы говорим про одного и того же человека! – я чуток помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил, так и не дождавшись ответа Павла: – я попытался разве его вывести его из равновесия всякими колкостями.

– Есть и такая вероятность. Помимо того, что люди гибнут на тренировках и пытках – да-да, такое тоже есть, потому что и к пыткам надо иметь стойкость, а без тренировок этого не наработать, – люди еще сходят с ума. Но самые хитрые умеют это скрывать, чтобы не отличаться от других, – ответил он наконец.

– То есть, ты хочешь мне сказать, что он – псих? Что он повелся, и я действительно выбесил его, а потому он не смог себя контролировать? Тогда я ничего не понимаю. Какой толк от такого специалиста, который в любой момент может слететь с катушек? Смысл в обучении? Один погиб, другой свихнулся, третий выжил и превратился в машину для убийств?

– Так оно и есть, Максим. Попытка сделать сверхчеловека из обычного обречена на провал в девяноста девяти случаях из ста. Особенно без спецсредств. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

– Не лучшая тема для разговора перед моими тренировками, – ответил я, вздрогнув.

Я отчетливо представил себе не тренировочный лагерь, где готовят бойцов, а целую лабораторию, где пытаются сделать из простых людей сверхсолдат, суперлюдей с недюжинной силой.

Только вместо тренажеров там одни лаборанты, куча запрещенных веществ, шприцы и... дальше моя фантазия пошла в бурный отрыв, и только Павел вернул меня обратно к реальности:

– Тебе же это не грозит, – сказал он. – А что касается Алекса... хм, я читал его дело. Не думаю, что с ним что-то не так, на самом деле.

– Тогда у меня еще больше вопросов, – ответил я. – И первый: как вы его расколете?

– Методы у нас имеются, насчет этого может не переживать, – Трубецкой позволил себе улыбнуться. Не жестоко, как будто он будет весь следующий день дырявить Алексу колени, а попроще. Но я-то знал, на что способен Трубецкой.

– Ха-ха, – уныло выдавил я. – Плавали, знаем. Не ты ли пытался во мне спиралью лишнее отверстие сделать?

– А, вот ты про что! Так это для людей попроще. Кто не знаком с пытками...

– Давай оставим эту тему. Я верю, что вы расколете Алекса и этого довольно. А то меня уже тошнит. И личный опыт наш разговор на эту тему приятнее тоже не делает.

– Согласен. К тому же мы уже прибыли.

В не самых приятных воспоминаниях и мрачных размышлениях я и не заметил, как мы свернули с дороги на малозаметную грунтовую дорогу, по которой автомобиль прошел явно не один километр, петляя между старыми соснами.

Наконец мы остановились перед забором, который терялся в густом кустарнике. Больше походило на летний детский лагерь. Ворота откатили в сторону и автомобиль въехал на обширную территорию.

Несколько корпусов высотой не больше двух этажей, открытое пространство с веревками и какими-то строениями, да пара человек, которые явно выбрались на пробежку.

– Я здесь буду не один? – спросил я, скорее расстроенный, чем с надеждой на компанию.

– Формально – нет. Фактически – у тебя строго индивидуальные тренировки и минимум контактов с остальными, – объяснил Павел.

– Это действительно радует. Может быть, еще и тренер будет индивидуальный?

– Конечно. Зовут Анатолий. Вон он, идет навстречу.

Из ближайшего к нам корпуса выдвинулся бравого вида, широкоплечий, с прямой спиной и уверенной походкой, в полевой форме, перетянутой ремнем, мужчина лет так шестидесяти, а то и старше. Кепка прикрывала его коротко стриженные волосы, и если бы не его седая борода, то быть ему действующим командиром, как минимум, дивизии, а то и целой армии.

– А отчества нет?

– Он предпочитает без отчества, – и Трубецкой заспешил на выход:

– Здравствуй, Пал Романыч, – Анатолий потряс его руку, явно намереваясь ее оторвать насовсем. – Что за странные просьбы и откуда эта молодая кровь? – он смерил меня изучающим взглядом. – Да чтобы еще и сам рвался?

– Ситуация такая. Необычная. Крайне необычная.

– И что ты прикажешь мне с ним за пять дней сделать? Жирка на нем особо-то и нет, а научить чему-то за такой короткий срок очень сложно.

– Ты ему, главное, покажи, что к чему. Если усвоит хотя бы пятую часть того, что ты ему даешь – просто отлично будет.

– Так это все-таки не наказание? – хмыкнул Анатолий и поправил кепку. – Обычно в осень к нам направляют всяких проштрафившихся.

– Нет, конечно! – Павел повернулся ко мне: – Через пять дней буду.

– Заберешь, что от него останется.

– Это мы еще посмотрим, – выдал шпион, нырнул в машину и укатил под подозрительным взглядом Анатолия.

– Посмотрим значит, – негромко проговорил вояка. – Посмотрим. А ты что какой безрадостный стоишь? Мечты сбываются, бодрее давай!

Он хлопнул мне по спине и двинулся в сторону корпусов:

– Не отставай!

Глава 21. Обманутый тренер

Когда мы прошли мимо пары бегунов, которые нарезали очередной круг, Анатолий обернулся:

– Мне сказали, что бегать тебе нельзя. Но двигаешься ты вроде как уверенно, – он еще раз, прищурившись, посмотрел на меня: – Пал Романыч у нас скрытный, слова лишнего не скажет. И кроме того, что ногу тебе недавно сломали, ничего больше не говорил. Сам расскажешь или ты такой же, как и он?

– Зависит от того, какой смысл вы в этой вкладываете, – я подошел поближе и уставился в удаляющиеся спины бегущих. – Какой – такой? Я не коллега, если вы об этом.

– Про то, что он из Третьего, я и сам знаю. У нас других не водится. Все, кто есть, идут потом или в разведку, или в спецвойска, или императора охранять. Но ты-то учебу у нас не проходил, и вдруг Трубецкой тебя приводит. Поэтому и спрашиваю – кто ты?

Я похлопал глазами, прикинув, что это может оказаться ловушкой. Мало ли, вдруг даже ему нельзя говорить о моей роли? А я уже собрался язык развязать.

– Просто Максим, – ответил я.

– Ты это брось, – строго проговорил вояка. – Как мне с тобой заниматься, если я не знаю о тебе ничего? Я должен знать! Либо отказываюсь тебя обучать и в корпус не пущу.

– Не напугали, – усмехнулся я. – Но я ведь тоже не намерен молчать, как последний партизан. Мне надо вспомнить пару боксерских приемов, может, что-то новое освоить.

– Та-ак, – протянул Анатолий, – что еще?

– Стрелковое. А то у меня что-то меткость хромает, – произнес я, уверенный, что случайная двусмысленность от человека не ускользнет.

– Почему-то мне кажется, что это все, – вояка уткнул руки в бока. – Вроде бы хороший план, но выдает в тебе лицо настолько гражданское, что таких сюда за километр не подпускают.

Пока он вещал, я поразмыслил, с каких козырей мне зайти, чтобы не сразу в лоб выдать человеку информацию, и в итоге всего лишь спросил:

– А психологи у вас тут есть?

– Психологи? Мозгоправы есть, конечно. А что, думаешь, понадобятся? Зачем же?

– Контролировать гнев. Чтобы не добивать всех подряд.

– Не строй из себя сурового солдата, парень! – загремел Анатолий. – Не терплю обмана!

Если ты решил тут шутки шутить, мои ребята тебя быстро вытолкают наружу и пойдешь пешком во Владимир. Как раз доберешься к пятому дню.

– Тогда у меня деловое предложение. Пусть ваши ребята попробуют меня вытолкать.

Если у них получится – я сам объясню Трубецкому, что да как.

– А если не получится?

– Если не получится, вы прекратите меня расспрашивать, и мы займемся делом.

– Я сам тебя выкину за ворота за твою наглость, если что. Запомни.

– Хорошо, – согласился я.

Никаких «так точно» и прочих. Поколотить одного или двух ровесников, как я себе представлял – не очень и сложно. Зато эффективно.

– Разминайся, – Анатолий ушел в корпус и меньше, чем через минуту вывел паренька, на вид меня чуть младше. Но при этом легче килограмм на десять. Тот был одет в простую серо-зеленую рубашку и брюки. – Попробуй его одолеть.

– Его? – усомнился я. – Вы шутите, должно быть.

– Отказываешься? – с вызовом спросил старый вояка.

– От такого удовольствия? Да ни за что на свете!

Я отыскал место, куда можно повесить пальто. Пусть я и подрастерял за пару месяцев форму, но все еще выглядел куда внушительнее, чем этот дохляк. Хорошо, если в нем было килограммов семьдесят.

Но и мой вид его не испугал. Парень смотрелся уверенно, расправил плечи и стоял так, будто я намереваюсь поколотить сперва его, а потом уже и Анатолия. Меня внезапно стало жутко раздражать это имя.

– Так покончим с этим побыстрее, – я быстрым шагом направился к противнику.

Если он знает хоть что-то, то наверняка попытается использовать мое же преимущество. Вояка ведь не дурак, не будет выставлять против меня совсем зеленого. Хотя возрасту опытным его никак не назовешь.

Но все равно продолжил свою обманку: двигался быстро, чтобы он принял мой маневр за чистую монету. А сам я точно отсчитывал шаги, чтобы вовремя сместиться в сторону – в зависимости от выбранной опорной.

Мальчишка следил за мной – смотрел на руки. Когда до него осталось лишь несколько метров, я поднял кулаки повыше, досчитал шаги, выбрал опорную ногу и сместился в сторону.

Главное правило бокса я всегда понимал по-своему. Следи за ногами – значит, следи за ногами противника. Как только ты перестаешь это делать, ты не владеешь ситуацией. А вот паренек сорвался с места, как я и предполагал, чтобы уйти из-под удара и сбить меня с ног, опрокинуть, бросить – или чего он там еще думал сделать.

Бить его оказалось не с руки совсем, так что я попросту отскочил в сторону. К чести мальчика, тот не упал, но неуклюже сделал несколько шагов вперед и лишь потом выпрямился.

Он посмотрел на Анатолия – тот оказался сзади меня, так что его лица я не видел. Но вояка явно дал ему какой-то знак и паренек, до того ошалело на меня тарасившийся, сам медленно двинулся вперед.

Под ногами у нас лежали доски, прикрывавшие песок. Нетрудно было услышать, как у меня за спиной шаркнула чья-то обувь. Я тут же развернулся, чтобы не стоять спиной ко второму противнику.

– А вот это уже нечестно! – крикнул я Анатолию, завидел личность покрупнее, лучше соответствующую моей весовой категории.

– Мы о правилах не договаривались! – услышал я в ответ.

– Тогда простите, ребят, – я повернулся к более крупному сопернику, оставив дохляка в поле зрения. – Вашей вины тут нет, – и начал отходить назад, претворяя в жизнь новую обманку.

Здоровячок – он хоть и выглядел старше, но не казался мне опасным соперником, – начал подходить ближе, сокращая расстояние в нашем треугольнике. Я же следил за мелким, и в тот момент, когда до него остался лишь прыжок, внезапно рванул к нему, заставив его отскочить в сторону.

Вряд ли это можно было назвать профессиональным движением, но зато оно сильно смутило первого противника, заставило его развернуться, открыться. И в этот момент я вернулся в здоровячку, который не ожидал движений в его сторону, ударил под ребра, а затем добавил с другой стороны, не теряя ритма.

Тот охнул, а раз Анатолий сказал, что никаких правил нет, саданул ему в живот и как только парень согнулся, вломил правой в скулу. Налетевшему сзади мелкому я позволил запрыгнуть себе на шею, наклонился и сбросил его перед собой, прямо на здоровяка.

– Вот так сломанная нога! – воскликнул Анатолий, когда я уже собрался нанести решающий удар. – И кто же ее тебе так сломал, что ты моих новичков все равно уделал?

– Некто по имени Алекс, – крикнул вверх мелкого, упираясь коленом ему в грудь, потому что он продолжал сопротивляться.

– Уж не собрался ли ты мстить? – вояка неспешно направился к нам, а на улицу уже высыпал с десятков других. – Мсть – это же последнее дело, даже такому человеку, как он.

– Мне незачем ему мстить, – убедившись, что мелкий не сопротивляется, я тут же встал и поправил рубашку. Даже без крови в этот раз обошлось. – Мы же его поймали. Я и Павел.

– Мог бы сразу сказать! – Анатолий бросился к нам, опустился на колени перед здоровячком и махнул рукой, подзывая пару парней. – В медпункт, живо! И ты туда же – добавил он, обращаясь к мелкому, который, ссутулившись, встал рядом. – А ты?!

– Что я? – мне оставалось только удивляться происходящему. – Вы действительно подумали, что Павел может привести сюда просто какого-то знакомого, невнятного типа гражданской наружности, которого могут выкинуть два сопляка? Сколько им? Лет по пятнадцать?

– Восемнадцать обоим, – мрачно ответил вояка. – Не думал, что ты такой.

– А я думал, что у вас, военных, наметанный взгляд. Чтобы человек, как в книгах пишут, понимал с первого раза, кому доводилось убивать, а кому нет.

– Гордиться этим нечего, – Анатолий покачал головой. – Ничего хорошего в этом нет.

– Я не горжусь. Я констатирую факт. Который, как я думал, вы поняли.

– Полагаю, насчет Алекса ты не соврал? – помолчав немного, спросил старый вояка.

– Нет.

– Тогда объясни, чего ты здесь забыл?

– Я считаю, что мне повезло. И не хочу, чтобы везение было основным победным фактором.

– Те знания, которые тебе помогут, за пять дней не получить, – лицо Анатолия смягчилось. – А то, что можно дать, ты наверняка и сам знаешь.

– Вряд ли. У меня за плечами разве что секция по боксу.

– Так ты расскажешь правду о себе?

– Видите ли, у меня такой странный статус здесь, что лучше о себе не распространяться, – я накинул обратно пальто, как только вышел жар после схватки. Предлагаю не терять времени.

Глава 22. Полезных навыков много не бывает

Анатолий провел ладонью по подстриженной седой бороде и взглянул на меня уже по-другому. Явно оценивая не как временное пушечное мясо, а как кого-то уровнем повыше.

– Мне так и следует обращаться к вам по полному имени? – уточнил я.

– А что тебе не нравится? – от неожиданности вояка изменился в лице и как будто бы подобрел.

– Не знаю. Как-то звучит... куцо. Либо отчество, либо отчество и звание. Я же не могу называть вас «дядя Толя».

– Вот уж нет, – под седыми усами губы его растянулись в улыбке. – Никаких дядь, дядей, дядьев – чего я только тут не наслушался. Знаешь, какие нахальные сопляки сейчас бывают?

– Еще бы, – я вспомнил Мишу, который называл себя Майклом. Парнишка приезжал на лето к родне в поселок, где я жил, и представлял собой жуткий контраст современного сленга с нормальной речью остальных людей. – Надеюсь, вы не подумали, что я такой же, как они?

– Есть в тебе что-то такое... – он задумался. – Нет, не как ты рассказывал, я не вижу особой разницы между людьми, которые убивали, и которые – нет. Иногда на других жизнь оставляет такой сильный отпечаток, что аж в глаза бросается. Так что ты...?

– Я бы не хотел об этом, – ответил я, – Анатолий, поймите...

– Давай пройдемся, – предложил он, по-отечески мягко.

– Хорошо, – кивнул я и продолжил начатую фразу: – я не знаю, как вам ответить. Все, что со мной происходило – это непривычно. Ненормально с точки зрения простого человека.

– Вот мы и добрались до отпечатка, который наложила на тебя жизнь, – философски заметил Анатолий. – Сейчас тебе это кажется непривычно. Но когда ты делал то, о чем так не хочешь говорить, ты чувствовал, что сделал что-то непоправимое?

– Нет, – признался я. – И мне кажется, что ни разу. Почти всегда это была самозащита.

– Вероятно, у тебя имелась возможность даже пощадить кого-то? – продолжил свой вопрос Анатолий.

– Была, – неуверенно ответил я, потому что не сразу вспомнил про помощника графа Апраксина. – Я ей воспользовался. Но он все равно умер. Так что вряд ли это говорит о моем милосердии.

– Милосердие – странная вещь. Иной раз оставишь в живых человека, а через год он тебя захочет убить. Особенно, когда речь идет о родственниках, – хмыкнув, добавил Анатолий. – Не хочешь продолжить?

– А что тут продолжать? – уточнил я.

– Например, раз ты не испытываешь сожаления о случившемся, то мне интересно, как это происходит. Знаешь, полезных навыков много не бывает, – он указал ладонью на стол по правую сторону от меня.

Щит, сколоченный из грубых досок, расположился на толстых, поставленных стоймя бревнах. Поверх него, словно в противоположность самой конструкции, идеально ровными рядами было разложено оружие. К моему приезду явно подготовились.

– А если бы ваши ребята меня выкинули?

– Тогда это стало бы большим разочарованием для меня. А для Трубецкого тем более. Признаюсь, он сказал мне чуть больше, поэтому я организовал небольшую проверку. Тест низшего уровня сложности, поскольку опасался за твою ногу. Теперь посмотри на все это и скажи мне, что ты уже видел и чем пользовался.

– Стоп. Насколько больше сказал Трубецкой?

– Что оружие ты впервые в руки взял в августе этого года, проткнул первого насквозь и далее предпочитал исключительно огнестрельное оружие. Думаю, в этом нет ничего лишнего и того, что ты хотел бы от меня скрыть. Например, этот нижегородский говор. Ты ведь не местный?

– Это снова проверка? Если так, то отказываюсь отвечать на вопросы личного характера.

– Но-но-но! – притворно возмутился Анатолий. – Господин барон корчит из себя обиженного!

– Ладно, – смягчился я. – Вы не угадали, я местный. И родители мои тоже отсюда. Так что намек относительно нижегородского говора я не понял.

– Пускай, – отмахнулся старый вояка. – Давай-ка лучше к делу.

Я осмотрел импровизированный стол. Нашел «стрелец», «туляк», которые имели узнаваемые формы, «коротыш» почему-то лежал отдельно. Но было еще несколько пистолетов, которые мне еще не встречались. И это только в поле моего зрения – дальше я мельком захватил взглядом автоматическое оружие и что-то посерьезнее, но все это загородил Анатолий.

Тогда я указал на знакомые мне виды, на что вояка предложил мне опробовать, к примеру, «стрельца». Магазины, уже заполненные патронами, в обилии лежали на ближней стороне стола.

Привычным движением я зарядил «стрелец», потянул затвор, убедился, что патрон встал на место и посмотрел на Анатолия:

– А предохранитель? – спросил он.

– Команды стрелять еще не было, – отозвался я, и старый вояка снова довольно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.